

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА

Санкт-Петербург
2018

**УДК 316,
304. 444**

Аннотация. Социальная антропология города. / Под. науч. ред Окладникова Е.А. Санкт-Петербург: Л-Принт, 2018. - 137 с.

В марте 2018 года в Санкт-Петербурге в РГПУ им. А.И. Герцена состоялась первая конференция «Социальная антропология города». В настоящий сборник вошли лучшие статьи участников конференции, посвященные нескольким важным социально-антропологическим аспектам изучения города как социологического феномена: историко-демографическому, функциональному и градостроительному, этнокультурному, социально-пространственному, функционально-психологическому и духовному (городская праздничная культура, образы городов и урбанизированных пространств).

Статьи публикуются в авторской редакции с минимальной правкой научного редактора.

**© РГПУ им. А.И. Герцена
© Авторский коллектив
© Свое издательство**

ISBN 978-5-4386-1583-5

СОДЕРЖАНИЕ

Воронцов А.В. ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА».....	4
Товмасьян Э.О. РОССИЙСКИМ ГОРОДАМ НУЖНЫ ПОЛНОЦЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ	6
Кужелев Е.Д., Любимов А.В. РОЛЬ ЭКОЛОГО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ НЕУСТОЙЧИВОЙ ВНУТРИГОРОДСКОЙ СРЕДЫ.....	20
Воронцов А. В., Глотов М.Б. РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	24
Сымонович Ч.Э. ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА-САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ПРИ ЖИЗНИ РОВЕСНИКОВ ВОЙНЫ (1940 – 2010)	29
Blair A. Ruble HOW TORONTO BECAME TORONTO	45
Пивнева Е.А. «ПРИРОДУ В КВАРТИРУ НЕ ЗАПИХНЕШЬ»: О НЕКОТОРЫХ ЭТНИЧЕСКИХ МАРКЕРАХ У ОБСКИХ УГРОВ Г. ХАНТЫ-МАНСКИЙСКА	57
Петрова И.В. КЕЙС «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ-2018»: ОСНОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ АГРЕГАЦИИ... ..	70
Мартьянова Н. А. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КОНСТРУКТИВИЗМА В ГОРОДСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ.....	78
Окладникова Е.А. ОБРАЗ АГРОГОРОДА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ	89
Крейцер А.В. ФЕНОМЕН ПЕТЕРБУРГА И ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВПАДИНА ПРИНЕВСКОЙ НИЗМЕННОСТИ	107
Вешнинский Ю. Г. СРАВНЕНИЕ ОБРАЗОВ ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ МОСКВИЧЕЙ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ	119
Шарендо Е. А. АДАПТИВНАЯ НЕАДЕКВАТНОСТЬ ИНДИВИДА В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ.....	127
Шарендо М.Н. ВЛИЯНИЕ СРЫВА ГОРМОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ АДАПТАЦИИ НА СТРУКТУРУ ДНК И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГЕННЫХ МУТАЦИЙ.....	132
Гемеджи Е. М. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕГАПОЛИСЕ	135

**ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА»**

Уважаемые участники конференции!

Главным позитивным моментом открывающейся сегодня конференции является разносторонний, многоаспектный, я бы даже сказал многоплановый подход к социальной антропологии. Действительно, главным достоянием любого города являются люди.

Как член Общественной палаты Санкт-Петербурга, отвечающий за межнациональные и межконфессиональные связи, я хотел бы обратить Ваше внимание на то, что наш город, с одной стороны, многонациональный, многоконфессиональный, и вместе с тем, это город, преимущественно, русского населения. В нашем городе из 5 с лишним миллионов граждан проживает порядка 90% русских, 1.5% украинцев, 0.9% белорусов, 0.7% татар, .05% евреев и т.д.

Мы гордимся тем, что в нашем городе нет никаких межнациональных и межконфессиональных распрей. Вместе с тем, как член Совета по русскому языку при Губернаторе Санкт-Петербурга хочу особенно подчеркнуть необходимость более бережного отношения к русской культуре и русскому языку и даже их защиты в нашем городе, равно как и на всем пространстве России.

Ведь если пройтись по Невскому проспекту, вы увидите сплошные надписи на английском языке. А между тем глубинная сущность Петербурга, тайны, нарративы его сознания и подсознания открываются нам именно на русском языке, языке Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Блока, Ахматовой, да и многих творцов бардовской песни концаXX века. Архитектурная линия города на Неве как непрерывного рассказа из тех глубин, где мы слышен голос Медного Всадника, яркие и уносящие в даль образы его – это тоже образы переломов, ярких взлетов и падений тех, кто живет в пространстве русской и одновременно многонациональной, синтетической культуры.

Французы очень бережно относятся к своему языку, и поэтому глубинная душа Парижа открывается тем его гостям, кто готов с уважением отнестись к ней.

Я говорю и пишу об этом уже давно. В бытность мою председателем комитета по науке и высшей школе ЗакС первого созыва, мы вместе с писательской организацией внесли принятый Законодательным Собранием проект федерального закона о защите русского языка. Этот проект до сих пор обсуждается в Государственной Думе. Да, принят закон о государственном языке. Но во многих национальных республиках принимаются сейчас законодательные акты о сохранении и развитии национальных языков. В масштабе же России закона о сохранении и развития русского языка нет.

Поэтому я убеждён, что обращаясь сегодня к глубинным основам Петербурга и других русских городов как подлинно человеческой сущности, живущей в области языка и речи, Конференция «Социальная антропология города» безусловно внесет свой вклад в понимание сложнейших социальных процессов и защиту самобытности отечественной цивилизации с нашей многонациональной северной русской душой.

Товмасьян Э.О.

ЦНИИП Минстроя России,
главный специалист научно-методического
центра «Теринформ» ЦНИИП Минстроя России,
г. Москва

РОССИЙСКИМ ГОРОДАМ НУЖНЫ ПОЛНОЦЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: рассмотрена роль социально-градостроительных исследований и обследований населения с целью их актуализации в градостроительной деятельности для реализации конституционных прав населения (статья 42 Конституции РФ) на благоприятную окружающую среду.

Социально-градостроительное обоснование, базирующееся на результатах социально-градостроительных исследований и обследований населения, должно стать неотъемлемой частью материалов обоснования градостроительных решений.

Ключевые слова: социально-градостроительные исследования и обследования населения, участники градостроительного процесса, городская политика, градостроительная политика, материалы обоснований.

Камертоном статьи может служить высказывание талантливейшего российского исследователя начала XX века Н. П. Анциферова (Рис. 1) «Гражданин, познай свой город – и ты познаешь и свою социальную среду, и себя самого» [1].

Возросшие в последние годы российские масштабы жилищно-гражданского строительства и освоения новых территорий сопровождаются повышением требований людей к качеству городской среды и их многочисленными реакциями на принятие ряда негативных градостроительных решений. Важную роль в реализации конституционных прав человека нашей страны (статья 42 Конституции РФ) на благоприятную окружающую среду играют социально-градостроительные исследования и обследования. В связи с этим нельзя не упомянуть основателя социологии города Макса

Вебера (1864-1920) (Рис. 2.1.) и чикагскую школу социологии, работы которой отличала прикладная направленность, а лидеры которой стремились к замене политики социологией (Рис. 2.2.1, 2.2.2).

Начало научному осмыслению гражданского (общественного) участия при разработке проектов территориального планирования в Европе положили в первом десятилетии XX века труды Патрика Геддеса (1854-1932), шотландского биолога, социолога и градостроителя (рисунок 2.3). Выбору тех или иных планировочных решений по П. Геддесу должна была предшествовать концепция «городского исследования» [2].

Рис.1.		<p>Николай Павлович Анциферов (1889-1958). Кандидат филологических наук, культуролог, историк, краевед. В 1915г. окончил историко-филологический факультет Петроградского университета и оставлен при кафедре всеобщей истории, где находился до 1919 года. С 1921г. работал в исторической и методической секциях Петроградского научно-исследовательского экскурсионного института, с 1924г. – в Петроградской отделении Центрального бюро краеведения. В 1944г. защитил диссертацию в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН на соискание учёной степени кандидата филологических наук «Проблема урбанизма в художественной литературе». Автор работ по истории Санкт-Петербурга, методике и организации экскурсионного дела. Известен как автор мемуаров «Из дум о былом», изданных в 1992г.</p>
Рис.2.1		<p>Макс Вебер Карл (<i>Maximilian Carl Emil Weber</i>) (1864-1920) - немецкий социолог, философ, историк, политический экономист. Известен как Макс Вебер (<i>Max Weber</i>). Идеи Вебера оказали значительное влияние на развитие общественных наук, в особенности — социологии. Наряду с Эмилем Дюркгеймом и Карлом Марксом Вебер считается одним из основоположников социологической науки.</p>

В последующем тематика социальных исследований и обследований населения была значительно развита на Западе от демографо-статистических и криминалистических к экономическим обследованиям, а далее — к социокультурным, собственно социологическим [3, 4, 5, 6].

Рис.2.2.1		<p>ПАРК Роберт (Robert Ezra Park) (1864-1944) американский социолог. Заложил основы социологии города, глава чикагской школы (Эрнст Бёрджесс, Лус Вирт и др.). Автор работ по экологии человека, социологии рас и этнических отношений (на английском и переведено на русский язык), миграции населения, культурной ассимиляции, общественным движениям и социальной дезорганизации (на английском и переведено на русский язык).</p>
-----------	---	---

Рис.2.2.2		БЕРДЖЕСС Эрнст Уотсон (<i>Ernest Watson Burgess</i>) (1886-1966) американский социолог. Известный американский социолог, представитель Чикагской школы социологии. Главный редактор <i>American Journal of Sociology</i> (1936—1940). В американской социологии Эрнст Берджесс, прежде всего, известен как один из основоположников Чикагской школы социологии, вместе с Робертом Парком и Уильямом Томасом.
Рис. 2.3		ГЕДДЕС Патрик (<i>Patrick Geddes</i>) (1854-1932) шотландский биолог, социолог и градостроитель. Учился в Эдинбурге, Лондоне и Париже. В конце 1880-х прославился как один из пионеров сексологии (благодаря книге «Эволюция пола») и организатор музея «Смотровая башня» в Эдинбурге. В 1892 году основал социологическую лабораторию. Переписывался со многими известными мыслителями, включая Кропоткина. Многие социологические работы Геддеса до сих пор актуальны, в частности, они оказали большое влияние на философию Л. Мамфорда.

Через социологию Патрик Геддес приходит к градостроительству, видя тесную связь между общественными процессами и характером урбанизации. Он вводит понятие конурбации, подходит к проблемам районной планировки, ландшафтной архитектуры и глобального города. В 1911 году Геддес создал выставку «Градостроительство», а с 1919 года работал в Индии, участвовал в создании генеральных планов Иерусалима, Тель-Авива и Бомбея. Незадолго до смерти учёный был возведён в рыцарское достоинство. Геддес активно выступал в защиту окружающей среды и считается одним из прародителей движения зелёных.

Отечественный опыт учета потребностей населения в выборе планировочных решений развития города и научного осмысления проблемы участия населения в управлении, связан с начала 20-х г.г. XX в. с трудами П.М. Керженцева (Рис.2.4.1.), В.Г. Афанасьева (Рис.2.4.2.), Л.Б. Когана (Рис. 2.5), Т.М. Дридзе [7], О.Н. Яницкого [8], В.Л. Глазычева [9] и др. [10].

Рис.2.4.1.		КЕРЖЕНЦЕВ Платон Михайлович (1881-1940) государственный и общественный деятель, революционер, экономист, журналист. Основатель советской школы тайм-менеджмента. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета. Революционер. Партийный работник и общественный деятель. С 1938г. - главный редактор и директор Малой Советской энциклопедии, заместитель Главного редактора Большой советской энциклопедии, заместитель директора издательства «Советская Энциклопедия».
------------	---	---

Рис.2.4.2.		<p>АФАНАСЬЕВ Виктор Григорьевич(1922-1994) советский философ, академик АН СССР и впоследствии РАН. 1976–1989гг. - главный редактор газеты «Правда». 1989-1990гг. на работе в АН СССР, был членом редколлегии серии «Кибернетика - неограниченные возможности и возможные ограничения» РАН (издательство «Наука»). Автор популярного у студентов 1970-1980-х гг. учебника по философии «Основы философских знаний».</p>
------------	---	--

Социально-градостроительные основы пространственного развития общества заложены трудами доктора архитектуры Л. Б. Когана и учеников его школы [11, 12, 13, 14, 15].

Рис.2.5.		<p>КОГАН Леонид Борисович (1931-2014) доктор архитектуры, почетный член РААСН, основатель научного направления и школы социально-градостроительных исследований. Он впервые дал в отечественную литературу энциклопедическое определение процесса урбанизации как «исторического процесса, повышения роли городов в развитии общества», раскрыл его закономерности и механизмы, показал его политическое значение для судьб мировой цивилизации и культуры. В 1970-е – 1990-е годы под руководством Л.Б. Когана, в русле разработанного им направления, была создана школа урбанологических исследований и городской политики,</p>
<p>которая накопила опыт проведения международных конференций («Культура молодых городов» – г.Набережные Челны, 1993г.; «Кризис в России и судьбы городской цивилизации» – г.Москва, 1999г.; «Городская политика в стратегии России – г.Москва, 2002г.». В 70-е годы в ЦНИИП градостроительства им была создана группа социологических проблем, которая инициировала целый цикл социально-градостроительных исследований по Москве и области, по городам Таллин, Тбилиси, Ереван, Новосибирск, Новосибирский Академгородок, Пушкино, Тольятти и ряду других городов. В середине1990-х годов Л. Б. Коган удостоился почетной в науке формы международного сотрудничества как ассоциированный профессор Университета Париж-Х. Он привлекал парижских коллег на участие в московских международных конференциях по проблемам городской политики в 1993, 1999 и 2002 годах. Социально-градостроительные, будучи по существу урбанологическими, исследования, проводившиеся коллективом сотрудников ЦНИИП градостроительства в 1970-е –2000-е годы под руководством Л.Б. Когана, их международное признание вывели эти исследования на общеевропейский уровень городской политики, который так необходим в современном развитии науки о городе.</p>		

В круге школ и направлений региональной российской урбанистики и социологии города следует отметить работы известных российских социологов Е.М. Акимкина, А.П. Давыдова (оба москвичи) и Е.Н. Заборовой (Екатеринбург) и Е.Б. Черновой (Санкт-Петербург). Е.М. Акимкин - кандидат социологических наук, руководитель Исследовательского комитета Российского общества социологов (ИК РОС) – работа «Социология городского и регионального развития». А.П. Давыдов – доктор культурологии, в одной из своих недавних работ рассмотрел логику смены социально-культурных типов при переходе в мировой культуре от идеалистического типа к рациональному с учетом вклада социологии Питирима Сорокина [16]. Е.Н. Заборова – доктор социологических наук, раскрывшая взаимосвязи глобализационных и внутригородских процессов [17]. Е.Б. Чернова – руководитель Лаборатории социологии градостроительства Рос НИПИ урбанистики.

Социально-градостроительные исследования тесно взаимосвязаны с проблемой городского развития. Базовыми документом по развитию городов, которым обязалась

руководствоваться наша страна как основатель и постоянный член Организации Объединенных Наций, является Стамбульская декларация по населенным пунктам и «Повестка дня Хабитат», принятые в июне 1996г. Международной конференцией по поселениям человека (Хабитат II). Кроме того, важными для решения проблем городского развития являются следующие документы европейского уровня:

- документ 1998г. Форума городов в Вене «Устойчивое развитие городов Европейского Союза: руководство к действию»,

- декларация конференции 2002г. в Лондоне «Сближение городов»,

- документ 1997г. Комиссии Европейского Союза «О городской политике стран-членов ЕС»,

- реализация программы Европейской сети для обмена опытом «URBACT» (2002-2006г.г.) и др.- материалы XV и XVI Европейских конференций министров пространственного/регионального развития (СЕМАТ), где, например, в рамках XVI конференции (июнь 2014г.) были проведены переговоры, посвященные работе VII международного круглого стола «Актуальные вопросы международной региональной политики» XIII Общероссийского Форума «Стратегическое планирование в регионах и городах России». На XIII, проводимом с 2000г., ежегодном российском Форуме прошел финал Конкурса городских стратегий. За звание «Лучшая городская стратегия» боролись 7 городов: Вологда, Иркутск, Калининград, Новошахтинск, Орск, Самара, Череповец. Практически все стратегии были представлены на суд жюри высшими должностными лицами города. Победителями Конкурса, согласно мнению экспертного жюри стали города Череповец и Самара.

В рамках конкурса Ассоциацией специалистов по экономическому развитию территорий (АССЭТ) было проведено независимое зрительское голосование по выбору лучшей городской стратегии. Аудитория признала лучшей стратегией города Иркутска. Немаловажно отметить, что конструктивное выступление Ученого секретаря ЦНИИП градостроительства РААСН Г.А. Лебединской «Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации как неотъемлемая составная часть системы документов территориального планирования» на круглом столе «Конференция по территориальному планированию» XI Общероссийского форума «Стратегическое планирование в городах и регионах России» (22-23 октября 2012, Санкт-Петербург). Вот сказанное ею то, что послужило основанием для включения территориального планирования обязательной составной частью стратегического планирования: «...учитывая, что любая стратегия имеет пространственное измерение, в концепцию долгосрочного социально-экономического

развития, последующие отраслевые стратегии, по нашему мнению, и должна быть заложена необходимая стратегия в области расселения и организации территории» [18]. В декларации IV Тульского экономического форума «Развитие городов: инновации плюс потенциал традиций» (30.09 – 01.10.2011) предлагается вести мониторинг ключевых показателей эффективности развития городов и знакомить с этими показателями общественность, регулярно обсуждать с горожанами достигнутые результаты и меры по дальнейшему развитию города посредством общедоступных интернет-форумов и интернет-конференций, социологических опросов, муниципально-общественных комиссий.

Неоценимую помощь в социально-градостроительных исследованиях и обследованиях населения оказывают использование разработанные ООН-ХАБИТАТ городские и жилищные ключевые индикаторы, включающие более 20 тысяч элементов информации [19]. Авторами представлен в сжатом виде потенциал и обозначены проблемы стабильного развития российских городов.

Потенциал городов:

- города – центры экономического, интеллектуального и историко-культурного потенциала страны;
- города – узлы транспортно-коммуникационных инфраструктур;
- города – сосредоточение рынков труда;
- города – место жизни населения с соответствующим уровнем творческого, квалификационного и образовательного потенциала;
- города – это территории с преобладанием качественных условий проживания;
- города как центры формирования гражданского общества и инициатив.

Проблемы городов:

- значительное расслоение населения по доходам и уровню жизни;
- старение населения;
- недостаточность развития институтов гражданского общества, особенно в малых и средних городах;
- стагнация развития малых и средних городов;
- сокращение «условно собственных» доходов в структуре местных бюджетов городов и муниципальных образований;
- значительный физический и моральный износ инженерных систем жилых территорий, рост ветхого и аварийного жилья, сужение возможностей улучшить жилищные условия для домохозяйств со средними и низкими доходами;

- крайне медленное формирование экономических и институциональных условий для инновационного развития;
- слабость развития малого бизнеса.

Представляют интерес выявленные специалистами Московского Института комплексного развития территорий на конкретном участке Москвы проблемы в результате опроса фокус-групп, сформированных из жителей одного из намеченных к реконструкции районов Москвы. Оказалось, что в представлении жителей комплекс проблем создают новостройки. *Первая группа проблем* - меняется внешний облик района, не производятся компенсирующие посадки вырубленных деревьев, повышается уровень шума, практические нарушения сложившиеся условия жизни в районе. *Вторая группа проблем* связана с обеспокоенностью условиями проживания будущих новосёлов, так как не предусмотрена соответствующая нормативам инфраструктура (гаражи, парковки, детские сады, медицинские учреждения, тротуары), зелёные зоны, свободные пространства. *Третья проблема* – это обеспокоенность тем, что инвестиционная политика застройщиков по уплотнению застройки за счёт больших многоэтажных домов будет осуществляться на деньги частных инвесторов, стремящихся как можно быстрее получить высокие прибыли при отсутствии долгосрочной программы развития района.

Предотвратить возникновение многих проблем можно было бы путем опережающего информирования местных жителей об основных направлениях планируемой реконструкции, что особенно важно, в форме, доступной пониманию непрофессионалов. Необходимость заблаговременного информирования потребителей несомненна. Учет социально-градостроительных потребностей населения невозможен без налаживания взаимосвязи между городскими властями и населением. По этому вопросу рабочей группой к IV Московскому урбанистическому форуму 2014г. было проведено исследование для Конференции «Власть и горожане: технология сотрудничества» в рамках Форума [20].

Исследование проводилось по 30 крупным метрополисам различного уровня развития в них механизмов сотрудничества между населением и властями. Важен вывод авторов о том, что различия в опыте этих городов по применению сервисов вовлечения горожан в управление напрямую не зависят от уровня их экономического развития и географического положения. Тем не менее, в лидерах Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Лондон, Париж, а среди новых лидеров Москва, Буэнос-Айрес, Стамбул, Сеул, которые за последние 2-3 года, по мнению авторов исследования, «догнали» лидеров. В результате авторы пришли к заключению, что вовлечение населения в городское управление с привлечением электронных сервисов становятся

неотъемлемой частью инфраструктуры крупных городов мира. Главным показателем успеха программ развития такой инфраструктуры является ее доступность для населения в долгосрочной перспективе. Одной из важных задач, считают исследователи, является раскрытие информации о городе.

Авторы отмечают, что независимо от продвинутой электронного сервиса, участие горожан можно обеспечить лишь при условии их желания, которое, в свою очередь, зависит от быстроты реакции городских властей, осмысленности их действий, скорости решения проблем. Среди ряда высказываний привлеченных к работе зарубежных экспертов этого аспекта касается австриец Майкл Бадикс, Исполнительный директор Ars Electronica Solutions, г.Линц: «Нельзя забывать, что многие люди не могут или не хотят иметь дело с Интернетом и мобильным телефоном, и для них должна существовать возможность доступа к открытым данным из постоянных точек связи в популярных общественных местах».

Вот в сжатом виде изложение проблем, на фоне которых должны проводиться социально-градостроительные обследования. При изучении городских процессов их суть проявляется конкретнее, когда смотрят на нее сквозь призму самого города. В организации города всегда существует определенный набор разнообразных элементов (жизнедеятельность, среда, пространство и т.д.) и их определенное соотношение. В настоящее время важен не просто человек в городе, а именно «город в человеке» [12]. Выявление наиболее характерных типов среды в городах, основных направлений их взаимодействия и взаимопроникновения позволяют понять отношение горожан к городским проблемам, возникающим в процессе развития города.

В результате возникает возможность разрабатывать и согласовывать мероприятия по совершенствованию управления городом, по улучшению качества социально-пространственной среды и соответственно улучшения условий благоприятной жизнедеятельности населения во всех ее сферах. В то же время, жизнедеятельность горожан определяется не только внутренней спецификой каждой из сфер деятельности, но и городскими закономерностями, особенностями функционирования города как социально-пространственного организма. Поведение людей, их передвижения, связи с различными узлами городской среды в немалой степени зависят от того, в каких районах они проживают, каково качество пространственной среды этих районов.

Из многих сфер градостроительного процесса социально-градостроительная аналитическая стадия в территориально-административном управлении, особенно в проектной деятельности, еще недостаточно разработана. Практически до сих пор не выявлена

социально-градостроительная база процесса взаимодействия участников градостроительного процесса с соответствующим законодательным уровнем обеспечения равноправного участия в градостроительном проектном процессе на различных его этапах будущих потребителей проектной продукции. Практика такого взаимодействия характеризуется большими перекосами в этом пока еще относительно новом процессе, что довольно часто отмечается прессой и находит отражение в публикациях специалистов и исследователей, связанных с градостроительным делом [21], и имеет место вплоть до настоящего времени.

Руководитель Лаборатории социологии градостроительства РосНИПИ урбанистики (Санкт-Петербург) Е.Б. Чернова предлагает разработанную в Институте технологию, которая задает прагматику участия граждан в планировании и связывает этапы определения целей планирования и публичных слушаний в неразрывный процесс кооперации субъектов градостроительных отношений. Елена Борисовна Чернова считает, что «...деятельность территориального планирования, чтобы быть адекватной проблемам современной России, должна сменить парадигмальные рамки со статической проектно-прогнозной на динамическую проблемно-конфликтную». Сетую на то, что ни в одном из просмотренных ею генеральных планах в авторских коллективах не был представлен социолог, она считает, что в новой модели помимо социолога нужны новые квалификации методолога и конфликтолога [22, 23].

Значительная часть разнообразных действий по планировке и застройке городов, управлению их планомерным развитием принимает характер градостроительных правоотношений, а их участники выступают как носители юридических прав и обязанностей. Совокупность этих правоотношений создает, утверждает доктор архитектуры И.М. Смоляр, демократический градостроительный правопорядок [24]. Но чтобы этот правопорядок был, необходимо в Конституции страны так отразить понятие градостроительства как системы правовых норм, чтобы оно вошло в предметы совместного ведения федеральной власти и субъектов федерации, создавая единство правового поля и, исключая правовой партикуляризм¹ в градостроительстве.

В российском обществе существует разрыв между задачами, которые предстоит решать и тем уровнем развития, на котором находятся наши города. С одной стороны, высокопрофессиональные фундаментальные исследования по этой проблеме практически, за редким исключением, отсутствуют. С другой стороны, в

¹ преследование отдельными частями государства личных интересов, в ущерб интересам общегосударственным

территориальном планировании в нашей стране отсутствует важнейший компонент. До настоящего времени социально-градостроительные исследования, а тем более опросы населения, не являются составляющей градостроительной деятельности, общенациональной государственной политики, а во многих случаях даже и политической стратегии развития города. Политика развития городов, всегда игравших главную роль в развитии демократии, должна стать важнейшей частью государственной политики, а социально-градостроительные исследования ее опорой.

В 2015г. автором данной статьи была завершена, одобрена и утверждена разработка научного исследования по плану ФНИ Минстроя России и РААСН «Проблемы социально-градостроительных исследований и обследований населения на примерах ”старой” и “новой” Москвы» (вместе с предлагаемой анкетой обследования населения) [25]. К сожалению, на проведение, хотя бы плотного, обследования населения средств не хватило. Оно (вместе с обработкой результатов) стоит в разы дороже, чем суммы, выделяемые на выполнение тематики.

Регулярные социально-градостроительные исследования дают возможность понять и объяснить взаимодействие и влияние на процессы жизнедеятельности самых различных факторов: экономических, социальных, технологических и многих других. Социально-градостроительные исследования позволяют моделировать социально-пространственную структуру городского организма, что повышает их роль в решении концепции городского развития. До настоящего времени государство не осуществляет полноценной деятельности, направленной на эффективное использование потенциала городов во благо социально-экономического развития страны и обеспечения благоприятных условий жизни населения, что и составляет существо городской политики.

В любом случае городская политика, основанная на фундаментальных закономерностях урбанистики, на результатах социально-градостроительных исследований, не может не стать частью политической стратегии страны и соответственно градостроительной политики регионов и городов. Здесь важна координация с социальными и экономическими возможностями развития региональной и городской среды, наличным культурным потенциалом регионов и городов, а также координация приоритетов с процессом адаптации городского населения, динамикой его отношения к городскому окружению. В этом аспекте как раз и возникают проблемы, связанные с осознанными знаниями урбанистов, как функционирует город, с их искусством понимать город и с практикующими осознанный или неосознанный тип урбанистики

представителями власти, разного рода администраций, а также общественных жилищных движений, борцами с теми или иными новостройками, защитниками придомовых пространств и зеленых насаждений общего пользования, вплоть до последнего кустика. Немаловажную роль в этом плане будет также играть поле нормативного и правового обеспечения градостроительной деятельности, на котором, пожалуй, значительно больше белых пятен.

Для совершенствования правового поля социально-градостроительных исследований и обследований населения необходимо:

1. *Актуализировать в градостроительной деятельности социально-градостроительные исследования и обследований населения, которые должны способствовать реализации конституционных прав населения (статья 42 Конституции Российской Федерации на благоприятную окружающую среду).*

2. *Проводить предпроектные исследования реальных процессов жизнедеятельности городского населения и закрепить их как необходимую и обязательную в нормативно-правовых актах, регулирующих градостроительную деятельность, с учетом выявленных градостроительных приоритетов.*

3. *Организовать выступление с законодательной инициативой по дополнению статьи 42 главы 2 Конституции России «Права и свободы человека и гражданина» понятием градостроительства как системы правовых норм, обеспечивающих благоприятную среду обитания, и чтобы оно вошло в предметы совместного ведения федеральной власти и субъектов федерации, создавая единство правового поля. Пусть наша Конституция почти незыблемый документ, но ведь наступит же когда-нибудь время, когда такая поправка будет жизненно необходима.*

4. *Продолжить усилия по созданию в стране государственного органа, осуществляющего функции городской градостроительной политики.*

5. *Обратиться к политическим партиям и общественно-политическим движениям с предложением об актуальности включения в их программы проблем формирования городской политики на основе социально-градостроительных обследований.*

6. *Выступить с инициативой объединения усилий ученых РААСН, РАН и вузов страны в формировании принципов организации удобной и безопасной жизни в жилой среде, от чего сегодня прямо зависят политические пристрастия горожан и их отношение к реформам.*

7. *Обратиться через Полномочных представителей Президента страны в Федеральных округах к руководителям городских администраций с рекомендацией о создании под их эгидой*

информационных центров градостроительной деятельности с привлечением специалистов-профессионалов и участием тех, кто будет реализовывать градостроительные мероприятия.

Литература

1. Анциферов, Н.П. Пути изучения города как социального организма [Текст] / Н.П. Анциферов. – Ленинград: Сеятель, 1926. – 151 с.

2. Мерзляков, А.А. Гражданское социальное участие как универсальная технология социального управления (на материалах разработки и реализации градостроительных проектов) [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. соц. наук (22.00.08): / Мерзляков Андрей Александрович; Рос. гос. социальный у-т. – Москва, 2007. – 27 с.

3. Town and Country Planning Act 1990 (Городское и сельское Планирование Закона 1990 года в Англии) [Электронный ресурс]: Википедия, свободная энциклопедия. – режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Town_and_Country_Planning_Act_1990.

4. Грац, Р. Город в Америке: жители и власти / Пер. с англ. В. Л. Глазычева [Текст] / Роберта Грац. – Москва: Ладыя, 1995. – 320 с.: илл.

5. Микель, П. Новая градостроительная политика Франции [Текст] / П Микель // Управление развитием территории. – 2007. – № 2. – С. 12-16; 2007. – № 3, – С.7-12

6. Oberschall, A. (Обершалль Э.) Empirical Social Research in Germany, 1848-1914 (Эмпирические социальные исследования в Германии: 1848-1914) [Text] / Anthony Oberschall. – The Hague: Mouton and Co, 1965. – 162 p. (с.).

7. Социально обоснованное градоустройство в режиме прогнозного проектирования: от соц. диагностики к профилактике конфликт. ситуаций и конструктив. диалогу заинтерес. сторон [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т социологии, Центр соц. упр., коммуникации и соц.-проект. технологий; [редкол.: Т. М. Дридзе, Е. М. Акимкин (отв. редакторы) и др.]. - Москва: Ин-т социологии РАН : Центр соц. упр., коммуникации и соц.-проектю технологий, 2005 (Обнинск : Ф-ка офсет. печати). – 492 с. : ил., табл. 20.

8. Яницкий, О. Н. Проблемы активистской социологии в России [Текст] / О.Н. Яницкий // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. – Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСПИИ. – М.: РОС, 2012. [Электронный ресурс] . – режим доступа: ISBN 978–5–904804–06–0

9. Глазычев В.Л. Город без границ [Текст] / В. Л. Глазычев. — Москва : Издательский дом «Территория будущего» . – 2011. – 398 с.

10. Ещина, Е. В. Социально-демократические методы соучастия в градорегулирующей деятельности архитектора (на примере г.Пензы) [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. с архитектуры: 18.00.01: / Ещина Елена Вячеславовна; Самарский гос. арх.-стр. у-т, И-т арх. и дизайна Самара, 2004. – 24 с.

11. Коган, Л.Б. Приоритеты москвичей и городская политика [Текст] / Л.Б. Коган, М. П. Туманишвили // Просто недвижимость/бюллетень. – 1997. – № 10. – С. 84-89; № 12. – С. 26-33.

12. Коган, Л. Урбанизация, глобализация и городская политика [Текст] / Л.Б. Коган // Городское управление. – 2007. – № 12. – С. 2-12.

13. Коган, Л. Социально-культурные функции города и пространственная среда [Текст] / Л.Б. Коган / ЦНИИП градостроительства. Под общей редакцией Л. Б. Когана. – Москва: Стройиздат, 1982. – 176 с.

14. Помещикова, С.А. Учет мнения населения в градостроительной деятельности [Текст] / С.А. Помещикова // Конституционное и муниципальное право. – Москва: Юрист. – 2007. – № 7. – С. 35-40.

15. Товмасьян, Э.О. Теоретические положения городской политики как часть политической стратегии страны, средство организации ее территории и управления развитием [Текст] / Э.О.Товмасьян // Градостроительство/City and Town Planning. – 2011. – №2 (12). – С. 32-35.

16. Давыдов, А.П. К вопросу о методологии социокультурного анализа через смысл «середины» [Текст] / А.П. Давыдов // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII-XIII Дридзевских чтений (21-22.11.2013 г.): сб. /Коллектив авторов/ И-т социологии РАН, Центр социологии управления и социальных технологий ИС РАН. – Москва, 2014. – С. 35-40.

17. Заборова, Е.Н. Феномен города с точки зрения теории социального пространства [Текст] / Е.Н. Заборова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки //: сб. науч. тр. – Челябинск, 2006. – Вып. 2 (57). – С. 188-195.

18. Лебединская, Г.А. Организация пространства и расселение в системе государственного стратегического планирования / Галина Александровна Лебединская [Электронный ресурс]. – Стратегическое планирование в регионах и городах России. – Санкт-Петербург: Ресурсный центр по стратегическому планированию при Леонтьевском центре. – 2013. – С. 54-59. – режим доступа: http://www.city-strategy.ru/upload/materials/files/TSP_15_2013.pdf

19. Состояние городов России 2010 [Текст]: программа ООН-Хабитат / научн. ред. и рук. авт. коллект. Т.Д. Белкина. – Москва: Научно-исследовательское некоммерческое партнерство «Город–Регион–Семья». – 2011. – 142 с.

20. Власть и горожане: технология сотрудничества [Электронный ресурс]: исследование в рамках IV Московского урбанистического форума 2014г. – / Екатерина Белова, Екатерина Дыба, Алексей Новиков, Екатерина Серова. – Москва: Московский урбанистический форум 2014. – Электронные данные. – режим доступа: © habidatum

21. Колесникова, Ирина Александровна. Учет интересов при проведении территориального землеустройства [Текст] / И.А. Колесникова // Право и экономика. – Москва: Международный союз юристов. – 2007. – № 7. – С. 91-95.

22. Чернова, Е.Б. Участие граждан в территориальном планировании: от идеологии к технологии [Текст] / Е.Б. Чернова // Управление развитием территорий. – Москва: 2008. – № 1. – С. 54-58.

23. Елена Чернова. России нужен новый подход к территориальному планированию [Электронный ресурс] / Елена Чернова. – инф.-анал. сервис строит. сообщ.. – 21.10.2014. – Электронные данные – режим доступа: EST-BLOG. RU

24. Смоляр, И.М. Градостроительство и общество [Текст] /И.М. Смоляр // Архитектура и строительство Москвы. – 2000. – № 2. – С. 13-17

25. Товмасьян, Э.О. Москве нужны полноценные социально-градостроительные обследования [Текст] / Э.О. Товмасьян // Сетевой журнал «Вестник Института Социологии». – июнь 2015. – № 2(13). – С.43-52

Кужелев Е.Д.,
Любимов А.В.

РГПУ им. А.И.Герцена,
г. Санкт-Петербург

РОЛЬ ЭКОЛОГО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ НЕУСТОЙЧИВОЙ ВНУТРИГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Аннотация. В статье рассматривается концепция эколого-градостроительного баланса и его перспективная роль для достижения устойчивости природных систем и экологического равновесия во внутригородской среде. В исследовании приведен показательный пример эффективного землепользования бразильского города Куритиба. Автор анализирует функции системы зеленых насаждений, как одного из компонентов природного каркаса.

Ключевые слова: эколого-градостроительный баланс, устойчивое развитие, экополис, землепользование, экосистема, природный каркас, система зеленых насаждений.

В современных условиях для рационального землепользования и гармоничного развития городов огромное значение играют вопросы территориального планирования. Сегодня происходит глубокое переосмысление взглядов исследователей о качестве жизни, внутригородской среды, развитие научных концепций о городском и общественном пространстве. Причина этого очевидна: стремительно нарастающий темп развития городов. Города обладают уникальными природными ландшафтами, образующими экосистему. При вторжении человека в экосистему через пространственное развитие территорий, происходит расширение мегаполисов. Экосистема лишается способности самовосстановления, и постепенно приобретает антропогенный характер.

Последствия таких образований чаще всего бывают следующими: техногенные нагрузки, трансформация природных геосистем. Это приводит к дисгармоничной обстановке внутригородской окружающей и природной среды, нарушает единую систему компонентов: изменения в горных породах, рельефе, климате, почве, воздействие на животном и растительном мире, а также на физическое и психическое состояние населения [1].Объединение природы с человеком возможно только в комфортной экологической обстановке, где устойчивость и баланс будут на первом месте, в таком

случае они станут неотъемлемой частью друг друга – геозкосоциосистемой [5, С.6 - 11.]

Как представляется, достигнуть устойчивости экологического равновесия в городских природных и искусственных системах при сохранении биоразнообразия в городской среде можно с помощью рациональных мероприятий по повышению качества городских урбанизированных территорий. В частности, указанную проблему решает концепция эколого-градостроительного баланса, которую предлагает профессор, доктор географических наук Борис Иванович Кочуров. Основные выводы концепции эколого-градостроительного баланса свидетельствуют, что идеи исследования и создания эकोполисов, а также организация городского планирования не теряют актуальности. Стратегия создания экополиса — это решение таких задач, как создание высококачественной среды обитания человека, гармонизация отношений с природой, максимальное обеспечение устойчивого развития естественных и искусственных природных систем.

Экополис сегодня - не миф, в мировой практике существуют многочисленные примеры проектов. Одним из таких проектов считается Куритиба - уникальный экологически образцовый мегаполис. Благодаря профессионализму урбанистов город стоит на одном уровне по комфортной среде для проживания, ландшафтному планированию и парковому искусству с такими городами, как Ванкувер, Чикаго, Веллингтон, Портленд. Генеральный план развития Куритибы - это не только интеграция трех взаимосвязанных систем: землепользования, улично-дорожной сети и общественного транспорта, но и последовательная, социально ориентированная политика с чёткими целями, без которой достичь высокого качества городской среды в сложных условиях было бы невозможно, учитывая тот факт, что местные власти не обладали крупным бюджетом и современными технологиями. Кроме того, в план развития единой системы входит гидрология, озеленение, переработка мусора, проблемы безработицы и преступности, образование и здравоохранение.

В результате эффективного городского планирования мегаполис приобрел благоприятный экологический эффект внутригородской среды, в данном случае это отказ 80% населения от личных автомобилей, замещение парковок и асфальтированных территорий на 400 квадратных километров озеленения, развитие и строительство 160 км велосипедных дорог, создание уникальной системы переработки мусора «Зеленый обмен», отмеченной премией ООН, позволяющая населению производить обмен мусора на транспортные жетоны, продукты питания, товары первой необходимости [3]. Добиться результатов на примере Куритибы можно путем

достижения Эколого-градостроительного баланса. ЭГБ повышает эффективность природопользования мегаполиса. В дальнейшем происходит формирование природного каркаса, который способен минимизировать нагрузку на окружающую среду и ландшафт. Таким образом ЭГБ поддерживает равновесие и полноценное функционирование экосистемы.

Внедрение ЭГБ требует метапредметных знаний, различных подходов исследования экологического состояния окружающей среды мегаполиса, а в дальнейшем коллективной работы специалистов, способных эффективно применить свои знания для достижения результата. Важным элементом ЭГБ является сохранение незастроенных пространств и создание природного каркаса территории. По мнению Н.Ф. Реймерса природный каркас территории - это ранжированная по степени экологического значения система участков природы, неразрывная взаимосвязь которых создает предпосылки для формирования естественного экологического равновесия, способного противостоять антропогенным воздействиям.

Основополагающий компонент природного каркаса - система ЗЛН (система зеленых насаждений) без которой экологический каркас не способен эффективно функционировать. Система ЗЛН обеспечивает внутригородскую среду кислородом, поглощая диоксид углерода, повышают ионизацию, сохраняют газовый баланс в атмосфере, а также снижают уровень городского шума и тепловой радиации, являются эффективной системой ветрозаграждения. Популярным направлением ЗЛН является декоративно-планировочное значение. Применение данного направления вносит в городскую среду элемент природы, способствует улучшению городских ландшафтов и сохраняет связь с человеком. Интеграция ЗЛН с природными ландшафтами и искусственными элементами повышает художественную выразительность, таким образом, происходит формирование индивидуальной городской композиции.

Большинство крупных городов имеют неразвитую систему экологического каркаса: плохая доступность населения до рекреационных зон, территориальная неупорядоченность. Основная причина - островное развитие землепользования. Для создания единой экосистемы, повышения экологического фонда территории и устойчивости ландшафта необходимо формирование сплошного землепользования, создание которого должно происходить по всей агломерации в системе город + пригород [6, С.6 - 13]. Формирование сплошного землепользования требует детального анализа природных условий территории. На основе выявленных геоэкологических проблем возможно делать заключения по оптимизации внутригородской среды и разрабатывать мероприятия по улучшению внутригородской окружающей среды, создавая благоприятные

условия для жизни населения [2]. Высококультурные, гармоничные ландшафты сегодня не являются доминирующими, отсюда следует, что необходима организация землепользования, формирование и благоустройство экологичной внутригородской природной среды. Повышение культуры природопользования одна из важнейших задач, стоящая перед урбанистами, усилиями которых можно достигнуть гармоничных отношений между природой и человеком, не становясь жертвой самой природы [4, С.24 - 33.].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ажгиревич А.И., Азаров В.Н., Грачев В.А. Экология города// Москва; Волгоград, 2010. - 815 С.
2. С.А. Артемьев, В.Н. Еремин, А.В. Иванов. Саратов: комплексный геоэкологический анализ// под ред. А. В. Иванова. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003.211 С.
3. Василий Бабуров. "Не дураки и дороги" (о градостроительном чуде города Куритиба) Статья (в трех частях): Архитектурный вестник. Часть 1. 2009. №5(110); Часть 2. 2010. №1 (112); Часть 3. 2010. №3(114).
4. Ивашкина И.В, Кочуров Б.И. Формирование планировочной структуры как фактор оптимизации состояния городской среды//Экология урбанизированных территорий. - 2013. - №1 - С.24 - 33.
5. Кочуров Б.И, Ивашкина И.В. Городские ландшафты Москвы: от традиционных до гармоничных и сбалансированных//Экология урбанизированных территорий. - 2012. - №1 - С.6 - 11.
6. Кочуров Б.И, Ивашкина И.В. Роль открытых пространств в поддержании экологического баланса в крупном городе//Экология урбанизированных территорий. - 2014. -№1-С.6-13.

Воронцов А. В.

РГПУ им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург

Глотов М.Б.

РГПУ им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Аннотация. В статье на основе материалов демографических исследований представлен анализ состояния рождаемости, семейного положения и причины падения интереса к увеличению рождаемости в Российской Федерации и Санкт-Петербурге. Охарактеризованы приоритеты современной семейной политики и принимаемые меры материальной заинтересованности в повышении рождаемости. Отмечены результаты реализации проводимой семейной политики в Санкт-Петербурге. В статье перечислены основные цели семейной политики Правительства Санкт-Петербурга на период до 2025 года.

Ключевые слова: семейная политика, показатели демографической ситуации, рождаемость, репродуктивное поведение, семейное положение, стимулирование рождаемости, результаты, приоритеты и цели семейной политики.

В настоящее время в Российской Федерации демографическая ситуация определяется отечественными учеными как депопуляция, размер которой будет увеличиваться, так как в брачный возраст вступают малочисленные поколения, рожденные в 1990-е гг. – период резкого падения рождаемости и увеличения смертности. В связи с этим перед государством стоит важная задача сохранения и размножения российского народа. Еще М.В. Ломоносов в 1762 году в специальном трактате «О сохранении и размножении российского народа» утверждал, что это должно стать «самым главным делом» для государства, так как в этом состоит «величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей»[1].

Решение этой важной социальной задачи во многом зависит от осуществляемой государством демографической политики, основу которой составляет семейная политика, призванная способствовать

эффективному росту численности населения страны. Суммируя мнения современных отечественных демографов и социологов, под семейной политикой следует понимать реализацию конкретных мер по осуществлению целенаправленных действий государственных и общественных организаций для создания оптимальных условий по реализации всех видов, циклов существования и основных социальных функций семьи, таких как репродуктивная, хозяйственно-бытовая, ценностно-ориентированная коммуникативная, и рекреативная. От того, как будет реализовываться в стране семейная политика, зависят темпы роста воспроизводства населения и его благосостояния.

Показателем, с которого, как правило, начинается анализ реализации семейной политики, является изменение численности и рождаемости населения. Численность постоянного населения Санкт-Петербурга на начало 2007 года составляла 4,7 млн. человек. В 2017 году постоянное число жителей города достигло 5,3 млн. человек. Эмигранты в структуре населения города составляют 1% от всего населения. Численность детей в Санкт-Петербурге за период с 2007-2015 годы увеличилась с 71,7 тыс. до 78,1 тыс., что составило прирост детского населения на 8,9%. 22 сентября 2012 года, второй раз в истории Санкт-Петербурга, родился пятимиллионный житель. Однако в 2017 году было зарегистрировано рождение 67,1 тыс. детей, что на 6,4 тыс. меньше, чем в 2016 году. В настоящее время доля детей в Санкт-Петербурге – 13,7% от численности жителей города.

На основе проведенных исследований репродуктивного поведения были установлены следующие причины падения интереса к увеличению количества рождения детей:

- достижение экономического благополучия и собственного жилья;
- вовлеченность женщин в сферы общественного производства;
- стремление к получению высшего и специального образования и к карьерному росту;
- толерантность к добрачным половым связям и абортам;
- поздний возраст вступления в брачные отношения;
- увеличение количества разводов;
- недостаточная материальная помощь государства семьям с детьми,
- трудности устройства детей в дошкольные учреждения [2].

Вторым определяющим семейную политику показателем является тенденция изменения структуры и социальных функций семьи. В настоящее время происходит сокращение численного состава семьи и смещение значения ее социальных функций от репродуктивной и воспитательной к хозяйственно-бытовой и рекреативной функциям. Современный кризис семьи проявляется:

- в малодетности;
- в увеличение разводов и повторных браков;
- в тенденции к сожителству.

Разводимость и сожителство негативно сказываются не только на воспроизводстве населения, но и на воспитании детей. У матерей, которые после развода не вступают в повторный брак, зачастую больше не бывает детей. Длительное время безбрачия после развода сокращает репродуктивный период супругов и снижает вероятность рождения новых детей. Увеличению доли разошедшихся и разведенных способствует либеральность закона о разводе и терпимость общественного мнения к сожителству и повторным бракам. Сокращение численности состава семьи вызвано также дроблением сложных семей на простые в виду стремления молодоженов жить самостоятельно, отделившись от родителей.

Опрос студентов петербургских вузов показал, что, хотя семья остается для них приоритетной ценностью, юноши и девушки в основном планируют вступление в брачные отношения и создание семьи после достижения независимого и стабильного положения в обществе. В советское время женщина, рожавшая в 26 лет, считалась «старородящей», сейчас – это норма. Социально-культурные преобразования, развитие высшего образования, феминистское стремление к равноправию и к карьерному росту приводят к тому, что создание семьи отодвигается на более поздний возраст. Как показывают демографические расчеты, в настоящее время доля родившихся вне брака детей имеет тенденцию к увеличению и составляет около трети от всех рождений, что увеличивает количество неполных семей.

В 2001 году была принята «Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года». В соответствии с этой концепцией правительством Санкт-Петербурга была принята «Концепция демографического развития Санкт-Петербурга на период до 2015 года, которая включала в себя программу «Повышения качества жизни детей и семей с детьми в Санкт-Петербурге». В 2012 году была предложена «Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 года», В соответствии с этой концепцией Правительство Санкт-Петербурга приняло «Концепцию семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012-2022 годы» и «Стратегию действий в интересах детей в Санкт-Петербурге на 2012-2017 годы».

В числе приоритетов семейной политики Санкт-Петербурга с целью стимулирования рождаемости и укрепления семьи в настоящее время признаны:

- ориентация на семью с двумя и более детьми;

- повышение материального благосостояния, уровня и качества жизни семьи;
- создание социально-экономических условий, благоприятных для рождения, содержания и воспитания нескольких детей;
- обеспечение семьи соответствующими жилищными условиями;
- повышение воспитательного потенциала семьи;
- создание условий для самореализации молодежи.

Наряду с федеральными мерами финансового стимулирования рождаемости Законодательное Собрание Санкт-Петербурга в 2012 году установило единовременную выплату при рождении первого ребенка в размере 19 012 руб., второго – 25 349 руб., третьего и последующих – 31 587 руб. Также была предусмотрена ежегодная выплата на каждого ребенка в многодетной семье, обучающегося в общеобразовательном учреждении, в размере 2 347 руб.

Принятые государством и местными органами власти Санкт-Петербурга меры для поддержки семей и стимулирования рождаемости оказались эффективными. Общий коэффициент рождаемости в городе увеличился к началу 2015 года до 13,0 промилле. Это лучшее за последние 30 лет значение показателя рождаемости. Число рождений выросло в 17 раз: с 40,1 тыс. человек в 2006 году до 67,2 тыс. человек в 2014 году. Численность многодетных (трех и более детей) в Санкт-Петербурге за период с 2006 по 2015 году увеличилась с 9399 до 26907.

В Петербурге только за последний год количество многодетных семей увеличилось на 3291. Согласно последним данным Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга, в городе проживают более 21 тыс. многодетных семей. На их поддержку из городского бюджета в этом году было выделено около 5 млрд. рублей.

В Санкт-Петербурге улучшилось также соотношение регистрируемых браков и разводов. В 2006 году на 1000 браков приходилось 599 разводов, в 2014 году – 463 развода. В городе за последнее время наблюдается снижение доли детей, рожденных вне зарегистрированного брака. Если в 2007 году таких было 25,7 %, то в 2014 – 18,8%. Доля детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в общей численности детского населения Санкт-Петербурга сократилась с 2,7% в 2006 году до 1,7% в 2014 году.

В результате реализации принятых Правительством Санкт-Петербурга целевых жилищных программ, за период с 2007 по 2014 году улучшили свои жилищные условия более 46 тысяч петербургских семей. В Санкт-Петербурге в полной мере осуществлено обеспечение жильем многодетных семей, детей-сирот. В городе ликвидирован дефицит мест в детских садах и обеспечена

стопроцентная доступность дошкольного образования для детей в возрасте от 3 до 7 лет.

Правительство Санкт-Петербурга в соответствии с государственными документами подготовила проект «Концепции демографической политики Санкт-Петербурга до 2025 года» В качестве основных целей этой концепции выступают:

- рост к 2025 году суммарного коэффициента рождаемости до 1,614 промилле при одновременном повышении жизни петербургских семей с несовершеннолетними детьми;

- улучшение репродуктивного здоровья населения города;

- повышение эффективности службы родовспоможения и детства;

- снижение материнской и младенческой смертности;

- формирование мотивации для ведения здорового образа жизни;

- создание условий, благоприятствующих рождению вторых и последующих детей.

29 мая 2017 года Президент РФ объявил о начале в 2018 году десятилетия детства. 21 декабря 2017 года Депутаты Государственной Думы приняли во втором чтении законопроекты «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» и «О внесении изменений в Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

Дополнительно к федеральным мерам по реализации семейной политики правительством Санкт-Петербурга предложены новые инициативы по заинтересованности молодых женщин в рождении детей. Это решение обусловлено тем, что за последние десять лет в городе число родивших женщин до 30 лет сократилось с 69 % до 51%. При этом если в 1990-х годах средний возраст матерей при рождении составлял 22 года, то в настоящее время – приблизился к 29 годам. В связи с этим правительство города приняло решение выплачивать женщинам, родившим первого ребенка до 24 лет, единовременное пособие в 50 тыс. рублей. На выплаты молодым матерям в бюджете города предусмотрено в 2018 году 266 млн. рублей, а в 2019 – 254 млн. рублей. С 2018 года в Санкт-Петербурге дети из многодетных семей до 18 лет и учащиеся общеобразовательных школ получают право на бесплатный проезд на внутригородском и пригородном транспорте. Кроме этого в Санкт-Петербурге многодетные семьи освободят от уплаты транспортного налога на один автомобиль. Для многодетных семей правительством города установлена ежегодная компенсация на приобретение школьной формы в размере 4058 рублей на каждого ребенка. Также многодетные семьи будут иметь льготу на коммунальные услуги. При этом проценты возращения будут зависеть не от суммы квитанции, а от установленного

стандарта: 30% при наличии 3 детей, 40% - 4-7 детей 50% - 8 и больше детей.

Литература

1. См.: Ломоносов М.В. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747-1764 гг. // Полное собрание сочинений в 11 т. Т. 6. С. 381-403.

2. См.: Семья, дети – жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России / Отв. редактор А. И. Антонов. – М., 2015 – 286 с.; Архангельский В.Н. Помощь семьям с детьми, в России: оценка результативности. // Социологические исследования – 2015. – № 3. С. 56-64; Рыбаковский Л.Л. Результативность как основной показатель оценки состояния и тенденций рождаемости // Социологические исследования. – 2016. – № 4. С 23-30; Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Коротаев А.В., Шульгин С.Г. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // Социологические исследования. – 2017. – № 3. С. 43-50.

Сымонович Ч.Э.

кандидат исторических наук,
независимый исследователь,
г. Санкт-Петербург

ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА-САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ПРИ ЖИЗНИ РОВЕСНИКОВ ВОЙНЫ (1940 – 2010)

Завершается жизненный путь людей, рождённых в 1940-е годы. Внутри этой укрупнённой возрастной когорты особое внимание привлекает «субгенерация» (проф. Г.С. Лебедев) *ровесников Войны* (далее – РВ). Сегодня условному РВ, рождённому в 1943 г., 75 лет. Эти годы, при всём их разнообразии и противоречивости, для живущих ныне РВ целены как время их жизни. Наличие в литературе обзора изучения поколений [1] позволяет приступить сразу к рассмотрению материалов о том, свидетелями и участниками каких демографических и социальных процессов были российские РВ среди других возрастных когорт жителей Ленинграда-СПб. (Выделить

5-летнюю когорту РВ удаётся не всегда, поэтому в ряде случаев приводятся данные о рождённых в 1940-е гг.)

Рождение. Когорта РВ была самой малочисленной и уязвимой в блокированном Ленинграде. Младенческая смертность за годы Войны колебалась от 245 ‰ (т. е. умерших на 1 тысячу рождённых) в 1941 г. до 127 ‰ в 1945-м. Для 1942 года приводится число 1854 ‰. Вероятно, из-за большого количества беженцев – матерей с детьми в возрасте до 1 года, рождёнными вне Ленинграда (?) [2, с. 71]. Наименьшее помесечное число рождённых – 62 – пришлось на октябрь 1942 г. [3, с. 76]. Поздне- и послевоенный всплеск рождаемости был недолгим. Показатель сей упал с 35,5 до 15,5 ‰ в 1950 г. [4, с. 601] Тогда начиналась история следующей 5-летней «субгенерации» внутри когорты рождённых в 1940-е годы. Большинству из них, как и взрослым, жилось несытно и тесно. Автору сих строк, 1945 г.р., бабушка не раз говорила, что спасла его в конце того года от последствий дистрофии, только благодаря тёртым яблокам... Историки и демографы не раз описывали сдвиги в процессах воспроизводства населения РСФСР в послевоенные 10-летия: снижение рождаемости и смертности, уменьшение средних размеров семьи и т.д. И в Ленинграде рождаемость в 1950-е – 1960-е гг. снижалась довольно плавно, пока не вошли в детородный возраст немногочисленные РВ. Их первый и основной вклад в увеличение численности населения пришёлся на середину 1960-х – 1970-е годы.

В результате краха перестройки на графиках рождаемости возобладали ломаные линии. Рождаемость в СПб снизилась за 1985 – 1990 гг. на 28%. [4, с. 677] Некоторые из РВ ещё зачинали и рожали, прежде всего – в повторных браках, но в основном рождения приходились на когорты детей РВ. Для них было характерным отсрочивание рождения первого ребёнка и связанные с этим методы предупреждения и прерывания беременности. Коэффициент рождаемости среди тех, кто в первой половине 1990-х гг. проходил через когорту 25 – 29-летних снизился за 1989 – 1996 гг. с 82 до 57‰. Если же проследить рождаемость в когорте 25-29-летних в 1989/90 гг., коим через 10 лет стало 35-39 лет, то здесь падение составило почти 7-кратную величину (снижение с 82 до 12 ‰). [2, с. 77]. И в целом на Северо-Западе общий коэффициент рождаемости стал меньше в 2 раза в 1987-94 гг. Здесь имели значение не только беды большого города, но и усугубившиеся тяготы вымиравших деревень Псковской и Новгородской областей. [23, с. 35]. Выход из общенационального кризиса в социально-демографической сфере наметился в 2000-е годы и был закреплён в 2010-е гг. в стране и в СПб. Это подчёркивается руководством города и страны. Так, в РФ за шесть лет (2012-2017) было рождено свыше 11,3 млн. детей, что больше на 2,6 млн., чем в предшествующую 6-летку. [5, с. 50; 6, с. 10;

7, с. 7; 25, с.4]. С формальной точки зрения всё сказанное о рождаемости в нашем городе имеет отношение: к относительной немногочисленности КОРЕННЫХ РВ и их детей, то есть к сравнительно узкой впадине на графике численности рождённых в Ленинграде и в РСФСР. Если отвлечься от военных потерь в численности РВ, от нелёгкого послевоенного восстановления их здоровья, то что, связанное с немногочисленностью РВ и как на протяжении их жизни прямо влияло на судьбу РВ, на обстоятельства их частной жизни, работы, службы? Лишь однажды, кажется в вузовском учебнике по истории СССР /или в трудах В.Н. Шубкина и его коллег о перепадах численности абитуриентов ?/ говорилось о преимуществе немногочисленности для когорты РВ, -- при поступлении в вузы, то есть примерно в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Так ли? Повсюду ли? Численная малость рождённых в годы Войны в Ленинграде постоянно перекрывалась потоками приезжих, в том числе – РВ.

И тут надо бы идти последовательно по всем этапам жизни РВ. Например, сравнить количество мест в восстанавливаемых детских дошкольных и школьных учреждениях города с количеством соответственно дошкольников и школьников разного возраста – ленинградцев и приезжих. Первая величина доступна. Вторую установить сложнее. Но если и эту трудность преодолеем, то получим ли ответ на вопрос о том, имели ли значение для сознания дошкольника, школьника 1950-х годов военные потери и -- немногочисленность его ровесников? РВ сегодня вряд ли ответят, хотя об отношениях в классах, о запомнившихся учителях, о быте школ помнят.[20, с.18-19] Реальное направление поиска -- работы историков школы о средней наполняемости школьных классов, о возможном влиянии этого показателя на процесс обучения. Возможно, на взгляд организаторов школьного дела нас, РВ, было мало. Но для нас, сидевших в классах численностью по 30-40 человек, нас вполне хватало. И после окончания школы конкурсы при поступлении в вузы на престижные специальности были. Во всяком случае – в Ленинграде начала 1960-х гг. Не поступил в вуз – иди работать, затем – в армию.

В РСФСР, вероятно, были трудности с призывом на срочную военную службу, начиная, наверно, с 1960 г., то есть с года 18-летия рождённых в 1942 г. Случайно ли именно на время «оттепели» (1955 – нач. 1960-х гг.) приходится сокращения численности Советских Вооружённых Сил в общей сложности на три с половиной миллиона человек, представленные руководством как шаги к разрядке международной напряжённости. Отчасти дело было и в преувеличенных расчётах на нашу ракетно-ядерную мощь. Но, конечно, никакая официальная мотивировка сокращений ВС СССР не

упоминала о демографической яме. Мы, рядовая молодёжь тех лет, как и все советские люди, раз в несколько лет узнавали из материалов съездов КПСС и от Госкомстата, что население СССР растёт, ибо рождаемость существенно превышает смертность.

Смерть. После Войны и голодных 1946-47 гг. довольно быстро, за счёт ценового и налогового «прижима» деревни, формируется минимально приемлемый уровень потребления в городах. Смертность в Ленинграде начала 1950-х гг. составляет всего 6,5 ‰, а естественный прирост численности населения – 8,4 ‰. [4, с. 601]. Социальная политика КПСС и успехи отечественного здравоохранения обеспечивали советским людям, в том числе РВ, постепенное снижение коэффициента смертности, пока это было возможно благодаря борьбе с социальными болезнями, вакцинациям, доступности медицинской помощи. Однако с 1960-х гг. и потом, «в условиях развитого социализма», этих мер было недостаточно. Население старело, и это влияло на снижение рождаемости. Возросшие потребности людей удовлетворялись ими не всегда разумно, подчас во вред здоровью. В медицинском же плане нужен был качественный скачок в сторону высокой профессионализации и недоступной прежде обеспеченности медицины новейшим оборудованием и материалами. Первые тревожные сигналы демографам были даны в материалах съездов КПСС 1970-х гг. Но тогда смертность повышалась медленно. Полуторный её рост произошёл всего за 4 года, то есть в 1990-94 гг.: в России (с 11,2 до 15,8 ‰), на Северо-Западе (с 12,8 до 18,7‰), в Ленинграде-СПб (с 12,2 до 17,3‰). [23, с. 17, 37] И это было лишь начало губительных реформ.

В результате экономической «шоковой терапии» смертность стала вдвое выше рождаемости. Пострадали все возрастные слои. Например, смертность РВ выросла за 1989 – 2002 гг. с 3,6 (Ж) и 9,7 (М) ‰ до 11,2 (Ж) и 31,8 (М) ‰. Для когорты, чей средний возраст был в эти годы от 47 до 57 лет, это была демографическая цена вхождения в «новую» Россию. Для сравнения: смертность 40-44-летних в 1989 г. мужчин была равна 6,3 ‰, а через 9 лет – 16,2‰, те же показатели для женщин составили соответственно 2,5 и 6. Двукратным был рост смертности в следующей после РВ возрастной 5-летней когорте. [2, с. 78-79.] К началу 2000-х гг. эти процессы в старших когортах продолжались. В среднем же наблюдалось некоторое снижение данного показателя в первые годы после переписи 2002 г. с 18,1 до 16,5‰.[5, с. 50] С середины 2000-х гг. процессы эти постепенно приходят в «норму». В начале 2010-х гг. по средней продолжительности жизни СПб был на 13-м месте – после национальных образований Северного Кавказа, Москвы, Татарии, Белгородчины и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. [8,

с. 221]. В целом по стране, по Северо-Западу РФ и в СПб на первом месте среди причин смерти находились болезни органов кровообращения, рак и внешние причины, не связанные с болезнями. [9, с. 38]. Огромные усилия и средства, выделяемые в мегаполисе для сохранения младенцев, снизили их смертность до 4,3%. [7, с. 7] Чем дальше, тем больше среди них становилось детей трудовых мигрантов, недавних жителей нашего Города. Это значит, что застой крови и вырождение ему не грозит? Ответ даст время. РВ этого, к счастью, уже не увидят.

Какова была роль смертности в формировании и умалении когорты РВ? Сотни тысяч её представителей были убиты и умерли в Ленинграде, затем в эвакуации ещё в ходе Войны и по причине связанных с ней лишений в первые послевоенные годы. Большое число из-за Войны осталось сиротами. Но это формальная, количественная сторона дела. Из воспоминаний детей Войны запомнилась фраза дошкольника: *В нашем доме почти все ребята уехали или умерли, не с кем стало играть...* Воистину, только личные источники прямо или опосредованно говорят нам о том отношении к смерти и гибели людей, которое застали РВ, и которое было общепринятым в период их культурно-нравственного формирования, как во время Войны, так и в условиях мира. Наверняка, у обществоведов есть ответы на эти вопросы, полученные в ходе опросов... взрослых людей! Но последние-то встречались с чужими смертями с детских лет. Наверно, детское, и даже подростковое сознание не могло представить вполне не столько конечность человеческой жизни, сколько необъятность последствий смерти человека для его родных и близких, особенно нуждающихся в его заботах... Смерть просто знакомых, тем более – малознакомых или чужих, воспринимались, помнится, проще, легче.

Исходя из данных о смертности людей, рождённых с конца 1900-х до начала 1920-х гг. (то есть поколения фронтовиков) и выживших в Войну, можно предположить, что РВ теряли своих родителей, начиная с 1980-х годов, то есть будучи в возрасте около 40 лет, уже имея свою семью, ребёнка или двух. Естественно, какое-то время больные родственники нуждались в домашнем уходе, и это ложилось на плечи большей частью женщин, ибо ни хороших приютов для стариков, ни нормального, то есть нейтрального отношения в обществе к «сдающим» родственников в дома престарелых не было. Огромной важности рубеж был пройден новой Россией, когда государство создало службы социальной помощи. Больше того, дома престарелых появились для жителей деревень, в деревнях же! Нет более явного доказательства гибели в Нечерноземье сельской подсистемы общества

Уход из жизни родителей РВ, (а перед этим -- более лёгкие для РВ прощания с дедами и бабушками, примерно в 1960-е – 1970-е гг., то есть в нашей молодости) и горечь несёшь собой, и освобождение от забот, а для части РВ – и какое-то наследство в виде автомашин, дач, денежных вкладов, нужных знакомств... Для одиноких женщин, оставшихся вне брака из-за прикованности к иссушающему, лишаящему ума, превышающему ресурсы доброты и родственной любви уходу, казавшемуся бесконечным, за всё не умирающими родственниками, открывалась новая жизнь и иногда возможность создания или восстановления своей семьи. Нередко появлялась возможность изменить место и характер работы, и даже места жительства...

Механическое движение населения. После снятия блокады вывезенные из города трудоспособные люди необходимых городу профессий получали первоочередную возможность вернуться в город, в частности – с детьми-РВ. Некоторому числу удавалось проникнуть в город без вызова в надежде получить разрешение. После Войны приток людей из когорт, предшествующих РВ, в частности 1930-х гг. рождения, был весьма сильным, когда они приезжали сюда учиться и работать, на стройках. Жили в общежитиях, по несколько семей в комнатах, разгородившись простынями... Суровым был быт и в ремесленных училищах, куда набирали подростков до середины 1950-х гг. в порядке мобилизации. Молодёжь постарше приезжала на учёбу в техникумах и вузах. То есть, примерно в возрасте 15 – 19 лет. Приезжали парни и после службы в Армии и на Флоте, т.е. в возрасте 22-х – 25-ти лет, опять-таки учиться или работать. В конце 1950-х гг. численность населения Ленинграда была восстановлена, то есть года на 4 позже, чем численность населения СССР. За 1960-е гг. численность уроженцев 1940-х гг. увеличилась в городе с 442 тыс. до 636 тыс. Благодаря, в основном, притоку молодых извне, удельный вес /УВ/ этой когорты увеличился с 13 % до 16%. Удельные веса молодых и зрелых 10-летних возрастных когорт существенно сблизились. [10, с. 22; 11, с. 18]

Вероятно, из-за относительной немногочисленности уроженцев 1940-х гг., прежде всего коренных, имевших меньше препятствий для брака, чем было у обитателей общежитий, не рождаемость, а миграция давала $\frac{3}{4}$ прироста населения Ленинграда. В результате город во второй половине 1970-х гг. миновал исторический рубеж – приехавшие меньше 10 лет назад, составили половину его жителей. Помнится, в тех строительных бригадах (УНР-309 треста «Севзаптрансспецстрой») в коих я работал в 1963 – 1972 гг., были выходцы из деревень и малых городов Северо-Запада РСФСР, Нечернозёмного Центра, из Поволжья (чуваши), из Белоруссии, Узбекистана, Литвы. Город втягивал в себя молодых, активных

людей, не желавших ждать записанного в программе КПСС «преодоления существенных социальных различий между городом и селом». Так продолжалось до начала 1990-х гг., когда резкое ухудшение условий жизни в городах привело к превышению выезда из Ленинграда над въездом на 16 – 19 тыс. чел. в год. [12, с 272.] Особенностью следующих нескольких лет стало преобладание среди приезжих беженцев из горячих точек РФ и из тех стран ближнего зарубежья, в которых руководство не защищало русских от националистических проявлений – общественных и бытовых, а нередко и способствовало таковым, вымещая на неповинных русскоязычных людях копившуюся десятилетиями злобу этнических «элит» по поводу перекосов национальной политики КПСС. Выезд массовый из СПб продолжался и в 1990-е гг., но в отдельные моменты въезд преобладал. Так, в 1995 г. выезд составил 73 тыс. человек, а въезд – 80 тыс. Внутророссийский оборот миграции в обоих направлениях составил около $\frac{3}{4}$. Прибытие на продолжительный срок из-за рубежа также преобладало над эмиграцией (соответственно 18 тыс. и 14 тыс. человек). Наиболее заметны были среди прибывающих на работу граждане из Закавказья, Украины, Казахстана и Средней Азии. Остальные места исхода давали десятки более мелких групп. Среди русскоязычных иммигрантов в СПб были многие сотни людей, вынужденно покидавших в 1995 – 2002 гг. Азербайджан, Грузию, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Латвию, Эстонию и другие «географические новости». [2, с. 82, 85-86]. Год от года показатели колебались. В 2011 году разность между въездом и выездом составила 34 тыс., в том числе по странам СНГ лишь 3,4 тыс., а по дальнему зарубежью – всего 224 чел. Ещё через 2 года, в 2012 прирост от миграции составил 74 тыс., а в 2014 г. – только 53 тыс. человек. [6, с. 10; 7, с. 9] ¹

Приведённые официальные данные нередко отставали от реальности. Последняя заключалась в многократном превышении численности приезжих над количеством официально зарегистрированных работников-мигрантов. Вспоминаются применительно к 1990-м годам и отрицательное отношение отечественных строителей к наплыву турецких, югославских, финских и иных закордонных фирм, возводивших парадные бизнес-центры и гостиницы... В 2000-е годы дешёвая рабочая сила из стран СНГ заполнила стройплощадки города... Во многом это вина самих горожан. Ленинградские хитовые снобы пренебрегали тяжёлой работой на стройках, в ЖКХ, в торговле, на транспорте и т.д. (То ли дело сутками сидеть в будке охраны у телевизора...) Дополнительным

¹ Должен подчеркнуть, что не будучи демографом, использую научные и официальные опубликованные источники. Расхождения между ними встречаются, но не сопоставление разных данных – задача данного очерка, а именно очерк всего 70-75-летнего движения населения при жизни моих ровесников.

преимуществом рабочих мигрантов по сравнению со старожилами было прибытие и пребывание в цветущем трудоспособном возрасте.

Коренные ленинградцы нередко ворчали по поводу обилия «понаехавших», не вписывавшихся в идеальный образ ленинградца. Но городу всегда требовались рабочие руки. Наиболее частое общение с приехавшими жить в Ленинграде коренные РВ имели не в школах в 1950-е гг., а начиная с техникумов, потом в вузах, на работе, особенно на непрестижной. Своеобразным полем общения представителей советских народов-братьев были псевдо-колхозные рынки больших городов, где моральной платой за высокие цены было презрение или ненависть, тактично скрываемая покупателями по отношению к продавцам из солнечных советских республик. Но на рынок нормальный ленинградец шёл разве что перед праздником, или перед визитом к больному...

Роль нынешних проповедников межнациональной терпимости-толерантности тогда играли партийные идеологи, начиная с авторов учебников для начальной школы. Формы соответствующего воспитания не перечислить, назову лишь декады национальных культур, павильоны ВДНХ, директивы о постановке в РСФСР необходимого процента спектаклей по произведениям авторов из союзных республик... И это вольно-невольно способствовало формированию к 1970-м годам *«новой исторической общности людей – советского народа»*. В неё (общность) вошли, конечно, не 100% граждан союзных республик, крупнейших городов РСФСР. Но процесс шёл. РВ, в отличие от поколений их родителей, участвовавших (так или иначе) в Войне, в отличие от дедов, переживших революцию и Гражданскую войну, -- не имели столь серьёзных причин для межнациональной вражды. Казалось, речь уже не шла о политическом выборе большинства трудящихся той или иной союзной республики, но только о распределении союзных фондов материальных благ и о сохранении и развитии национальных культур. На этом фоне незначительными эпизодами казались нам отъезды, добровольные и под давлением властей, евреев, правозащитников-диссидентов, а также деятелей литературы и искусства, не вписывавшихся в рамки метода соцреализма...

Перестройка показала, что и «шестидесятники», и РВ большинства союзных республик, особенно из числа гуманитарной образованщины, готовы к уничтожению СССР ради удовлетворения местных амбиций... И некоторая часть РВ в России поддерживала (из приверженности к «демократии») эти настроения, а затем и действия. Видимо, к этому моменту, в частности, РВ поняли, что лучше народам мирно разойтись, чем жить вместе под постоянной угрозой разрыва, в том числе немирного, как показали события в национальных районах, начиная с Алма-Аты (1986 г.).

Организаторами межнациональных столкновений были люди средних и старших возрастов. Ударной же силой – податливая на лесть и посулы молодёжь... Именно она определяет структуру населения по возрасту, полу и его брачное состояние.

Возрасты жизни. Ленинградцы в 1980-е годы имели средний возраст 36,5 лет. Это был средний возраст людей в Северо-Западном регионе, но -- несколько больше, чем тот же показатель для Ленинградской области и всей РСФСР. [13, с. 7]. Весьма заметным, до 1/5, был рост доли пожилых людей в 1970-е годы. Не только из-за увеличения средней продолжительности жизни, но и в связи с сокращением доли людей младших возрастов в населении Ленинграда. Даже в неблагоприятные 1990-е годы, когда смертность сильно увеличилась, удельный вес населения предпенсионного и раннепенсионного возраста увеличился до 29 %. Численность иждивенцев на 1 тыс. работников составила в начале 2000-х гг. 619 человек (239 – младше трудоспособного возраста и 380 – старше). В РФ показатель был выше, но – не столь тревожным, ибо состоял из 305 детей и подростков и 341 старика. [14, с. 8] Через 10 лет, то есть в 2013 г., уже не в СПб и не в Москве работники-кормильцы имели наивысшую нагрузку иждивенцев (соответственно 637 и 635%), а в РФ (687), в Ленинградской области и на Северо-Западе (671, 670). Таковы абсолютные числа. УВ людей старше трудоспособного возраста, к которым относились 70-летние тогда РВ, составлял в том же 2013 г. в Москве и СПб соответственно 25,1 и 25,7 %, то есть больше, чем в РФ (23,5%). [15, с. 47, 45.] Короче говоря, РВ должны быть довольны, ибо не застанут время, когда нагрузка на работающих увеличится ещё больше, что неизбежно в городе, в котором в начале 2013 г. детей и подростков было в 2 раза меньше, чем пожилых людей (соответственно 676 тыс. и 1321 тыс.). Беспokoит и соотношение в СПб людей трудоспособного возраста и – официально учтённых работников (соответственно 3135 тыс. и 2043 тыс...). [16, с. 155]

Упрощая проблему, можно сказать, что в немалой степени будущее человечества зависит от того, будет ли опережать рост производительности труда рост доли нетрудоспособных в населении мира, страны, региона. Сегодня, через 75 лет после коренного перелома в ходе Войны, когда её последних свидетелей всё меньше, естественно внимание исследователей к этой когорте-поколению. По подсчёту В.Б. Жиромской, в 1946 г. в РСФСР было 6,8 млн. ровесников Войны. В 1959 г. РВ входили в число 20 млн. человек, в возрасте от 15 до 24 лет, рождённых в 1934-1943 гг. Две 5-летние возрастные когорты, в кои входили РВ – 10-14 лет и 15-19 лет, были из-за военных недородов и потерь примерно на 1/3 меньше, чем предыдущая и последующая. [17, с. ...; 18, с. 40-41] Несомненно, УВ

рождённых в годы Войны был разным в городах и в деревне, в зонах оккупации и в советском тылу и т.д.

Для руководства, определяющего социальную политику, практически важна доля пожилых РВ в каждой определённой местности. Из итогов переписи населения 2002 г. видно, что даже через 56 лет после Войны когорты людей, рождённых в Войну, то есть 55-59-летних, существенно уступала в численности не только последующей, послевоенной, но и предшествующей. По РФ это соответственно (миллионов): 5,3; 10 и 8. По СПб (тысяч): 236; 350 и 260. [19, с.15, 104] В относительном выражении рождённые в 1942-46 гг. люди составляли 5,1% населения СПб. Это было гораздо больше, чем УВ той же когорты в РФ (3,7%). В последующие годы РВ попадают в расплывчатую категорию «70-летних и старше» что затрудняет дальнейшее определение их УВ в населении. Ясно, однако, что численность и УВ когорты РВ и всех рождённых в 1940-е гг. неминуемо сокращается и в СПб, и в регионе, и в РФ. Ибо молодые и зрелые по возрасту люди из ближнего зарубежья составляют главный источник роста численности взрослых когорт.

Состав населения Ленинграда-СПб по полу на всех этапах истории города зависел от его статуса и действительной роли. Общеизвестно преобладание мужского населения в бытность СПб столицей императорской России, -- из-за размещения здесь подобающего гарнизона, аппарата чиновников, из-за привлечения на столичные заработки отходников-крестьян и т.д. После Великой Отечественной войны население города формировалось во многом заново. Ясно, что ни стариков, ни нетрудоспособных детей город не стремился привлечь в период восстановления. УВ женщин, как известно, был весьма высок в когортах тружеников блокадного и восстанавливаемого города. В мирные 10-летия, по мере вступления в жизнь новых когорт, в результате въезда в Ленинград рабочих пополнений, соотношение мужчин и женщин выравнивалось.

Нечто похожее на военные потери ударило по мужской части населения в ходе «лихих 1990-х гг.», когда муки невозможности прокормить семью выбивали из жизни в первую очередь тяжелее это переживавших отцов семейств. В следующее 10-летие жизнь налаживалась, но мужскую часть населения настигал уже возрастной фактор опережающей смертности. И в 2003 г. в РФ среди 65 – 69-летних на 1 тысячу мужчин приходилось 1609 женщин. [21, с. 94] В более молодых возрастах (в частности – у 30-34-летних детей РВ) преобладание численности женщин было небольшим. А в целом по населению города, -- не более чем на 10%, и продолжало уменьшаться. Так, общий показатель численности «Ж» на тысячу «М» составлял в 2005 г. в СПб 1235, а в 2013 г. – 1205. Существенными различия численности представителей двух полов становились,

начиная с 50-54-летних в 2013 г., то есть с рождённых на рубеже 1950-х/60-х гг. В РФ, в СЗФО, в Ленинградской области и в столице РФ соотношение полов было сопоставимым с СПб. На начало 2014 г. в СПб насчитывалось 2,3 млн. мужчин и 2,8 млн. женщин всех возрастов и поколений. [14, с. 9; 15, с. 43; 23, с. 74]

Внуками и внучками РВ в СПб могли быть подростки 15-17 лет, коих было лишь порядка ста тысяч, и дети (600 тыс. в начале 2013 г.) Ровесницы Войны в воспроизводстве уже не участвовали. В целом женщин, учитываемых в воспроизводственном возрасте, к этому времени в СПб было 1,3 млн., то есть меньше половины количества женщин. [9, с. 33]. Статус и фактическое положение СПб в стране, да и специфика городского образа жизни и мыслей горожан до сих пор дают себя знать. В негородской России различия в численности М и Ж минимальны (17,8 млн. и 19,3 млн. соответственно), тогда как в городах женщин больше на 1/6 (66, 5 млн. мужчин на 77,1 млн. женщин) [22, с. 71]. До последнего времени можно было без оглядки на терпимость к ЛГБТ сообществам сделать переход от раздела о соотношении «М» и «Ж» к разделу о нормальном *парном браке Мужчин и Женщин...*

Создание и распады семей. В сборнике статей для профессионалов-обществоведов нет надобности повторять общеизвестное: неудержимо происходит в «цивилизованном мире», в России также, – ослабление семьи как института по мере индустриализации, урбанизации, демократизации и «феминизации». Тупики на этом пути ещё не достигнуты, парная семья всё же существует как союз мужчин и женщин, объединённых в хозяйственном плане и воспроизводящих потомство. Для РВ временем массового вступления в брачные союзы были, как сказано выше, годы примерно с середины 1960-х. К 1970-м годам, после 10-15 лет оттепельной свободы разводов, в ходе быстрого роста потребностей в отдельном жилье, при высокой занятости женщин в общественном производстве, -- состав семей в СПб сократился до 2-3-х человек. Позже, особенно с вступлением в брачный возраст детей РВ, то есть со второй половины 1980-х гг. на волне близкого перестроечного освобождения от заскорузлой советской морали, число зарегистрированных браков уменьшается при сохранении уровня «разводимости». [4, с.638, 677] К началу 2000-х гг. демографы продолжали огорчать руководство и общественность сведениями о малодетности семей, отсрочивании рождения первого ребёнка, и снова и снова числами о сокращении числа браков (на треть), об увеличении частоты разводов (на 17%). Что касается РВ в нашем городе, то их семейное положение характеризовали следующие итоги переписи 2002 г.: на 102 тысячи мужчин в возрасте 55-59 лет приходилось 135 тыс. женщин; из мужчин в браке были около $\frac{3}{4}$,

среди женщин того же возраста – чуть больше 1/2; вдовели около 5% мужчин и больше 1/6 части женщин; в разводе владели свои дни около 11 % мужчин и процентов 18 женщин. [19, с. 106]

К этому времени уже не РВ были создателями семей и воспроизводителями населения. Немало их было, особенно женщин, среди 455 тысяч людей одиноких. Тревожная семейная статистика относилась, в частности, к детям РВ и других старших когорт – о росте до 23% в 1996 г. УВ детей рождённых вне брака, о каждой пятой семье с одним родителем и т.д. [12, с.279] Волей-неволей пришлось об этом упоминать даже в парадных изданиях к 300-летию «столичного города с областной судьбой»... Не всё в них радовало начальственные очи. Не потому ли намечается отметить 315-летие «второй столицы»... Уж тут-то готовые перья публицистов порадуют общественность хотя бы прекращением сокращения численности СПб. Именно тема численности населения традиционно считается одной из важнейших для характеристики определённого этапа жизни общества. Видимо, так и будет, пока социальные процессы, отрицательно влияющие на жизнеспособность социума, не сделают большинство населения иждивенцем меньшинства.

Численность населения Ленинграда. В годы блокады произошло её катастрофическое сокращение, затем на протяжении около 45 лет наблюдался рост, за коим последовал спад 1990-х гг. и – новый рост в 2010-е гг. Сравнивая численность остатков населения Ленинграда после блокады (546 тыс. в 1944 г.) с дважды взятым 5-миллионным рубежом (в конце 1980-х и в начале 2010-х гг.), видим увеличение наполненности города людьми чуть ли не 10-кратное. Наибольший годичный перепад количества жителей города был от 1942 к 1943 г., примерно 4-кратный, с 2,4 млн. до 0,6 млн. человек. В дальнейшем скачкообразным был рост численности населения в первые два послевоенных года – в 1946 г. примерно в полтора раза и в 1947 – больше чем на четверть. [2, с. 16] Участниками этих процессов, пассивными по младости лет, были и РВ, -- как рождённые в Ленинграде, так и возвращавшиеся с родными из эвакуации. В начале 1950-х гг. был превышен предвоенный естественный прирост населения (8,6 ‰ в 1952 г. по сравнению с 6,1 ‰ в 1940.) Довоенная трёхмиллионная численность населения города была превзойдена к моменту Всесоюзной переписи 1959 г. К переписи 1979 г. был взят 4-миллионный рубеж, а ещё через 10 лет, на пике Перестройки, -- и 5-миллионный. То есть, налицо было ускорение роста. Перестройка, затем «революционные» реформы выбили людей из колеи. Естественный прирост уменьшился за последнюю (11-ю) советскую пятилетку в 3 с половиной раза, а за 1990-91 гг. -- больше, чем в 2 раза. [4, с. 601, 637, 677]

Беды, потери, выезд из города десятков тысяч людей сократили численность жителей города до 4,3 млн. к началу 2001 г. Годовые абсолютные показатели убыли в 1990-е гг. были разными при одном и том же порядке чисел – десятках тысяч. Приостановка уменьшения численности населения произошла на рубеже 2000-х и 2010-х гг. в РФ, на Северо-Западе, в Ленинградской области. А в СПб – возобновился рост. [9, с. 31] Причём, -- не только благодаря трудовым мигрантам. В 2012 г. возобновился естественный прирост населения СПб. Он стал равен миграционному.[5, с.50; 6, с.10; 2, вып. 1, с. 46; 12, с. 270]

Таким образом, понадобилось около 10 лет для нарушения реформаторами всех сторон жизни страны и города, в том числе и демографических процессов. После этого – ещё 10 лет ушло на выправление ошибок и заблуждений, не говоря уже о причинении самыми разными силами вне и внутри РФ умышленного вреда «этой стране» и её якобы культурной «северной столице». А применительно к изучаемой когорте ленинградцев-петербуржцев – ровесников Войны – повторяюсь: их наибольшая, заметная для города активность в течение демографических процессов приходилась на молодость и отчасти на первую зрелость, то есть не более чем 20-летие от середины 1960-х до середины 1980-х годов, иначе говоря -- на последний этап истории советского социализма.

Итак:

- чудовищно тяжкими, были обстоятельства *рождения РВ-ленинградцев*; немногим из них выпало счастье расти в полных традиционных семьях с братьями и сёстрами; это было одной из главных причин занятия ими, РВ, места в череде поколений, всё слабее себя воспроизводящих; печально «аукнулось» это для РВ только теперь, когда их немногих детей мало для уверенности, что старость РВ пройдёт не в одиночестве дома и не в приюте для престарелых...

- *смерть* была нередкой перспективой для уроженцев Войны и блокады; а в нравственно-обыденном плане ещё страшнее были смерти окружающих, прежде всего родных и близких, оставлявших РВ-детей на попечение государства и общественности, например – колхозной... В 1960-е--1970-е гг. РВ теряли дедов и бабушек, не всегда успев представить им своих детей; в 1980-е--1990-е гг. мы, РВ, прощались со своими родителями, и это было серьёзным напоминанием, что жизнь конечна и для нас... Прощания проходили по не нами установленному обряду, с разными лишь степенями переживания подлинных или формальных потерь... Самим РВ судьба нанесла смертельный для многих удар в 1990-е годы... Но – не более губительный, чем соседним когортам зрелых и пожилых... Сегодня часть РВ, лишённых возможности работать и не окружённая внуками,

тянет лямку старости, ослепляемая вспышками света ТВ-шоу, затопляемая потоками низкопробной попсы, одураченная рекламой эликсиров долгожительства... Другая часть, смолоду не чуждая высокой культуре, до сих пор ведёт осмысленное существование... И только одно объединит эти части – конец существования...

- ... он один и для тех, кто *покинул город*, то есть о ком «либо хорошо, либо ничего». И для тех, кого нельзя обойти в итоговых словах. И мы, РВ, хорошо помним о таком главном источнике прироста населения нашего города как *приехавшие сюда* в разные 10-летия люди. Тем более, что и сегодня они дают 90% прироста населения СПб. [24] Главным источником их была нечернозёмная деревня РСФСР. А когда этот источник иссяк, пришлось принимать «иностранных» работников из «ближнего зарубежья». Движение обратное, т.е. выезды из нашего города, никогда со времени Войны не приближались по количеству и по значению к потокам въезда. Прохладный темперамент ленинградцев не делал их ни яркими противниками приехавших на ПМЖ (постоянное место жительства), ни радушными хозяевами. Заботясь о нормальном развитии города, руководство города и страны создало в середине 1960-х гг. обидное для нас преимущество приезжих в Ленинград на стройку при получении ими квартир тогда, когда у большинства обитателей коммуналок – ленинградцев или ранее приехавших – шансов на отдельные квартиры не было целые десятилетия, если жилплощадь на человека была больше пресловутых 5 кв. м... Вторым поводом для обид были «лёгкие большие деньги», увозимые после удачной торговли на наших рынках питомцами солнечных республик... Теперь и это безразлично пожилым РВ... А вот что вышло для большинства из них на первый план – это «заслуженный отдых» у телевизора. ТВ и Интернет заслоняют действительные главные вопросы жизни, в том числе – и межнациональные. Не о душе же тревожиться старикам, когда есть вечерние ТВ-сериалы и ежеутренние разнузданные выступления ведущих программы коммерческих радиостанций... Таким образом, наша, РВ, игра сыграна. С каких пор? С выхода на пенсию?

- *Возрасты жизни.* Одним из главных свидетельств бесперспективности существования человечества, в частности в мегаполисах, подобных СПб, является примерно полуторавековой демографический «переход», то есть сокращение рождаемости в большей мере, чем сокращение смертности. Это ведёт к перегрузке работников заботами об иждивенцах. Единственное, что утешает, когда знакомишься с неумолимыми данными о сокращении младших возрастных когорт и растущей доле в населении пожилых и дряхлых – это то, что может быть каждому поколению внуков и внучек достанется больше тепла бабушек и дедов. И не только ласки и

житейского ума, но и осязаемых благ в виде подарков и наследств... Правда, расплатой за эти блага нередко становятся неписанные, а теперь и договорные обязательства ухаживать за беспомощными зажившимися на этом свете бабушками...

- *Именно бабушками, ибо деды* умирают, как правило, раньше. Большая живучесть, выносливость женщин по отношению к жизненным тяготам и катастрофам была заложена природой, не предполагавшей нынешних особенностей человеческого существования. Но перекосы в количественном и отчасти в качественном соотношении представителей полов в СПб были связаны при жизни РВ не с этими вечными чертами, а с суровыми реальностями Войны, затем – с нуждами и требованиями восстановления Ленинграда, и лишь с 1960-х гг. с обычной жизнью современного крупнейшего города.

- Объективно роль так называемых старших родителей должна бы возрастать по мере ослабления института парной женско-мужской семьи. А м.б. и однополый, если в ней завёлся как-то ребёнок...

Жизнь РВ начиналась в 1940-е гг., когда государство укрепляло институт семьи, подчас довольно жёстко. Некоторая либерализация началась с «оттепелью», и немало родительских семей РВ распалось или узаконило фактическое расхождение, в том числе – ради создания новых семей. К моменту вступления РВ в фактический брачный возрастной этап, то есть ко второй половине 1960-х гг., страна была на подъёме. У молодых была возможность начинать семейную жизнь, быстро обзаводясь домашним хозяйством и даже отдельным жильём, если не в родных местах, то в регионах второй волны индустриализации. Относительная немногочисленность РВ не имела большого значения для создания ими семей, ибо традиционные различия в возрастах женихов и невест сохранялись. Но на численности детей РВ немногочисленность матерей данной когорты сказывалась. А воспитание детей требовало от РВ больших усилий, так как потери в когортах родителей РВ (1900-х/1910-х гг. р.) были невосполнимы, и у детей РВ было меньше дедов и бабушек, чем у самих уроженцев 1940-х гг. В общем, не без воздействия на руководство и на общество известий о неблагоприятном течении демографических процессов, когда РВ и другие люди, рождённые в 1940-е гг., были родителями новых годовичных когорт (которым предстояло стать ключевым поколением 2000-х гг.) - в стране начала формироваться осознанная, опирающаяся отчасти на работы демографов, политика в области народонаселения. Но – ограниченная по средствам и малрезультативная. 1980-е гг. были последними годами существования семей РВ, мужья в коих переживали «кризис 40-летия», делая подчас крутые повороты,

оставляя семью, меняя работу, а то и регион проживания с новой семьёй или без оной. Сохранившиеся семьи РВ были потрясены и часть из них потеряла кормильца в проклятые 1990-е годы по причинам, названным выше. С 1996 года по 2005 – время вступления РВ в последний, пенсионный этап их жизни – уже не в полных своих семьях, а в их остатках, лишённых и взрослых детей, и большей части мужчин-РВ. Возвращаясь к главному вопросу статьи – о значении демографических процессов для РВ – жителей Ленинграда-СПб, заканчиваем признанием очевидности: для горожанина, нашего земляка, важно не количество нулей в числе жителей его города, а условия повседневной жизни, а для части населения, более прихотливой, важен также престиж «мегаполиса», бредни о былом его столичном величии и возможность пользоваться благами, самыми разными по направлениям и уровням культурной и «культурной» жизни. Есть демографические процессы, идущие как бы сами по себе, и есть жизнь и судьба отдельного человека, решающего, как именно участвовать в этих процессах. Но он подчиняется не только голосу крови, расчёту, чувству. Он видит пример окружающих -- родных, ближних, дальних, и это очень сильные факторы. РВ не были исключением. Они в основном приняли правила игры, и стали лишь звеном в цепи когорт, отходивших всё дальше от естественного для людей традиционного способа производства себе подобных. Из-за немногочисленности РВ их влияние на шествие по этому пути было ограниченным

Литература.

1. Глотов М.Б. Поколение как социологическая категория. ©2004. <http://ecsocman.hse.ru/data/295/764/1231/005.GLOTOV.pdf>. Дата обращения 2018-03-08
2. Санкт-Петербург. 1703 – 2003. Юбилейный статистический сборник. Вып.2. СПб: Судостроение, 2003.
3. Жизнь и смерть в заблокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб: ДБ, 2001.
4. Санкт-Петербург. 300 лет истории. СПб: Наука, 2003.
5. Основные итоги экономического и социального развития СПб в 2002 г.
6. Санкт-Петербург. 2012 – 2013.
7. Санкт-Петербург. 2014 – 2015. СПб: Комитет финансов..., 2015
8. Регионы России. Краткий стат. справочник. Составитель Г.Б. Ерусалимский. СПб: СПбГУ, 2008.
9. Здравоохранение в России. 2013. Стат. ежегодник. М.: Росстат, 2013.
10. Ленинград за 50 лет. Стат. сб. Л.: Лениздат, 1967.

11. Ленинград и Ленинградская область в цифрах. Стат. сб. Л.: Лениздат, 1974.
12. Социальная история Санкт-Петербурга. Под ред. В.Н. Соловьёва. СПб: «Русский остров», 2005.
13. Возрастной состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения /ВПН/ 1989 г. М.: Респ. информ. центр, 1990.
14. Демографические аспекты воспроизводства человеческого потенциала СПб...: Знание, 2004.
15. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014. М.: 2014.
16. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2014. М.: Росстат, 2014.
17. Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект. М.: РГГУ, 2009.
18. Демографический ежегодник России. 2010. М.: Росстат, 2010.
19. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т. Т.2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. – М.: ИМЦ «Статистика России». 2004. – 416 с.
20. Божков О. Заметки о детстве и социологии детства //Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2012, № 4, с. 16-23.
21. Российский стат. ежегодник. 2003. М.: Росстат, 2003....,
22. Российский стат. ежегодник. 2014. М.: Росстат, 2014...
23. Доброскок В.А., Литовка О.П., Семёнов С.П. Анализ депопуляционных процессов Северо-Запада России. СПб: ИСЭП РАН, 1995.
- 24 <https://ru.wikipedia.org/wiki/Санкт-Петербург>
25. Кузьмин В. Рецепты роста //Российская газета. Неделя. 2018, 12 апреля, № 78 (7541).

Blair A. Ruble
Woodrow Wilson Center

HOW TORONTO BECAME TORONTO

At the end of World War II, Toronto retained its reputation as “America’s Belfast.” Beset almost from its founding by sectarian conflict and violence among a predominantly “Orange” English, Scotch, and Irish Protestant community embedded in Britain’s colonial system and largely “Republican” Irish Catholic immigrant working class, the city had a nasty

reputation. The thuggish mentality of the Protestant Orange Lodges dominated the city's story throughout its first century, which began in 1793 when Governor John Graves Simcoe relocated Upper Canada's colonial capital for protection against American aggression. As late as 1955, the city's Mayor Leslie Howard Saunders promoted Toronto as a Protestant bastion. There was nothing subtle about his message. Saunders listed himself in his campaign materials as "Protestant."

Unsurprisingly, Toronto's soot-covered brick cityscape often seemed to glower under low, gray Canadian skies. A deeply provincial industrial colonial outpost, Toronto seemingly lacked the dynamism of its as-yet-flourishing rust belt partners across the border to the south (such as Rochester, Buffalo, Cleveland, Toledo and Detroit). As industry grew, thousands of working class families – often Irish Catholics supporting the Hibernian Benevolent Society in opposition to the Orange Lodges -- were relegated to substandard, self-built homes in such neighborhoods as "Cabbagetown." Their highly idiosyncratic self-built houses lent a higgly-piggly feel to many a proletarian street.

Toronto played a distant second fiddle within Canada to the country's older historic financial and mercantile center, Montreal. Everything in Toronto appeared second rate in comparison with the seemingly more cosmopolitan and firmly established historic primate city 330 miles away.

Perhaps most irritating of all for the local creative class, local ordinances shut down all manner of sporting and cultural events on Sundays, while limiting the consumption of alcohol in public. There would be no traditional stand-up bars in "Toronto the Good" until the 1960s as alcohol consumption was prohibited without food. Those Torontonians who wished to drink at home had to apply for a Government-issued license to purchase alcohol.

A robust, largely East European Jewish immigrant community proved to be the first harbinger of change when it arrived during the early years of the twentieth century. Largely concentrated at the foot of Spadina Avenue in an area dominated by the needle trades and nearby Kensington Market, Toronto's first Jewish residents were dirt poor having traveled more or less directly from the harsh *shtetls* of the Russian Empire. They were greeted unkindly by both Orange and Catholic Torontonians, a hostility exemplified by the infamous August 1933 Christie Pits Riots that erupted when National Socialist wannabe Swastika Clubs attacked "foreigners" at a baseball game between Jewish and Italian community teams.

World War II transformed the city forever. The war solidified the presence of the city's financial institutions increasingly huddled around a portion of Bay Street that had been dubbed "Canada's Wall Street" by dispossessed Western farmers just a few years before. The city's industrial

base expanded as Toronto became one of the chief shop floors for the British war effort. The war similarly nurtured a nascent communications sector that would grow to rival similar centers across North America. A young city in a young country, Toronto was ready for change.

Immigrants were beginning to make their presence felt in new ways. More successful members of the Jewish community began to move uptown – and uphill -- to the small, independent, wealthy enclave of Forest Hills. The floodgates of Italian immigration were about to open, luring tens of thousands of those impoverished by war. Moreover, English Canada began to integrate into a booming continental postwar American economy untouched by the ravages of war.

Still tied politically, economically, and psychologically to the imperial Mother Ship in London, Toronto nonetheless was only beginning to create its own identity. In retrospect, the elegant Art Deco Bank of Commerce Tower – which opened at the height of the Great Depression in 1931 and remained the tallest building in the British Empire until 1962 – would prove to be a more appropriate symbol for the city than the stockyards which gave the town the moniker of “Hog Town.”

Political institutions and social attitudes change more slowly than built environments. The domination of Protestant hardliners organized around the Orange Lodges continued to exert control over public institutions; as did the imperial “Old Compact” families that had forged Canadian confederation less than a century before and were now housed in neighborhoods with names such as “Rosedale.”

The city’s atmosphere at the time was perhaps best captured by Polish physicist Leopold Infeld, who collaborated with Albert Einstein and Max Born during his career. Reflecting on his time teaching at the University of Toronto during the 1940s, Infeld observed that “it must be good to die in Toronto. The transition between life and death would be continuous, painless, and scarcely noticeable.”

How is it, then, that a child born in postwar Toronto wakes up on any morning a lifetime later as a resident of one of the most successfully diverse cities in the world? How did this closed bigoted town grow into a celebrated poster child for late twentieth century urban multiculturalism? What are the keys of success in transforming a spiteful provincial backwater into a global powerhouse embracing residents from every conceivable corner of the world? What are the limits of that success imposed by some of the public and private policies that have promoted multiculturalism?

Observers from afar often assume that the Canadian multiculturalism model of citizenship adopted by the Canadian Parliament in 1971 must hold the answer to these questions. Such federal policies – which were further enshrined in law with the passage of the 1988 Multiculturalism Act

-- undoubtedly have played a supporting role over time. However, story has far deeper roots.

To begin, the initial multicultural policies were a largely improvisational response by Prime Minister Pierre Elliott Trudeau's government to a growing backlash among Aboriginal peoples and immigrants to the earlier policies embracing bilingualism and biculturalism. These previous policies had elevated the country's historical "charter groups" to a new status just two years before. Multiculturalism became a means for Native Peoples to assert their claim to long-standing historical community rights that are often territorially based; and immigrant groups to demand greater inclusion. The result has been a reconceptualization of Canadian citizenry as polyethnic and diverse.

Changing federal immigration policies proved to be of greater direct importance for explaining Toronto's makeover from Belfast to a model of urban diversity and tolerance. Prime Minister William Lyon Mackenzie King accelerated Canada's transformation when, in 1946, he introduced the Canadian Citizenship Act, which officially made Canadians "Canadian citizens" rather than British subjects living in Canada. In late 1950, the Canadian government began opening immigration offices in Europe. The Immigration Act of 1952 -- together with other administrative and legal policies and procedures -- further eased immigrant access to Toronto.

This initial lessening of immigration restrictions opened the door for Italians -- primarily poorly educated rural migrants from the peninsula's south who were mired in postwar poverty -- to fill the seemingly endless construction and industrial jobs created by an exploding Canadian economy. Building on more modest prewar migration patterns, Italians streamed into Toronto initially settling near College Street at Manning Avenue before moving on to what is now known as the "Corso Italia" along St. Clair Avenue West. Initially laborers, the immigrant offspring generation took full advantage of the city's expanding universities to move into the middle class. By the early twenty-first century, Toronto had become home to nearly 500,000 Italians, 90% of whom trace their residence in the city to immigration immediately following World War II.

The Italians were followed by other groups fleeing deprivation in Europe. A significant Hungarian community formed following the failed 1956 Hungarian uprising against Soviet domination; establishing the "Goulash archipelago" along Bloor Street between Spadina Avenue and Markham Streets. Greeks fleeing their own internecine conflicts at home similarly established a robust Greektown along The Danforth; as did Portuguese immigrants somewhat later.

The federal government lifted racial quotas on immigrant selection in 1967, converting the granting of immigrant status to a point system based on skills and educational achievement. This change led to a dramatic shift over time in immigrant country of origin. Prior to this change, 90 percent

of Canadian immigrants came from Europe, with only 3 percent arriving from Asia. By the mid-2000s, nearly 85% of Canadian immigrants were non-European.

These changes transpired while Canada's primate city Montreal was becoming less attractive to businesses and immigrants due to sustained political unrest over language rights and sovereignty. World War II proved to be a turning point for Montreal as well as for Toronto. Quebec had come out of World War II stuck in a time warp that placed *La Belle Province* at odds with much of North America. A nationalistic right-wing populist government under Premier Maurice Duplessis and his thuggish Union Nationale Party – together with corrupt police and officialdom – used its gerrymandered majority in the Assemblée nationale to insure that nothing would change.

Transformation came as the rest of the continent increasingly became incorporated into a dynamic continental extending far beyond local boundaries. Eventually, following Duplessis's death, everything would snap during the "Quiet Revolution" begun in 1960 by a new Liberal Government under Jean Lesage.

The reinvigorated Quebec consciousness re-awakened periodic movements for the political separation of French from English Canada. Various radical movements caught the revolutionary spirit of the times, increasingly being drawn to violence and terrorist acts. Attempts to gain independence through armed exploits reached an apex in October 1970 when the kidnappings of a prominent provincial official and a British diplomat led to the imposition of Martial Law throughout the province.

On November 15, 1976, the sovereigntist Parti Québécois under the leadership of René Lévesque defeated the province's Liberal Party-dominated government. As their first act, the new government passed Bill 101 establishing French as the sole official language of Quebec and began setting down the groundwork for a referendum on independence.

On May 20, 1980, Quebec voters went to the polls in a referendum authorizing the provincial government to renegotiate the terms of Confederation. When the votes were tallied the No vote surpassed the Yes 59.56% to 40.44%. A second referendum rejected Quebec sovereignty by the razor-thin margin of 50.98% No to 49.42% Yes.

As this process unfolded, many of Montreal's corporations and English-speaking residents began decamping for Toronto. This exodus accelerated Toronto's development as Canada's leading economic center and largest city, statuses achieved by the end of the 1970s.

As Toronto surpassed Montreal as the largest port of entry into the country, the city immediately felt these dramatic demographic shifts on its streets and in its neighborhoods. By the first decade of the twenty-first century, just under half of the city's residents were foreign born, including a large number of "visible minorities" (i.e., non-whites). Toronto is now

considered to have the second largest foreign born population in the world behind only that of Miami.

Immigrants continue to fuel the city's metropolitan growth, with over 100,000 arriving in the region every year. According to the 2011 Canadian census, there are nearly as many Torontonians of Chinese ethnic origin (12.0%) as there are of English heritage (12.9%); and more than those who identify themselves as "Canadian" (11.3%). Religious diversity has become just as striking, with Catholics constituting the largest group (28.2%), followed by those with no religious affiliation (24.2%) and Mayor Saunders's Protestants as a distant third (11.9%).

Immigrants unsurprisingly have been primary drivers behind dramatic changes in the city's morphology. If, in 1950, Toronto was most appropriately compared with Great Lake neighbors Buffalo, Cleveland and Toledo, the city and its expansive metropolitan region now ranks among such North American powerhouses as Chicago, Dallas-Fort Worth, and San Francisco. Indeed, Toronto has grown faster than any North American city over the past half-century other than Los Angeles. The Greater Toronto Area presently has a population over six million; and, the larger Southern Ontario Golden Horseshoe within which it sits exceeds nine million residents.

If Canadian federal policies fostered the context for metropolitan transformation, Ontario provincial and Toronto municipal policies have proven critical for insuring that diversity would become an asset rather than a liability. More often than not regional and local officials were driven by the exigencies of an increasingly modern economy that required a workforce that was mobile, educated and literate. Watching the immigration story unfold, local elites at the provincial level moved to standardize education, labor practices, and cultural policies. Their actions created a shared sense of democratic identity that transcended multicultural differences by offering the promise of opportunity with dignity.

A small circle of Protestant, British-oriented elite families often called the "Old Compact" dominated the commanding heights of Ontario life from the earliest days of colonization. Educated at Upper Canada College before heading off to either the University of Toronto, or elite British and US institutions, descendants of this social elite long controlled the province's major financial and legal institutions. Hidden within their board rooms, social clubs, and Anglican Churches, members of Ontario's elite thought of themselves as the most proper custodians of Upper Canada's British colonial legacy. By the 1950s, their paternalism permitted others to enjoy political and economic success.

For more than a quarter century, their "Big Blue" Machine dominated Ontario politics with a string of Progressive Conservative governments stretching from 1943 until 1985 under the leaderships of Premiers George Drew, Thomas Kennedy, Leslie Frost, John Robarts and

Bill Davis. With the exception of Kennedy, whose premiership lasted only a few months, all had studied at the prestigious and well-connected Osgoode Hall Law School and all represented the values of the province's business elite.

Collectively, they shared that elite's belief that government can and should be run by the business virtues of efficiency, incorruptibility, sober and steady administration intended to provide a predictable business order which would benefit all. They endorsed agendas favoring planning, private enterprise, home ownership, infrastructure development, education and research all in the name of advancing Ontario's business climate. This was the era when British actor Peter Ustinov famously quipped that Toronto was "New York run by the Swiss."

Not every action during the Tory decades fostered tolerance. In 1944 Drew promulgated a notorious mandate that all Ontario public schools require religious instruction; a rule that would not be rescinded until 1990. The purpose of this regulation was explicit: to promote Protestantism (it should be noted that a separate system of Catholic schools receiving public funds and governed by its own boards co-existed alongside the public schools). Bible recitation and readings were encouraged, often placing teachers in Toronto's Jewish neighborhoods in a quandary.

Robarts and Davis, in contrast, played especially important roles in the creation of a welcoming climate for Toronto's new immigrants. Their "Red Toryism" led them to promote education at all levels, and to support a massive expansion of the province's university system. Canadian universities generally – and Ontario universities in particular – recruited new faculty from abroad (primarily from universities in the United States and United Kingdom). By 1971, three-quarters of university faculty hires outside of Quebec were foreigners.

Robarts and Davis sought the creation of a highly skilled labor force. In the process, they extended previously unknown opportunity for affordable high quality higher education for Ontarians, including second generation immigrants. They further expanded access to health care and other public services that made it possible for immigrants to thrive, eroding any sense of zero-sum competition among foreign and native born families.

The continuous expansion of the Canadian and Toronto economies made their success possible. A prolonged recession during the 1990s would test this model of inter-ethnic relations. By that time, however, the embrace of multiculturalism and diversity had become embedded in the local identity.

Municipalities under the Canadian system are subdivisions of their provincial governments rather than self-standing institutions. Consequently, the role of local officials becomes dependent on whatever arrangement is established by provincial legislation. In the case of

Toronto, the business-oriented approach of the Progressive Conservatives led to the establishment of the first metropolitan government in North America. Established in 1953, the Municipality of Metropolitan Toronto served as an upper tier of municipal government incorporating six boroughs of which the City of Toronto was the largest. “Metro” became responsible for major infrastructure projects, public transportation, public safety, regional planning and housing. The constituent boroughs -- including the City of Toronto -- retained more granular responsibilities, especially at the neighborhood level. This system continued until 1998 when the Province amalgamated all six constituent boroughs into a new City of Toronto.

One consequence of this governance structure was the creation of an urban system that consisted of two seemingly opposed topographies. Metro both supported concentration in the traditional Toronto downtown, and the development of a vast suburban region punctuated by nodes of commercial activity.

As geographer Ted Relph observes in his 2014 investigation of Toronto development *Toronto: Transformations in a City and its Region*, these competing visions of the urban future aligned with the philosophical insights of two of Toronto’s most seminal late twentieth century social thinkers: Jane Jacobs and Marshall McLuhan. Jacobs became a touchstone for the City of Toronto’s commitment to small-scale urbanism. McLuhan’s notions of fluid electronic age boundary-less networks – though never articulated as an urban theory – reflected the evolution of Toronto’s metropolitan region. While seemingly contradictory, both Jacobs and McLuhan and their visions of social change not only co-existed in Toronto; but were, at times, joined together. In 1970, for example, they collaborated in a short documentary “*The Burning Would*” opposing the ultimately defeated extension of the Spadina Expressway into midtown Toronto.

This unusual balance between concentration and suburbanization created the opportunity for managed growth that offered newly arriving immigrants a wide inventory of housing and employment opportunities. The population of the older City of Toronto has remained more or less stable between 650,000 and 700,000 even as the metropolitan region’s population exploded to over six million. Most of the city’s foreign born population joined the ranks of the five-and-a-half million Torontonians living outside previous city boundaries.

Closer to the ground, the former Toronto School Board (the body governing the once Protestant-dominated public schools) at times mitigated some of the more discriminatory features of the Ontario public school system. Similarly, over time, the Board and local officials embraced the system’s growing diversity and promoted opportunities to support cross-cultural dialogue and cultural expression.

In many ways, city officials provided powerful symbolic support for the changes that were taking place throughout the city and region. In 1955, long-time city council member Nathan Phillips defeated “Protestant” candidate Mayor Saunders and several others to become Toronto’s first Jewish Mayor. Phillips remained in office until losing an election in 1962. His tenure marked a moment of dramatic change – at least symbolically – as he sought to “modernize” Toronto. The city bought and razed numerous historic buildings downtown clearing the way for the explosion of modern office development that has become the city’s trademark. These projects linked to underground arcades which have grown into the vast twenty mile PATH network connecting major transportation, employment, and retail centers throughout central Toronto for over 200,000 pedestrians each workday.

Phillips, when coming to office, inherited a growing controversy over plans to build a new city hall. Toronto voters rejected proposals promoted by a local firm that would have replaced the landmark Old City Hall with an undistinguished slab tower. Phillips cajoled the city council to undertake an international competition which, in 1958, resulted in the acceptance of an elegantly modern design submitted by Finnish architect Viljo Revell. As important as the building itself – which has become an iconic symbol for the city – Revell’s plan included what was the city’s first public square. What is now known as Nathan Phillips Square has become Toronto’s great civic gathering space. Opening as it did just as Toronto embraced its growing immigrant communities the plaza provided the first opportunity for Torontonians to gather together and embrace their diversity.

Additional gestures honoring diversity soon followed. In 1964, the city’s Ukrainian community initiated a folk music “nation builders” event at the Canadian National Exhibition. The festival proved so successful that, as part of the city’s Canadian Confederation Centennial celebrations in 1967, the city council invited folk groups representing all of the city’s ethnic communities to participate in a week-long heritage celebration on the new Nathan Phillips Square. This festival expanded in 1969 into a week-long city-supported celebration of ethnic diversity known as “Caravan.” Torontonians purchased “passports” which they took to have stamped at pavilions featuring ethnic foods and performances in each community. As a result they discovered the rich neighborhood mosaic that had emerged as more and more immigrants poured into their city.

By the 1970s, as many as 400,000 people trekked from one corner of Toronto to another during Caravan, marveling at a multiculturalism they had never before imagined. The festival had lost its luster by the early 2000s, and came to an end. Torontonians no longer required a special invitation to experience multiculturalism. They lived their own caravan of diversity each and every day.

Toronto's remarkable transformation from "America's Belfast" to one of the world's largest and most successful multicultural cities in the course of a lifetime is rightly celebrated as a primary example that diversity can become an asset. Enthusiastic praise for Toronto's success – while deserved – should not obscure some of the very real limits to multicultural comity that emerged with the passage of time. Those among the city's and province's elites promoting immigration, for example, never intended to open their own board rooms and social clubs to outsiders; and have done so only parsimoniously. Two structural challenges – those of race and growing inequality – deserve greater attention.

Toronto has avoided many of the worst racial pathologies of the United States. Governor Simcoe banned slavery in the city from the very beginning. More generally, the 1834 Slavery Abolition Act banned the practice throughout the British Empire, including in Canada. The official "Jim Crow" segregation present in the United States was not repeated north of the border. Nonetheless, being Black in Toronto has never been easy.

The city's small Black community at the time of Confederation celebrated the formation of the Dominion of Canada in 1867 with other Torontonians. They already had formed the North America Convention of Coloured Freemen and have remained outspoken advocates of their own rights ever since. Discrimination has been real and damaging. In 1882, to cite one poignant example, former African American slave Albert Jackson secured an appointment as mailman only following the intervention of Prime Minister Sir John A. Macdonald. Caught between two warring and bigoted Orange and Green factions, Black Torontonians have faced discrimination throughout the city's history. Their most consistent struggle has been with gaining the equal protection of the police.

Toronto's growing Black community has been transformed by immigration. Initially descendants of arriving Blacks from the British Isles and African Americans escaping slavery and Jim Crow discrimination in the United States, today's Black residents are primarily immigrants from the Caribbean and their offspring. Black Torontonians are more likely than other Torontonians to be questioned by the police (in 2017 79% of Black men aged 25 to 44 reported having been stopped by officers); more likely to be shot by the police; more likely to live in segregated communities; more likely to be streamed into non-academic curricula; more likely to face daily "micro-aggressions;" and are more likely to be poor. All the while, the success of South Asian and other Asian immigrants belies simple notions of white racism.

The 2017 "*Black Experience Project in the GTA*" undertaken by several Toronto institutions -- including the United Way, YMCA, and York University -- underscored the diversity of the Black experience in Toronto. They reported that the Toronto community of African descent – which embraces some 400,000 individuals who self-identify as "Black"-- is

comprised of individuals from several countries, speaking multiple languages and practicing varied religions. Many are highly successful and the community as a whole has made substantial contributions to the city's, region's, and country's success. Nonetheless, surveys reveal that Black people across all of these differences shared the belief that racism is common in Toronto life. This perception is reflected further in economic data which reveal that 25% of Toronto's Blacks fall into low income categories as opposed to 11% of "non-visible minorities."

A fulsome celebration of multiculturalism similarly obscures solidifying patterns of inequality throughout the Toronto region. Landmark studies published in 2010 by University of Toronto sociologist David Hulchanski – *The Three Cities within Toronto* – and in 2002 and 2011 by the United Way– *Poverty by Postal Code* – exposed significant, persistent, and growing income inequality throughout the Toronto metropolitan region.

Based on income change between 1970 and 2005, Hulchanski found that Toronto neighborhoods fell into three distinct cities. City # 1 consisted of predominantly high income neighborhoods in which incomes had risen relative to the metropolitan norm. Located in the central city and along subway lines, these neighborhoods formed an upside down "T" running along the waterfront and up the city's primary north-south axis along Yonge Street.

City # 3 was generally low income and was found in northeastern and northwestern Toronto. These neighborhood followed an earlier pattern of industrial areas growing up a century or more before along major rail lines.

City # 2 was primarily middle-income, having tracked metropolitan average income since 1970s. This city had shrunk over the course of the period covered by the study. Faced with increasing housing and living costs, residents were most likely to leave the region rather than simply move to the suburbs.

Rising income polarization is visible as well in growing trends of gentrification that are visible throughout Toronto's neighborhoods. Several traditional immigrant gateway neighborhoods in the central city have been priced out of the reach of newly arriving immigrants who now tend to head to "ethnoburbs" further out in the metropolis.

University of Toronto political scientist captured these changes through the lens of a single neighborhood school in 2017 in his *Making a Global City. How One Toronto School Embraced Diversity*. Having serendipitously gained access to the registration records of Toronto's Clinton School, Vipond was able to trace the evolution of the school's student body. Located in the traditional migrant reception area near the intersection of Bathurst and College Streets, Clinton was established in 1888 to introduce immigrant children to the Canadian way of life. The

school's achievement is evident in the successful life stories of its alumni, including, most famously, the Canadian-American television journalist Morley Safer.

Vipond identified distinct periods in which the student body consisted of predominantly native-born Canadians and the children of migrants from the British Isles (1888-1920), Jewish children (1920-1951), Italian and later Portuguese immigrants (1950-1975), and a hyper-diverse mixture of children from all over the globe (1975-1990). He traced school policies, tensions with the School Board and other city authorities, and the reaction of alumni to their student days. In doing so Vipond, in his own words, discovered that the “well-known citizenship ‘tune’ – from assimilation to integration to multiculturalism – is still recognizable at Clinton, but the dissenting voices and different rhythms are interwoven in ways that may come as a surprise to listeners who are expecting a simple tuneful melody.” This improvisational complexity is essential to understanding the story of how Toronto became Toronto.

Over the course of the past three-quarters of a century, Toronto has made a remarkable transition from being a grungy industrial “American Belfast” to one of the continent’s most successful and diverse “Global Cities.” This accomplishment holds many lessons for other communities.

The first is to understand that change on the scale of a city is incremental, with new norms and expectations building up as coral expands a reef. There are no comprehensive policy responses that address all the challenges of growing diversity; nor are there any single levels of power that make a difference on their own. In the Toronto case, partnerships among federal, provincial, and city officials together with community organizations and an all-important private sector paved the way for the city’s greatest advances.

Similarly, the Toronto experience demonstrates the prominence of long-term and sustained investment in providing quality education for all residents from primary school through graduate and professional education.

Finally, there must be a recognition that the task of sustaining a vibrant and productive multicultural community is never complete. Noisome challenges of race and inequality remain despite all of Toronto’s impressive achievements.

Whatever these challenges may be, contemporary Toronto demonstrates the wisdom of its own official motto: “Diversity Our Strength.”

**«ПРИРОДУ В КВАРТИРУ НЕ ЗАПИХНЕШЬ»:
О НЕКОТОРЫХ ЭТНИЧЕСКИХ МАРКЕРАХ У ОБСКИХ
УГРОВ Г. ХАНТЫ-МАНСЙЙСКА¹**

Аннотация. В статье, основанной на материалах полевых исследований автора в городе Ханты-Мансийске, рассмотрен актуальный и малоизученный вопрос о влиянии города на этничность / этническую идентичность обских угров (ханты и манси). В качестве одного из этнических маркеров выделяется экофильность городских аборигенов. Делается вывод об отсутствии у них четкого «городского» самосознания.

Ключевые слова: город Ханты-Мансийск, обские угры, этнические маркеры, традиция, экофильное сознание, дачные практики, малая родина

Городская проблематика появилась в отечественном североведении сравнительно недавно. Связано это главным образом с тем, что город как таковой является относительно новым явлением в жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера². Долгое время в поле зрения ученых находилась прежде всего т. н. традиционная культура северных аборигенов, под которой понимались самобытные черты в хозяйственно-бытовом укладе, материальной культуре, мировоззрении и обрядовой практике, сложившиеся на основе традиционных форм хозяйства [32:7]. Изучению таких форм культуры благоприятствовала их относительная сохранность вплоть до последней четверти XX в. Сегодня североведы все чаще переключают свое внимание на исследование модернизации «традиционных» сообществ коренных малочисленных народов Севера в связи с происходящими в их среде

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление» (проект «Этнические границы в поликультурных сообществах Севера России»).

² По принятому в 1999 г. Федеральному закону «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» таковыми в Российской Федерации считаются народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в России менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями. Далее в качестве синонимов будут также использоваться понятия «народы Севера», «северные аборигены».

социокультурными изменениями. В качестве примера можно привести статьи, составившие специальную тему номера журнала «Этнографическое обозрение» («Современные традиции в культуре народов Севера») [30], где обсуждаются вопросы о том, как и почему проникают и вписываются в «традиционные» культуры ценности и символы европейского технократического общества потребления, как сами аборигены отвечают на разнообразные вызовы современности, как при этом меняется восприятие мира «людьми традиций», как эти «традиционные культуры» меняют и приспособливают окружающий их мир «под себя» [30].

Городской образ жизни коренных малочисленных народов Севера, включая такие характеристики, как лидерство, паттерны потребления, солидарность, интернет-культура, трансформации социальных структур и традиционных запретов, формирование техносоциальных сетей и пр. затрагиваются в специальных выпусках журналов «Сибирские исторические исследования» («Коренные народы Севера – горожане арктических широт») [12] и «Этнографическое обозрение» («Урбанизация и аборигенные культуры на циркумполярном Севере и в Сибири») [39]. Североведы отмечают изменившийся контекст полевой этнографической работы и ищут новые подходы к изучаемым объектам [26 и др.]. И все же многие темы находятся пока за рамками исследований. В числе актуальных и малоизученных – вопрос о влиянии города на этничность / этническую идентичности северных аборигенов. Каким образом и какие именно ценности и нормы традиционной культуры приспособляются, реализуются и воспроизводятся в городских условиях? Можно ли говорить о специфической городской идентичности в среде северян?

Настоящая статья намечает лишь некоторые подходы к решению этих вопросов. В ней мне бы хотелось обратить внимание на экофильность³ городских аборигенов как одну из этнических особенностей, присущих коренным малочисленным народам Севера в целом [Этой теме посвящена обширная литература: 27, 14, 13, 6, 7, 22, 42, 4, 9, 3, 1, 41 и др.]. Статья основана на полевых исследованиях автора (далее – ПМА) среди обских угров (ханты и манси)⁴,

³ Под экофильностью здесь понимается базирующееся на традиционном мировоззрении коренных малочисленных народов Севера особое отношение к природе.

⁴ Обские угры (ханты и манси) относятся к числу наиболее урбанизированных из числа народов Севера. Согласно данным последних переписей населения, доля горожан в общей численности у хантов составляла: в 1979 г. – 22,6%; в 1989 г. – 29,8; в 2002 г. – 34,6; в 2010 г. – 38,4%; у манси в те же годы – 35,3%; 45,6; 51,8; 57,3% соответственно. Таким образом, уже к началу 1990-х годов почти каждый третий из числа хантов и каждый второй манси жили в городе, где условия труда и быта далеки от считающегося для них традиционным образа жизни [34: 92; 10: 2111-2119].

проживающих в столице Ханты-Мансийского автономного округа-Югры⁵ (далее – ХМАО) – городе Ханты-Мансийске⁶.

Под этническими маркерами здесь понимаются признаки, отличающие определенную этническую группу от других и являющиеся средством поддержания социальных границ между группами. По словам В.А.Тишкова: «Этничность предполагает наличие социальных маркеров как признанных средств дифференциации групп, сосуществующих в более широком поле социального взаимодействия. Эти различительные маркеры образуются на разной основе, включая физический облик, географическое происхождение, хозяйственную специализацию, религию, язык и даже такие характеристики, как одежда или пища» [38: 231]. Во внутренних и внешних определениях этнической группы (народа) присутствуют как объективные, так и субъективные критерии. При этом важно подчеркнуть, что характерные черты этнических групп не сводятся к сумме содержащегося в их пределах культурного материала, а определяются прежде всего тем, что сами члены группы считают для себя значимым, что лежит в основе их самосознания [38: 230].

Городские репрезентации этничности. Этничность представителей «традиционных сообществ», к которым обычно относят коренные малочисленные народы Севера имеет свою специфику (в том числе в городе). Она заключается в том, что в этих сообществах все еще силен авторитет традиций, порожденных выработанным веками стилем отношений человека и природы (не случайно их называют «вписывающимися в природу»). Сегодня даже в самых урбанизированных ареалах традиционная культура (как комплекс устойчивых стандартов жизнедеятельности) оказывает определенное влияние на многие стороны повседневной жизни этих людей: семейное воспитание, некоторые виды производственной деятельности, пищевые предпочтения и запреты и пр. Этнологические

⁵ В настоящее время в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре проживает 1,5 млн чел., из них более 90% относится к городскому населению (при средней доле городского населения по России в 73%) [21]. Определяющим фактором урбанизации территории Ханты-Мансийского автономного округа-Югры и формирования городского населения, в том числе и среди коренных малочисленных народов Севера, стало развитие в регионе с 1960-х годов нефтяной и газовой промышленности. За относительно короткий срок – чуть более 30 лет – в округе выросло 15 городов (всего к концу XX в. их насчитывалось 16) [35, 36, 37].

⁶ Ханты-Мансийск расположен на семи живописных холмах на берегу реки Иртыш, в 20 километрах от слияния с рекой Обью. Современная история Ханты-Мансийска начинается с 1930 года, когда в трёх километрах от старинного сибирского села Самарово, известного с 1582 года, был основан рабочий посёлок. Первоначально он имел название Остяко-Вогульск, указывающее на основные народы Севера, которые проживали на его территории: остяков и вогулов, и был центром образованного Остяко-Вогульского национального округа. Вскоре остяков стало принято называть хантами, а вогулов – манси, в связи с чем в 1940 году округ переименовали в Ханты-Мансийский. Сменил название и посёлок. В 1950 году Ханты-Мансийск слился со старинным селом Самарово и получил статус города. В настоящее время численность города превышает 97 тысяч человек (<http://www.russia-open.com/regions>).

методы включенного наблюдения позволяют выявить некоторые проявления («жизнь») этнических традиций северян в городских условиях [См.: 11, 15, 16, 28]. В то же время город выступает неким катализатором изменений в этнической культуре. Некоторые ее элементы трансформируются, возникают новые, сочетающие в себе традиции и новации. Именно с такими (переходными) формами и процессами исследователи и практики имеют дело на сегодняшний день, когда «чистых» традиционных культур уже не существует.

Мои информанты из числа хантов и манси на вопрос: «*Дает ли город возможность соблюдать этнические традиции?*» отвечали неоднозначно: «Невозможно здесь соблюдать свои традиции, в условиях города»; «В самом минимальном каком-то приближении. Где я могу сделать себе, например, священный угол в городе, когда у меня над головой топчутся?»; «Сейчас все «бегут» в город. Урбанизированные ханты, манси, ненцы, на мой взгляд, утрачивают связь со своими корнями»; «Знаете, как можно пытаться жить совсем уж традиционным, когда мир настолько вокруг тебя изменился? Ради чего?»

Наряду с этими высказываниями существует мнение о том, что в городе люди стараются в большей степени поддерживать традиции, нежели в деревнях, где они «в своей среде и особо над жизнью не задумываются». Один из моих собеседников из Ханты-Мансийска привел на сей счет следующую аргументацию: «Наоборот, в городах стараются больше поддерживать “свое”. В городе, в другой обстановке, необходимость заставляет поддерживать эту традиционную культуру, стремиться к ней. — *В чем необходимость?* — Другая культура влияет на тебя. Надо, чтобы не потеряться <...>. А если ты совсем оторвешься, ты ничейный, понимаете? Ни к этой культуре не пришел, от той ушел. Без середины, без стержня человек погибает. Стержень нужен...» (ПМА 2010).

Трансляция и потребление аутентичной культуры в условиях города происходит в основном через посредничество сети культурных учреждений: музеев, театров, библиотек, всевозможных сценических площадок, учебных заведений, теле- и радиопередач и пр. Но это не просто деятельность по сохранению этнокультурной аутентичности. По своему смыслу она представляет собой практику встраивания традиционной культуры в контекст современности, придания ей современных форм, во многом благодаря информационным технологиям.

Столицы округов в этом смысле имеют явное преимущество перед другими северными городами, поскольку там имеется множество культурных институтов и общественных организаций, деятельность которых либо прямо, либо косвенно способствует актуализации этничности и культурной отличительности групп. В

городе Ханты-Мансийске, например, наряду с ассоциацией «Спасение Югры» действуют следующие общественные организации: «Союз общин коренных малочисленных народов Севера», «Союз оленеводов-частников», «Союз мастеров традиционных народных промыслов», «Совет старейшин», «Молодежная организация обско-угорских народов Ханты-Мансийского автономного округа» и другие. В Югре создан единственный в Российской Федерации профессиональный коллектив коренных малочисленных народов «Театр обско-угорских народов – Солнце», который в своей деятельности занимается популяризацией культуры коренных малочисленных народов Севера. Многие актуальные вопросы современной жизни обских угров находят отражение на страницах газет «Ханты ясанг» (на хантыйском языке) и «Луима сэрипос» (на мансийском языке), в репортажах государственной телевизионной и радиовещательной компании «Югория». Одна из визитных карточек города Ханты-Мансийска – этнографический музей под открытым небом «Торум Маа». Он находится на красивом лесистом холме на территории природного парка-заповедника Самаровский Чугас. Еще в конце 1980-х гг. по инициативе лидеров этнического возрождения Е.Д. Айпина и Ю.Н. Шесталова там были собраны типичные постройки обских угров – деревянные срубы, лабазы, а также предметы культуры и быта, составившие основу музейного фонда. Сегодня музей стал местом для творческих экспериментов, проведения народных праздников, встреч городской интеллигенции.

В культурном ландшафте и визуальном оформлении Ханты-Мансийска находят отражение орнаментальные мотивы, силуэты традиционных построек и пр., которые воссоздают образ аборигенной культуры. Например, около здания аэровокзала, установлена скульптурная композиция «Семья хантов на привале», где люди и олени отлиты из бронзы в натуральную величину. В интерьерах аэропорта и некоторых магазинов можно увидеть натурные инсталляции – жители Севера в национальных костюмах в традиционном жилище-чуме. В виде огромного 45-метрового стеклянного чума построен бизнес-центр «Гостиный двор» – доминирующее здание на Центральной площади Ханты-Мансийска [25]. Этнокультурный потенциал коренных народов Севера все активнее используется в туристическом бизнесе. В программы официальных праздников, различных фестивалей и других этнокультурных мероприятий включаются выставки-продажи сувениров, концерты фольклорных коллективов, семинары мастеров декоративно-прикладного искусства, показ моделей одежды в «этническом стиле» и т.п. Колорит традиционной культуры коренных народов прослеживается в творчестве народных мастеров, писателей и художников. Огромное внимание, уделяемое в округе обско-

угорским народам, дает повод говорить даже о своеобразном «культе Югры (коренных народов)» [5].

Эмные представления об этнических границах. Что является значимым для этнической идентичности в представлениях самих северян? В ходе полевых исследований, которые мы (совместно Е.П. Мартыновой) проводили в начале 2000-х годов в Березовском районе ХМАО, нас интересовал вопрос: *«По каким признакам определяется принадлежность к хантам (манси)»?* Большая часть наших собеседников в числе основных этнических маркеров тогда назвала: знание языка, традиций и место проживания (этническое окружение): «Для определения национальности главное – знание языка, знание своей культуры и традиций, место проживания»; «Национальность человека определяется традициями, языком, местом, где живет человек»). В числе важных научных результатов, полученных в тот период, был вывод о том, что представления хантов и манси о родном языке, религии, обычаях, традициях в структуре этнического самосознания являются лишь частью более широкого представления о культуре своего народа [17, 18].

В 2006 и 2008 гг., во время экспедиционных поездок в г. Ханты-Мансийск, я пыталась разобраться с ощущениями конкретных людей по поводу их этнической принадлежности, которые могут не совпадать с формальной идентичностью [24]. У студентов Югорского государственного университета (из числа коренных малочисленных народов Севера) мой вопрос *«Чем ханты и манси отличаются от других народов?»*, вызвал разноплановые суждения. Многие заявили подобным образом: «Совсем ничем. Они такие же люди, как и все остальные»; «Ничем, если считать человеческие качества». Что касается этнической границы, в представлениях студенческой молодежи она проходит главным образом по линии языка и культуры. Среди других маркеров были названы (в различных сочетаниях): «традиции», «обычаи», «образ жизни», «характер», «мировосприятие», «менталитет», «мировоззрение», «мироощущение», «воспитание», «религия (верования)», «территория расселения», «одежда», «внешность», «родовая принадлежность». В качестве отличительных черт подчеркивалась самобытность культуры северных народов: «У малых народов очень яркая самобытная культура, они приближены к природе. Хотя сейчас все “бегут” в город. Урбанизированные ханты, манси, ненцы, на мой взгляд, утрачивают связь со своими корнями». Этническая самобытность, в понимании студенческой молодежи, это: «своеобразие народа, особенности его характера, поведения, традиции, обычаи, культура в целом, язык»; «своя культура, история, традиции»; «самобытность – в оторванности от современного мира» (ИМА 2008).

На вопрос *«Можно ли, живя вдали от природы, сохранять свою*

культуру и язык?» сегодня можно получить такой ответ: «Для меня быть ханты — значит быть честным, открытым и отзывчивым человеком. И не важно, где ты живешь. А вот учить язык городским ханты очень тяжело: вне родных угодий зачастую теряется первоначальный смысл слов. Например, рыба налим на языке ханты называется “панне”, где “пан” — это берег, а “не” — женщина. дословно — “береговая женщина”, потому что эта рыба плавает рядом с берегом. Горожане не понимают — они никогда не видели, как она плавает <...>. Каждое слово взято из природы, язык развивается в тесной взаимосвязи с ней» [8].

Мои собеседники из числа городских жителей утверждали, что даже у тех аборигенов, кто не знает языка и культуры, может быть соответствующий «менталитет»: *«В чем же эта хантыйскость и мансийскость?»* — Все в голове, в образе жизни и мыслей. Они не сделают ничего лишнего, что им непозволительно, и в первую очередь ориентируются не на себя, а на своих детей и на будущих детей. Потому что навредив и сделав что-то не так, это все отражается на будущих поколениях (детях, внуках). Они — самые первые приверженцы традиционной культуры, так ими и остались. А те, кто не получили образование, в деревнях живут, они просто живут своей естественной жизнью» (ПМА 2017).

Правильное, с точки зрения традиционных норм, поведение дает окружающим основание для отнесения человека к «настоящим». Таких людей, прошедших «перековку» в интернатах и вузах, но сохранивших «наследие предков» благодаря личностным качествам и семейно-родственному окружению, осталось не так уж много. В основном это люди старшего и среднего возраста, «успевшие прикоснуться к традиционной жизни». Выдержка из интервью:

«Я причисляю себя к «настоящим», потому что я там выросла, в тех условиях. И оттуда у меня весь багаж. <...> Я жизнь традиционную как бы видела, я жила этой жизнью. Но потом у меня это чувство веры, например, в своих духов, где-то оно стерлось. Я была пионеркой, была комсомолкой. И все время нам говорили, что никаких духов нет <...> То есть, ни бога, ни черта. И у нас все это стерлось. Потом, когда мы «стали в цене», когда повернулись к своей вере, оно как бы где-то в сознании присутствует, что вот это надо так делать, это – так. И мы как-то это делаем. Детей я своих приобщаю. Вот буквально недавно купила барашка, поехала на дачу, и там сделали жертву. Говорю, вот поверните три раза по солнцу, там то-то, то-то <...> как бы приобщаю. Но для них <внуков> это уже действие такое... Они делают, потому что бабушка делает, мама делает. А для чего, зачем, до них это особо не доходит до глубины души. Я думаю, меня не станет, и это уйдет. Потому что внук стоит, он – совершенно как бы чужой в этом деле» (ПМА 2006).

Важно отметить, что «настоящим» не назовут ханта / манси (невзирая на их этническую компетентность), если они перестали должным образом относиться к природе: «Есть некоторые, которые по-русски охотятся и рыбачат по-русски. Они тоже в стойбище живут. Но их не признают за хантов, бывает, хотя они язык знают. Но они не

так, а хищнически, относятся к природе» (ПМА 2006).

Т.А. Молданова (ханты), проводившая специальное исследование идентичности среди этнической интеллигенции г. Ханты-Мансийска и хантов р. Казым, пишет, что иногда в ответах ее респондентов улавливается ощущение, что городские – это «не настоящие» ханты: «Настоящие ханты трудолюбивые, скромные, гостеприимные, щедрые. Живут в единении с природой» [20: 151-152]. В связи с этим любопытно сопоставление горожан и «людей традиции» (стойбищных хантов), приведенное А.С. Сопочиной-Песиковой (из тром-аганских хантов), которое она выводит на основе традиционных представлений о «своем» и «чужом»:

«У горожанина все, что есть в его квартире, это «его и свое». Но выйдя за порог своей квартиры, кроме собственного тела и одежды, для него все «чужое» <...> У человека же со стойбища, все, что находится в жилище – это «его», свое. Вышел он за пределы стойбища, деревья, травы, снег, вода, рыба, звери, олени – тоже все «его». И человек со стойбища не только чувствует, но и твердо знает, что он принадлежит зверю, птице, воде, земле, небу, воздуху. И никто и ничто для него не «чужое» <...> Представителям техногенной цивилизации чтобы преодолеть «чужое» <...> приходится обзаводиться богатством: деньгами, драгоценными металлами и камнями, за которые можно превратить предметы из «чужих» в «свои» <...> в понятие «богатство» аборигена входят все те объекты, явления, которые существуют в природе. *А природу в квартиру не запахнешь, на огороде не разместишь* (курсив мой – Е.П.). Богатый человек в представлении тром-аганских хантов не тот, кто считает «своим» много предметов, а кто заботится о благополучии и приумножении объектов своих потребностей: реки, полные рыбы; пастбища с большими оленьими стадами; леса, изобилующими зверями; стойбища, где люди не голодают, не мерзнут» [23].

Этим рассуждениям созвучно высказывание Т.Д. Слинкиной (манси): «И физиологически, и психологически таёжным жителям трудно было адаптироваться за пределами естественной природы, с древности они постигли и сохранили на генном уровне главный смысл жизни и истину своего верования: *жить в мире с природой, не подниматься над ней, а жить в ней*. В прошлом, да и всегда стремятся к гармонии с Матерью-Природой, им легче строить свою жизнь по её законам. С древности основой их жизни являлось кредо: всё живое во мне, и я во всём» [29].

Сегодня, по моим наблюдениям, стремление городских аборигенов быть ближе к природе (поддерживать связь с природой) реализуется в буквальном смысле – в популярности загородного жилья (дачи), желании при любой возможности выехать из города на природу. «Хантам и манси нужна земля, природа. У них у всех должна быть дача, она как бы заменяет – островок природы, который их связывает. Дача, там, рыбалка... Если этого не будет, они захиреют. Понимаете, у него будет накапливаться агрессивная энергия. Пьянствовать начнет, потому что агрессию некуда девать. На природе агрессия выбрасывается. Вот он ездит один – рыбачит... и он снова в свое состояние приходит. А в большие скопления людей на

него отрицательно влияют. Ему надо одиночество, это заложено...» (ПМА 2017).

Один мой знакомый манси утверждал, что многие горожане из числа северян не смогли бы жить в городе, не имея дачи. Наличие же последней, как представляется, размывает границы между «городскими» и «сельскими»:

«Они здесь никто не городские. Единственная была городская – Е.И., которая в Москве жила. Она могла жить в городе. Может, еще Д.В. – городская. Остальных-то нету городских, потому что у них дачи есть. Им надоело, они выезжают туда. Если бы они жили только в квартире, они бы не смогли здесь жить. Они компенсируют «деревенщину» дачей своей, выезжают туда. Это деревенский образ жизни. Да, без дачи – это гибель. — *А у Вас есть дача?*— Да, есть. У нас там чистое поле. Мы насадили клубнику, малину, картошку. И чум стоит там посреди леса...» (ПМА 2017).

Этот же человек рассказал мне о том, что его жена (родом с Кавказа) «стала манси». На вопрос, в чем же проявляется ее «мансийскость», последовал ответ: «Она природу полюбила. Сколько мы с ней ездили, клюкву собирали, бруснику, грибы. Адаптация произошла через природу. Сейчас она как на дачу хочет, как хочет в лес! Как хочет грибы собирать, как хочет клюкву собирать! Когда я ее привез первый раз, она боялась. А сейчас сама по лесу бегает. Любит кухню (клюкву, бруснику), рыбу давай ей» (ПМА 2017).

«Корни – где-то в деревне». В этнографической литературе маркерами относительно устойчивых этнокультурных единиц и связанных с ними идентичностей у обских угров считаются групповые самоназвания *ёх* (хант.) и *махум* (манс.) – ‘люди’ (в привязке к названию конкретной местности). Их соотносят с территориальной группой, отличительными признаками которой, являются особенности языка, поклонение определенному божеству-покровителю данной группы («какому богу молятся») и специфика в элементах одежды [31: 126; 33: 24-25; 40: 301-302]. Сегодня для города по-прежнему актуальна территориальная (локальная) идентичность, связанная с местом рождения и/или социализации того или иного человека (или группы). «Раньше-то всегда было деление по принадлежности к реке. По сути, это и остается – «живущие там-то». При этом я не уточняю, где ты живешь – в поселке или городе» (ПМА 2008).

Чувство кровной связи с землей предков – неотъемлемая часть современного этнического самосознания городских аборигенов. «У тех, кто живет в городе, у каждого есть корни – где-то в деревне. Если эти корни отрываются, то исчезает сама система. История же складывается из людей» (ПМА 2017). Обязательное поддержание тесной связи с малой родиной считается залогом благополучного течения жизни и духовного умиротворения и в настоящее время для многих горожан:

«Трудно жить, не посещая той земли, на которой родился и вырос. Я полтора года когда не ездила, мне часто снилась деревня. А когда съездила, к родителям <на кладбище> сходила, на душе уже спокойно стало. Вещи, какие-то предметы из дома взяла в память о родителях» (ПМА 2006).

«Я связь не теряла. Работаю в Ханты-Мансийске, но каждый год езжу домой. Пока живы были мама с бабушкой, я месяц обычно проводила там, с родными. Поэтому у меня связь как бы не потерялась» (ПМА 2008).

«Если остаются родственники, которые живут в маленьких деревнях, молодежь ездит к ним и все равно соприкасается <с этнической культурой>. А в крупных поселках, как в Саранпауле, уже не отличишь, мансийская это семья или какая-то другая» (ПМА 2008).

Очень образно к теме малой родины, исторических корней, родственных связей подходит «летописец народа ханты» Е.Д. Айпин. В рассказе «Оленей дом» он повествует о ритуале, в котором, как он считает, есть магическая сила. Весной, перед тем как отпустить оленей на волю, их сначала подводили к сосне с побелевшей корой. За длинную шерсть под шеей животных привязывали бечевой к дереву. Когда олени уходили, на бечевке оставался кусок шерсти, который никто не трогал. В какие бы земли олени ни попадали – их все время будет тянуть домой, туда, где они оставили клочок шерсти, оставили частицу себя. Автор обобщает этот эпизод размышлениями о человеке. Какой нитью нужно связать человека с домом, с землей, с отечеством, где он родился и встал на ноги, чтобы не слабела и не рвалась эта связь? [2: 31-32; 19: 249-254].

В итоге можно отметить, что жизнь северных аборигенов в городском социуме представляет собой сложную ткань отношений, в т. ч. отношений с этничностью. При том, что в городе проживают люди с различными (подчас полярными) этнокультурными характеристиками, в качестве важнейшей особенности городских аборигенных сообществ выявляется их промежуточное (переходное) этнокультурное состояние и незавершенность формирования городской идентичности. Отсутствие четкого «городского» самосознания у представителей городских аборигенов отчасти можно объяснить тем, что процессы урбанизации начались у обских угров по историческим масштабам относительно недавно. Начало формирования «городских» хантов и манси, как было сказано выше, относится к 1960–70-м годам. В основном этот новый слой населения формировался за счет людей, окончивших средние специальные и высшие учебные заведения, для которых проживание в городе было обусловлено родом деятельности (педагоги, медицинские работники, работники культуры и др.). По этой причине у городских представителей обских угров пока сильны связи «с корнями».

Этничность городских аборигенов базируется на совокупности символов, идей, привычек, идущих от традиций и имеющих этническую «природу». Несмотря на динамизм современной эпохи, этнические культурные традиции продолжают оставаться

универсальным механизмом, который придает стабильность и устойчивость этносознанию как отдельных индивидов, так и этнических общностей в целом. Этнические ценности (в их числе – выделенное в настоящей статье особое отношение к природе) выступают своего рода регуляторами поведения и идеалами, к которым стремятся представители аборигенного сообщества. Мне представляется, что экофильность сознания городских аборигенов – та особенность, которая, с одной стороны, выделяет их из общей среды городского населения, с другой – является показателем единства с сельской частью их этнической группы.

Литература

1. Адаев В.Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор Бук, 2007.
2. Айпин Е.Д. У гаснувшего очага: повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. Екатеринбург: Сред.-Урал. Кн. изд-во; М.: Фактория Арктики, 1998.
3. Андерсон Д.Дж. Тундровики. Экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск: Из-во СО РАН, 1998.
4. Винокурова У.А., Шилин К.И. Человек гармоничного будущего. Экософия-словарь. М.: МГУ, 1994.
5. Тюгашев Е.А., Выдрина Г.А., Попков Ю.В. Этноконфессиональные процессы в современной Югре. Новосибирск: изд. Нонпарель, 2004.
6. Головнев А.В. Проблемы изучения экологической культуры народов Севера Западной Сибири // Современная духовная культура народов Сибири и Севера. Омск: Наука, 1989. С. 114–122.
7. Головнев А.В. Этноэкология: выбор подхода // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика. Томск: ИТУ, 1998. С. 44–48.
8. Жизнь без «хлеба». Готовы ли аборигены отказаться от муксуна? // Аргументы и факты. 25.03.2015. № 13 (URL: www.ugra.aif.ru/gazeta/number/18903)
9. Иванов А.М. Традиционная экологическая этика юкагиров. М.: ИЭА РАН, 1996.
10. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 3. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012.
11. Кережи А. Традиции и инновации в культуре городских и сельских хантов // Этнокультурное наследие народов Севера России: К юбилею доктора исторических наук, профессора З.П. Соколовой / Отв. ред. Е.А. Пивнева. М., 2010. С. 121–132.

12. Коренные народы Севера – горожане арктических широт / Отв. ред. Д.А. Функ // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2.
13. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989.
14. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: ИТУ, 1984.
15. Лапина М.А. Сохранение этнических традиций хантов в условиях города // X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Москва, 2-5 июля 2013 г. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 87.
16. Лапина М.А. Этика и этикет хантов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998.
17. Мартынова Е.П. К вопросу о феномене хантыйской этничности // Вторая Югорская полевая биеннале. Материалы докладов и сообщений. Ханты-Мансийск, 2007. С. 110–119.
18. Мартынова Е.П. Этническая идентичность у обских угров (по материалам полевых исследований 2002-2004 гг.) // Вторая Югорская полевая биеннале: Сборник докладов и сообщений научно-практической конференции. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. С. 139–146.
19. Молданова С.Н. Рецензия на произведение Е.Д. Айпина «У гаснущего очага: повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. Екатеринбург: сред.-Урал. Кн.изд-во; М.: Фактория Арктики, 1998. 256 с. // Северный регион: наука, образование, культура. Научный и культурно-просветительный журнал. Сургут, 2001. № 1 (3). С. 249–254.
20. Молданова Т.А. Этническая идентичность современных хантов // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: Материалы дистанционной научно-практической конференции X Югорские чтения (20 декабря 2011 г., г. Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск: ОАО «Информационно-издательский центр», 2012. С. 146–159.
21. О стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа Югры до 2020 года и на период до 2030 года. Распоряжение Правительства Ханты-Мансийского Автономного округа – Югры от 22.03.2013 г. № 101-рп (<http://e.120-bal.ru/ekonomika/12939/index.html>)
22. Павлова Н.С. Коэволюция человека и природы в условиях Севера. Якутск, 1993.
23. Песикова А.С. Что такое «богатство» в представлениях хантов реки Тром-Аган // Этнография народов Западной Сибири. К юбилею доктора исторических наук, профессора Зои Петровны Соколовой / отв. ред. Д.А. Функ, А.П. Зенько. М., 2000. С. 238–246.

24. Пивнева Е.А. Этническая идентичность обско-угорской студенческой молодежи в условиях повседневной коммуникации // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba 2010. Pars VII. Dissertationes sectionum et symposiorum ad ethnologiam, folkloricam et mythologiam. Piliscsaba, 2011. P. 307–311.
25. Пивнева Е.А. Этнические бренды ХМАО–Юры // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 4(19). С. 206-211.
26. Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / Отв. ред. Е. А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
27. Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976.
28. Руткай-Миклиан Э. Модернизация табу: вопросы «чистоты» в городской среде (на примере сынских хантов) // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 42–53.
29. Слинкина Т.Д. Природосберегающий этикет народа манси // Экологическое образование и экологическая культура населения: материалы международной научно-практической конференции 25-26 февраля 2-13 г. Прага, 2013. С. 18–24.
30. Современные традиции в культуре народов Севера / Отв. ред. Д.А. Функ // Этнографическое обозрение. 2013, № 2.
31. Соколова З.П. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Сибири. М., 1970. С. 103–153.
32. Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI в.: М.: Наука, 2009.
33. Соколова З.П. Эндогамный ареал и этническая группа. М., 1990.
34. Соколова З.П., Степанов В.В. Категория «коренные малочисленные народы Севера» и проблема статистического учета // Этнические категории и статистика. Дебаты в России и во Франции / Под ред. Е.И. Филипповой. М., 2008. С. 71–92.
35. Стась И.Н. Индустриализация Ханты-Мансийского округа как основной фактор развития городов нефтяников во второй половине XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 2. С. 95–102.
36. Стась И.Н. Социокультурная антропология городов Югры: опыт современной историографии // Вестник НВГУ. 2015. № 4. С. 29–39.
37. Стась И.Н. Урбанизация Ханты-Мансийского автономного округа в период нефтегазового освоения (1960-е – начало 1990-х гг.). Автореф. дис...к.и.н. Томск, 2014.
38. Тишков В.А. Этнология и политика. М.: Наука, 2001.

39. Урбанизация и аборигенные культуры на циркумполярном Севере и в Сибири / Отв. ред. О.А. Поворознюк, Д.А. Функ // Этнографическое обозрение. 2016. № 1.

40. Федорова Е.Г. Северные манси в последней четверти XX века // Этнография народов Западной Сибири. К юбилею д.и.н., проф. З.П. Соколовой. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 300–309.

41. Харючи Г.П. Природа в традиционном мировоззрении ненцев. СПб., 2012.

42. Экология этнических культур Сибири накануне XXI века. СПб.: Наука, 1993.

Петрова И.В.

РГПУ им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург

КЕЙС «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ-2018»: ОСНОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ АГРЕГАЦИИ

Аннотация. На основе исследовательского кейса «Санкт-Петербург-2018» представлен тренд Сити-событий, размывающий прежнее положение структурной зависимости граждан (пространственную поляризацию, сегрегацию на центр и периферию, культурную и депрессивную части и подобное). Автором рассматривается возможность формирования новых социально-солидарных отношений принадлежности, данные социальные связи логично рассматривать как адаптивный механизм, позволяющий субъектам оптимально ориентироваться в обновленных условиях.

Ключевые слова: городское пространство, формы капитала, поверенные публики.

Тенденции активных пространственных трансформаций в российских мегаполисах сохраняются и Санкт-Петербург не исключение. Следует заметить, что современный процесс изменений сити ломает прежнюю логику организации зоны города (пространственную поляризацию), появляется аллюзия на интеграцию жилой перспективы, на сублимацию жизненных стилей обитателей города, обогащение палитры профессиональной занятости. Для

объяснения авторской позиции обратимся к кейсу «Санкт-Петербург-2018», сформированному на основании работы с документами из открытых информационных источников (Интернет-ресурсы: «news.mail.ru», «Петербург.ру.», «Комсомольская Правда», «Аргументы и факты» и др.). Попытаемся представить основной тренд состоявшихся и грядущих событий 2018 года, изменяющих городской простор.

Первое, что следует отметить – это ориентация городских событий-2018 на достаточно высокий уровень экономического капитала, за счет, освоения, прежде всего новых престижных ресурсов (благ, услуг). Главный катализатор всех событий — это Чемпионат мира по футболу впервые в истории спортивное мероприятие проводится на территории России и среди городов-участников Санкт-Петербург. Макро-событие в России состоится с 14 июня по 15 июля, приедут более 1,5 млн. болельщиков. Сервис бронирования «Tvil.ru» составил рейтинг самых популярных городов-организаторов ЧМ-2018 среди российских туристов и оказалось, что именно в Северную столицу хотят поехать большинство фанатов. Основывались аналитики на данных «ранних» броней гостиниц и апартаментов на время проведения мундиала. И здесь необходимо обобщить и углубить мысль, а именно, в рейтинге, составленном аналитическим агентством «ТурСтат», Санкт-Петербург занял второе место по популярности среди всех городов России у иностранцев. По итогам прошлого года здесь побывали 3,8 миллиона интуристов. Больше только в Москве — 4,8 миллиона иностранных гостей. И так, актуальная информация для болельщиков футбола. Расписание матчей на стадионе «Санкт-Петербург Арена»: 15 июня Марокко-Иран, 19 июня Россия-Египет, 22 июня Бразилия-Коста-Рика, 26 июня Нигерия-Аргентина. При подготовке к Чемпионату мира по футболу в Санкт-Петербурге были построены новые спортивные объекты (стадион «Санкт-Петербург Арена» с выкатным полем и раздвигающейся крышей, способный принимать футбольные матчи самого высокого уровня и другие культурные мероприятия; современные футбольные базы, впоследствии переходящие в распоряжение спортивных школ города), развита дорожная сеть, транспортная инфраструктура (пешеходный Яхтенный мост; неразводной мост в районе острова Серный и набережной Макарова), обновлен парк городского пассажирского транспорта (вагоны метро, автобусы, трамваи, троллейбусы), отремонтированы некоторые важные городские магистрали, в том числе и те, которые считаются визитной карточкой города. На городские улицы в 2018 году выйдут сразу несколько современных видов общественного транспорта, в том числе, и абсолютно новые, например, электробус. В рамках проекта «Чистое небо» с Невского проспекта уберут провода и запустят

троллейбусы с автономным ходом. Первый частный трамвай «Чижик» уже появился на улицах Петербурга. Введут в эксплуатацию 5 новых станций метро: «Проспект Славы», «Дунайская», «Шушары», «Беговая» и «Новокрестовская». Завершится строительство высокоскоростной железнодорожной магистрали: «Петербург — Москва». Можно предположить, что город многое приобрел в сфере повышения качества жизни петербуржцев.

С точки зрения культурного капитала разнообразие и наполненность гарантированы многими событиями. В рамках проекта «Четыре столицы» (Москва, Петербург, Владимир и Нижний Новгород), направленного на развитие культурного, молодежного и военно-патриотического отдыха, и, конечно, на наращивание туристических потоков, организаторы планируют разрабатывать не просто туристические маршруты, а умные каникулы для подростков. Как обычно, традиционные события – «Ночь музеев» в этом году пройдет 19 мая, тема акции – «Метаморфозы»; фестиваль «VK Fest 2018», красочный, веселый праздник ждет в этом году гостей 28 и 29 июля в Парке «300-летия Санкт-Петербурга», будет много музыки на любой вкус, залпы фейерверков, вкусная еда и разнообразная активность в развлекательных зонах. Фестиваль «Stereo leto 2018» – главный летний праздник музыки впервые за 10 лет переместится в открывшийся в этом году центр дизайна «Artplay» (10–11 июня). В этом году изюминкой вечеринки будут легендарные британцы «Franz Ferdinand». Праздник выпускников «Алые паруса»: ежегодное яркое масштабное мероприятие для Петербургских выпускников пройдет с 23 на 24 июня. В этом году проведение Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) совпадает с празднованием 315-летия Санкт-Петербурга среди двух сотен юбилейных мероприятий есть культурные события мирового уровня, прежде всего популярный проект «Классика на Дворцовой», в котором примут участие звезды мировой оперной сцены, разводка Дворцового моста произойдет под «живую» классическую музыку, ее исполнит оркестр «Северная симфония» под управлением маэстро Ф. Мастранджело. В честь юбилея города будут гореть Ростральные колонны, а в полночь 26 мая между разведенными пролетами Дворцового моста пройдет канатоходец, он преодолеет примерно 35 метров в свете прожекторов. Такого у нас еще никогда не было и это заинтересует участников ПМЭФ, а также петербуржцев и гостей города.

Почитателей искусства ожидают выставки: скульптур С. Дали - полотна известны всем, но у знаменитого сюрреалиста есть и скульптуры (с 25 мая по 23 сентября, музей «Эрарта»). Выставка «Рембрандт и его время» из Лейденской коллекции познакомит зрителей с шедеврами голландской живописи. В экспозицию войдут

83 произведения выдающихся живописцев Золотого века Голландии, в том числе картины Рембрандта и его учеников (с 5 сентября 2018-го по 13 января 2019 года, Государственный Эрмитаж). В Русском музее в корпусе Бенуа откроется масштабная выставка живописи и графики К. Петрова-Водкина, экспозиция будет посвящена 140-летию художника: ценители искусства смогут увидеть как самые известные работы, например, «Купание красного коня», а так же малоизвестные вещи из региональных музеев. Концертная жизнь города также плодотворно обогащена. Концерт «Thirty Seconds to Mars» - в этом году группе исполнится 20 лет, но они не собираются покидать звездный олимп (27 апреля, Петербургский СКК). Прощальный концерт Оззи Осборна. Последнее мировое турне вокалиста (3 июня, Спортивно-концертный комплекс «Ледовый дворец»). Концерт «Deep Purple». Легенды хард-рока «Deep Purple» представят петербургским поклонникам свою двадцатую пластинку Infinite (1 июня, Спортивно-концертный комплекс «Ледовый дворец»). Несомненно, этот год порадует всех любителей искусства, в том числе и почитателей балета, вообще 2018 год называют годом балета в России, поэтому и в театрах Санкт-Петербурга покажут лучшие постановки.

Особую духовную ценность представляют мероприятия, посвященные памятным датам - исполнится 100 лет с момента расстрела царской семьи, 100 лет со дня рождения писателя Александра Солженицына, 200 лет со дня рождения писателя Ивана Тургенева и философа-экономиста Карла Маркса, 80 лет со дня рождения поэта и актера Владимира Высоцкого и др.

Для восстановления душевного равновесия, сплочения коллектива, познавательной или развивающей деятельности предлагаются новые возможности. В Приморском и Фрунзенском районах откроют два новых экологических парка с велодорожками и площадками для наблюдения за птицами. В парке у Юнтоловского заказника посадят пять тысяч деревьев и оборудуют детские и спортивные площадки. На Софийской улице появятся скейтпарк, дорожки для теренкура и искусственные пруды, а в Муринском парке появится «сад ощущений» для слабовидящих и лыжероллерная трасса вдоль ручья. Город открыт для творческого освоения романтиками - крыши легализуют. Не менее 15 крыш откроют в центре города для экскурсий. Уже в этом году первых посетителей примет смотровая площадка на верхних этажах башни «Лахта-центра» — самого высокого небоскреба в Европе, возведенного на намывных территориях.

Итак, ожидаемые следствия городского режима 2018 – это географическая размытость социально-экономической привлекательности города, импульс на изменение характера и масштаба вовлеченности горожан в экономическую и культурную

жизнь. Мероприятия-2018 меняют прежнее положение структурно-географической зависимости граждан (пространственную поляризацию, сегрегацию на центр и периферию, культурную и депрессивную части). Чтобы увидеть праздничные мероприятия, например, в День города не обязательно отправляться в центр — интересные события пройдут в каждом районе Санкт-Петербурга. Следует заметить, что вообще географическое и социальное пространства никогда не совпадают полностью. Выделение центра и периферии связывают с дистанцией в социальном пространстве, поскольку обусловлено неравномерным распределением различных видов капитала в действительности. В пространстве СПб-2018 мы же обнаруживаем и в инкорпорированной форме и в объективированной форме некоторые явные и потенциальные проявления присутствия разных видов капитала: в виде материальных объектов, инфраструктуры, зданий, мероприятий, социальных связей и т.д.

Обращаясь к известной работе П. Бурдьё [1], осознаем уравнивающее значение всех форм капитала, но при этом все же отмечаем особое значение социального (кстати, менее прозрачного, чем другие) речь идет о социальных связях, посредством которых акторы могут получать прямой доступ к экономическим и другим ресурсам. Иначе говоря, именно определенные социальные отношения выступают фактором структурирования социального пространства и механизмом, посредством которого одни городские публики получают доступ к ресурсам, а другие ограничены. Следовательно, можно предположить, что и сейчас закладываются уникальные потенциальные микро-уровневые структуры социальных взаимоотношений с обновленным пространством и человека с человеком. Данные социальные связи можно было бы рассматривать в качестве возможного адаптивного механизма, позволяющего эффективно приспосабливаться к новым условиям уже наступившим и к планируемым.

Отталкиваясь от понимания того, что социальная жизнь — это матрица интеракций между различными социальными локусами (будь то индивиды, институты, городские соседства), обратимся к реляционной, или отношенческой, позиции, изучающей как раз социальные связи (отношения), (а не отдельных социальных акторов). Итак, социальные отношения — это своеобразные трансакции, которые создают отношения дружбы или соперничества [2]. Будем исходить из того, что социальные связи помогают людям, как справляться с повседневными трудностями, так и продвигаться вверх по социальной лестнице путем мобилизации ресурсов благодаря их принадлежности к определенным группам. Следовательно, можно сделать определенный вывод о том, что вопросы социальной

сегрегации/агрегации – это вопросы идентичности, ее конструирования, воспроизводства и защиты.

В условиях интенсивных процессов урбанизации вообще, тенденции ослабления локальных территориальных связей, развития интернет-технологий и массовых коммуникаций классическая проблема социальных отношений усложняется. Но есть и еще одна составляющая этой стороны проблемы – это опасность постепенного закрепления социо-пространственной изолированности сообщества на локальном уровне в уже развитых социальных связях (у Ч. Тили – это показано на примере диаспор мигрантов [2]; ну, и в реальности знакома ситуация социально-пространственной атомизации в нашем городе на улице Пушкинской дом 10, в Германии известный случай самозахвата квартала, т/н явление «закрытых сообществ» (gated communities)). И такой вид сегрегации вполне может оставить непреходящий отпечаток через различные поведенческие паттерны (деструктивные) на характер дальнейшего формирования и воспроизводства социальных связей. Автор рассматривал подобную проблематику, проблему достижения целостности и безопасности личности, общества и государства на примере деятельности социального института образования. В сфере образования, как известно, происходит формирование общностей, в которых индивиды связаны включенностью в образовательный процесс (учебную, научную, общественную деятельности) и, соответственно, должны быть закреплены особым ценностным отношением к нормам правового, политического и общественного поведения. Отечественная и мировая практики доказывают, что негативные настроения в молодежной среде могут активно и эффективно использоваться различными политическими, общественными организациями, и тогда может возникнуть ряд проблем, детерминирующих вопросы безопасности личности, государства, общества: проблема безопасности в отношении межкультурного взаимодействия, технологические, экологические и др. Поэтому основной задачей воспитания и образования является максимальное раскрытие позитивных задатков человека и нейтрализация задатков негативной направленности. Для решения этой важной задачи автор представил собственную методику – социальную технологию в социализирующем процессе студентов ВУЗов, формирующую пространство самостановления и самовоплощения молодого человека. Если пространство образования становится пространством жизни студента, то уже в ВУЗе он естественным образом приобретает навыки социального поведения в демократическом обществе. [3] Нивелирование негативных развитий событий в обществе может быть достигнуто путем развития демократической культуры в социальных отношениях. А для решения проблем социо-пространственной

сегрегации может быть использован феномен формирования «поверенной публики».

Авторский термин введен в дополнение, к предложенной Н. Фрезер классификации субъектной структуры публичной городской среды, разделенной в случае ученого, на «сильные» и «слабые» городские публики. [4] У другого ученого А. Лефевра [5] нечто подобное: городская повседневность – это место конфликта, противоречий и возможности для изменения существующего порядка. В частности, конфликт, по его мнению, выражается между теми, кто «производит» городское пространство (архитекторами, властями) и теми, кто это пространство «потребляет». Именно рассогласование в интересах, целях и действиях «сильных» и «слабых» публик выступает как правило одной из ключевых причин неблагоустроенности определенных (серых, депрессивных) мест в пространстве города. Все же сбалансированность возможностей и интересов слабых и сильных акторов может быть достигнута практикой факторумов посредством деятельности «поверенной публики». И здесь уместно опереться на идею С. Лоу [6], где представлены и раскрыты понятия «производства» и «конструирования» пространства как два взаимосвязанных и взаимодополняющих функциональных элемента процесса. Производство пространства – это процесс, ответственный за объективное существование материального пространства, в ходе которого элиты, «сильные» городские акторы, задействуют социальные, экономические, идеологические, технологические ресурсы, находящиеся в их распоряжении. В свою очередь, термин «конструирование пространства» описывает символическую трансформацию пространства «снизу» через социальные процессы обмена, конфликта, контроля. Воспользовавшись наработками ученых, представим социальную группу, сформированную посредством делегирования представителей т/н «слабых» актантов: не имеющих право на вынесение решения, ограниченных выражением мнения, инициатив и из представителей «сильных» актантов: выражающих мнение, оказывающих влияние на принятие решений по различным аспектам городского пространства и, таким образом, предложим удобную форму легитимации социальных связей актантов. Новый социальный класс «поверенные публики» – это инструмент, помогающий эффективно ориентироваться во все возрастающей социо-пространственной сети путем создания возможностей для взаимной социальной идентификации, эффективно использующий источники – время, деньги, информацию и др., за счет согласованно-единой точки входа на основе необходимого знания для объединенных объект-субъектных агрегатов. Агрегирование – это новые социально-солидарные отношения (или отношения

принадлежности), направленные на создание комфортной среды в обновленном социальном пространстве, выстроят инновационные социальные сети экономических, политических, культурных и иных ресурсов.

Обращаясь к Сити-мероприятиям-2018, обнаруживаем практические попытки контекстных действий (к описываемым автором теоретическим), формирующие «латентные поверенные публики» путем нетворкинга. Примером могут служить всего три главных дня в этом году не только для представителей бизнеса, но и для других представителей других публик – это период и деятельность в рамках Петербургского международного экономического форума (24-26 мая). На Крестовском острове пройдет торжественный прием от имени Организационного комитета по подготовке и проведению ПМЭФ, а в рамках Форума малого и среднего предпринимательства состоится целый ряд дискуссий, в том числе об эффективности предпринимательства в России, цифровизации экономики и др., но кроме официальной повестки важны и вечеринки, где высокопоставленных гостей ПМЭФ можно застать в неформальной обстановке и где они больше открыты к общению: на приеме Московской биржи и «Deloitte», «Дилетантских чтениях» с В. Познером, на концертах и т.п. В той или иной мере контактировать с другими людьми приходится не только участникам ПМЭФ, но и практически каждому человеку и этому способствует и агрегация интересов, и создание комфортной среды, при этом все же возникают и социальные встречные потоки, вызывающие порой неразрешимые противоречия. Вопрос в том: «Как мобилизовать ресурсы (формы капитала) и что является инструментом связанности социального пространства?» Думается, что ответ находится в плоскости рассмотрения проблемы воспроизводства современного общества, где особенностью современного процесса выступает смена иерархий социализационных полей формальных и неформальных, индуцирующая социальное воспроизводство через обновление системы общественных отношений путем посреднических миссий.

Сегодня город превращается в арену многообразных экономических, культурных, политических практик, генерирующих новые типы профессиональной занятости, увеличение числа ролевых репертуаров и разнообразие жизненных стилей горожан. Государственная власть реализует стремление вписать городское пространство в рациональные схемы, но, задавая иную логику организации материального и общественного порядка, решает ли тем самым проблему упорядочения сложных социальных взаимоотношений (на региональном, местном и микро-уровне)?

Изменение сетевой морфологии структуры взаимодействия людей и структуры деятельности через производство сотрудничества

«поверенной публикой», демонстрирующей одновременно и включение в прочные сетевые («слабые публики») и более-менее институционализованные отношения («сильные публики») можно достичь взаимопонимания и доверия в группах равных. На первом уровне через единство системы значений как социальных, так и индивидуальных, на втором – через взаимосовпадающие оценки спикеров и, наконец, третьем – открытости друг другу.

Литература.

1. Бурдые, П. Формы капитала. / П. Бурдые; пер. М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2005. – Том 6. – № 3. С. 60-74.

2. Tilly, C. Identities, boundaries, and social ties. / C. Tilly. – Boulder, CO, & London, Paradigm Publishers. – 2005. 269 pp.

3. Петрова, И. В. Социализация студентов в формате обеспечения общественной безопасности / И. В. Петрова // Социология образования. 2015. – № 10. С. 76-82.

4. Fraser, N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Habermas and the Public Sphere / Calhoun C. (ed.). Cambridge: MIT Press. 1992. P. 109-142.

5. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр. // М.: Социологическое обозрение. 2002. – Том 2. – № 3. С. 27-29.

6. Low, S. Spatializing Culture: The Social Production and Social Construction of Public Space in Costa Rica / S. Low // American Ethnologist. 1996. – Vol. 23. – № 4. pp. 861-879.

Мартянова Н. А.

РГПУ им. А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КОНСТРУКТИВИЗМА В ГОРОДСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ

Аннотация: Различные архитектурные стили изучаются культурологами, архитекторами, философами, урбанистами и пр. Но именно социологический взгляд позволит увидеть за архитектурной формой социальное содержание, то есть конкретных людей, их объединения, проблемы, идеи, установки. Самым «социальным» стилем в архитектуре больших городов является советский конструктивизм (авангард). Его особенности и влияние на общественную жизнь предлагаются к рассмотрению в данной статье.

Ключевые слова: архитектура, конструктивизм, авангард, город, эстетика, общество, социальные проблемы.

Конструктивизм (советский авангард) занимает совершенно особое место в российском культурном наследии. По мнению архитектурных критиков, это единственное российское направление, которое внесло существенный вклад в мировую архитектуру, ее последний «качественный всплеск». [3; 4; 12]. С социологической точки зрения это уникальное явление, когда с помощью архитектуры создавался новый человек, новый быт, новая инфраструктура и новое социальное пространство в целом («мы наш, мы новый мир построим»). Никогда еще архитектура не играла такой важной роли в социальной жизни, никогда она не была в такой степени ориентирована на человека, не была столь романтической, не бросала вызов прежнему общественному порядку всем своим видом. Вот почему данное направление представляет особенный интерес для социологов.

Советские художники и архитекторы использовали термин «конструктивизм» ещё в 1920 году. Одними из родоначальников конструктивизма были А. Родченко (советский живописец, график, скульптор, фотограф, художник театра и кино) и В. Татлин (советский живописец, график, дизайнер и художник театра) – автор знаменитой башни Татлина (проект Башни III Интернационала) [9].

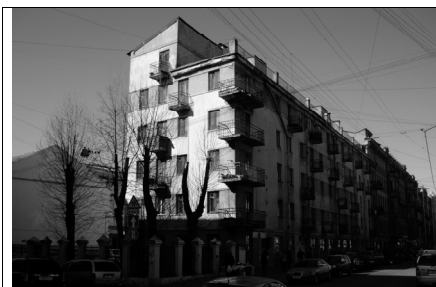

Рис.1. Дом-коммуна инженеров и литераторов "Слеза социализма" на ул. Рубинштейна д.7.

Рис.2. Жилмассив на
Тракторной улице

Рис.4. Дворец культуры им. А. И. Горького, проект которого был удостоен Гран при на Всемирной выставке в Париже в 1937 г.

Рис.3. Бани "Гигант" (Ушаковские).

Официально термин «конструктивизм» смогли наблюдать в книге советского художника и теоретика искусства А.М. Гана, которая носила одноименное название — «Конструктивизм» [7].

Рис. 5. Силовая станция фабрики "Красное знамя"

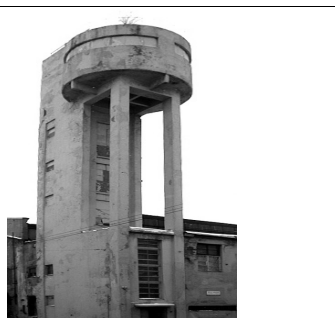

Рис.6. Водонапорная башня завода "Красный гвоздильщик"

Постепенно данное направление оформилось во вполне устойчивую, внутренне сплоченную систему художественного мышления и идеологию, которая базировалась на следующих принципах:

1. *Конструирование «нового человека», творца, освобожденного от предрассудков, груза традиционных установок,*

ценностей, религиозных догм и прочих «оков старого режима». Это должен был быть человек насквозь рационального склада с новой психикой, нервной системой, мировосприятием [18]. Во всех сторонах жизни во главу угла ставятся простота, логичность, ясность, лаконизм. Все, что отвечает этим требованиям, – воспринимается красивым и правильным. Оправданность форм, соответствие материалу и назначению предмета являются для этого нового советского человека источником любования и эмоциональной взволнованности. Это распространяется и на архитектуру, самое социальное из искусств. Ее художественный замысел определяется отныне утилитарностью, пронизывающей среду обитания «нового человека» (от кухни до цеха и улицы). С этой целью архитекторы-конструктивисты стремились максимально использовать возможности новой техники и новых материалов для формирования целесообразных конструкций. В этом они видели принципы построения быта «нового» общества и жизни «нового» человека [14, С. 354-360].

2. *Коллективизм против индивидуализма.* Индивидуализм в поведении и потребностях рассматривался как «буржуазный», «купеческий», «мещанский» пережиток. Новая власть принадлежала народу, поэтому все творения материальной и нематериальной культуры должны быть максимально обобществлены и предназначены для массового стандартизированного потребления. Все должно было стать общим: жилье, питание, гигиена, досуг, спорт, воспитание детей, самообразование. Для каждой из этих потребностей предполагалось построить специально предназначенные сооружения, которые смогли бы обслуживать большое количество людей одновременно. Так появились дома-коммуны с детскими садами и прачечными, дворцы культуры, райсоветы, общественные бани, фабрики-кухни, школы и библиотеки. Дома-коммуны воплощали наиболее яркое идеологическое отрицание индивидуалистических ячеек, «домов-крепостей» буржуазии. Такие коммуны представляли собой сообщество людей, совместно эксплуатировавших переданный им в бесплатную аренду жилой дом, которые сами устанавливали нормы поведения жильцов, совместно следили за состоянием дома, обобществляли питание, уход за детьми, а иногда и денежные средства. Руководили развитыми бытовыми коммунами общее собрание и совет коммуны [5, С.213-230]. Дома-коммуны — символ эпохи 20-30-х годов, непреходящий её атрибут. Ни до, ни после ничего подобного не строили. Идея дома-коммуны впервые была высказана социалистом-утопистом Ш. Фурье. Согласно его концепции, коммуны из 1500-2000 человек должны были жить в специальных дворцах – фаланстерах. Такой фаланстер описан, например, в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» в четвертом сне Веры Павловны [9].

Поскольку такой замысел было довольно сложно воплотить на практике, в основном строили дома переходного типа. Сохранились воспоминания О. Ф. Бергольц, жившей в знаменитой «Слезе социализма» (Доме-коммуне инженеров и литераторов на ул. Рубинштейна 7): «Не было даже передних с вешалками — вешалка тоже была общая, внизу, и там же, в первом этаже, была общая детская комната и общая комната отдыха: ещё на предварительных собраниях отдыхать мы решили только коллективно, без всякого индивидуализма» [2] (Рис. 1).

Данный принцип проявляется также и в том, что здания возводились не по отдельности, а образовывали собой единый комплекс построек и благоустройства, стремясь воплотить мечту о «советском городе-саде», «городе-ракете», «соцгороде». Примером может выступать ансамбль архитектурных шедевров в духе конструктивизма в Санкт-Петербурге, построенных на территории Нарвской заставы. В него вошли: жилой массив на Тракторной улице, предназначенный для работников Кировского (Путиловского) завода, фабрика-кухня, ДК им. А. М. Горького, ДК им. И.И. Газа, Кировский райсовет, школа имени 10-летия Октября, Ушаковские бани «Гигант» [см. подробнее 10,11] (Рис. 2,3,4).

3. *Рациональность, функциональность и строгая целесообразность.* Эти три кита архитектуры авангарда означают, прежде всего, полный отказ от декоративных излишеств, характерных для барокко, классицизма, модерна, ампира и эклектики. «Нужно раздеть буржуазный город», – безапелляционно утверждает А. М. Ган [7, С.64]. Поставленную задачу — достигнуть соответствия пространственных форм и «обстановки» человеческой жизни с новыми непрерывно эволюционирующими био-социальными запросами пролетариата выполнил в советской архитектуре именно конструктивизм. Тенденция уходит своими корнями в популярный в то время на западе «функционализм», флагманом которого выступал французский архитектор Ле Корбюзье. Новые дома-коммуны должны были стать полноценной «машиной для жилья», способной обеспечить весь жизненный цикл в едином общественном пространстве.

Центральное место в идеологии архитектурного конструктивизма занимают, таким образом, задачи органической увязки архитектуры с общественно-бытовыми, производственными, экономическими и психологическими условиями и отношениями растущего социального уклада. Изыскивая пути и средства разрешения столь сложной задачи, архитектор-конструктивист становится на путь изобретательства новых типов архитектуры, овладевая постепенно как творческим методом изобретателя, так и всей суммой необходимых ему научно-технических знаний. Этот

творческий метод изобретателя, названный конструктивистами «методом функционального творчества», является костяком и идеологическим стержнем конструктивизма [18].

Функциональность выражалась в особенностях проектирования домов: чистые и ясные архитектурные объемы, плоские крыши, балконы-консоли, ленточное остекление. Учитывалось естественное освещение: в некоторых домах солнце как бы «заглядывает» в окна, не засвечивая [21]. На плоских крышах конструировалось пространство для общения жильцов и солярий (иногда с душем). Очень популярны были балконы и летние террасы, а также ленточное остекление, позволяющее максимально пропускать дневной свет. Каждый сантиметр дома использовался по назначению, любая деталь была продумана. Однако при этом зачастую функциональность помещений понималась своеобразно: например, солярии на крышах или открытые помещения при петербургском климате у многих жителей вызвали вопросы. В целом дома проектировались так, «как будто в городе вот-вот наступит сильное потепление» [19].

Также с точки зрения конструктивизма должна быть проанализирована проблема внутреннего оборудования жилищ (конструкция и расположение столов, шкафов, стульев, кроватей и т.д.) в связи с происходящими в этом жилье движениями конкретного социально-физиологического людского типа. Новое жилье должно быть приспособлено «для экономии шагов», для сохранения и рациональной траты мышечной и нервно-мозговой энергии. Поэтому конструктивисты с сугубым вниманием изучают современную на тот момент «машинную архитектуру» (пассажирские кабины аэропланов, вагоны-рестораны и т.д.), в которых чрезвычайно рационально и остроумно использован каждый квадратный сантиметр пространства.

Если говорить об общественных зданиях, предназначенных в большинстве случаев для огромных людских коллективов, то здесь функциональный принцип конструктивизма ставит своей целью в первую очередь выработку новых архитектурных планов, в которых были бы наиболее рационально разрешены проблемы пространственного распределения и свободной циркуляции мощных людских потоков, построения их «графиков движения», устранения очередей, заторов и прочих недостатков используемых для этих целей ранее аристократических особняков (Рис. 4).

Кроме того, с социологической точки зрения, конструктивистские дома играли важную роль в создании и поддержании социальной сплоченности, что в целом не характерно для российской архитектуры. В каждом доме было помещение для сбора жильцов и общения, лекционные залы, библиотеки и иные социальные пространства. Авангард поворачивает архитектуру лицом к человеку, делает удобство для коллектива жильцов своим главным

предназначением. Принимаются во внимание даже специализация будущих жильцов. Рабочий-горняк или рабочий-транспортник, агроном или физик, инженер или поэт имеют ряд профессиональных особенностей, привычек, запросов, которые, будучи учтенными и удовлетворенными в планировке их жилья, могут в значительной мере повысить и качество их продукции и полноту отдыха [18]. Иными словами, функциональный метод требует всестороннего архитектурного учета труда рабочих, рассматриваемых не как объект, а как субъект производства.

Это сильно отличает конструктивизм от дореволюционных архитектурных стилей, прославляющих «имперское величие», и, в особенности, от последующего сталинского ампира с его идеей тоталитарного превосходства государства над человеком, а также его эстетическим пафосом, грандиозными арками, пилястрами, капителями, колоннами и т.д.

4. *Освобождение женщины от быта.* Стремясь высвободить советскую семью и советскую женщину из-под тирании мелочных забот о «домашнем очаге», архитекторы задумались над проблемой организации централизованного приготовления пищи, воспитания детей и избавления от тягостного рабского труда так называемой «домашней хозяйки». В соответствии с лозунгами «Освободим женщину от кухонного рабства» и «Долой кухонное рабство: даешь новый быт» индивидуальное домашнее хозяйство заменялось коллективистской, централизованной социальной инфраструктурой. Считалось, что старый альковно-кухонный быт должен быть разрушен, как Карфаген [16]. В целом консенсус по вопросу быта совпадал с пассажами из популярной среди марксистов книги А. Бебеля *«Женщина и социализм»* [1]. В главе «Коммунистическая кухня» Бебель постулировал, что приготовление пищи должно быть основано на научных принципах, а не на кустарном наитии домохозяек. Частная семейная кухня с ее малой производительностью труда и нерациональной тратой времени – такой же пережиток, как и ремесленный станок. Пережиток будет устранен, освободив при этом большое количество женщин. Произойдет автоматизация кухонного труда. Благодаря широкому внедрению электричества распространится машинное производство пищи, – каждая из машин будет специализироваться на отдельной операции, – чистке картофеля, набивке колбасы, рубке мяса, резании хлеба и др. Машины будут управляться небольшим числом операторов и производить еду в промышленных масштабах. Вследствие этого кухня была изгнана из социалистического жилища, уступив место «встроенным кухонным элементам» – нишам с электроплитками, нагревателями и баками с водой, чтобы подогревать еду, а потом мыть посуду. А само приготовление пищи замышлялось

в согласии с идеями Бебеля, – на пищевых комбинатах, производящих готовые обеды, развозившиеся затем в термосах по столовым. Стирка, чистка, уборка механизировались и ставились на поток [16].

5. *Экономичность.* В XX веке в архитектуру в полной мере приходит железобетон — и это позволяет быстро и недорого возводить гораздо более разнообразные по форме здания. Кроме того, материалов было мало, так как за годы Революции и Гражданской войны строительная промышленность бывшей Российской империи практически прекратила свою работу. Поэтому рассчитывать на дорогие материалы стало невозможно. Использовали железобетон, стекло, сталь, старые кирпичи, трамвайные рельсы и не очень качественную древесину. Здесь очень кстати пришлось и идейные изменения. Колонны перестали быть признаком шика, лепнина изжила себя. Советский конструктивизм на пару с европейским функционализмом предложили игру объемов и динамичность форм, пластику необработанных материалов, тяжеловесность конструкций. Выразительность здания достигалась в первую очередь за счет сплочения формы и функции: все архитектурные элементы имеют свое функциональное назначение — и ничего лишнего. Однако при этом дешевизна материалов привела к тому, что в наши дни многие прекрасные образцы конструктивизма находятся в плачевном состоянии [12; 13](Рис.3).

6. *Новаторство.* Несмотря на то, что нашу страну нельзя назвать законодателем и основателем архитектурных направлений, именно у нас зародился и наиболее широко проявил себя конструктивизм. Он стал принципиально новым направлением в изобразительном искусстве, архитектуре, фотографии и декоративно-прикладном искусстве. Подтверждение прямой причастности нашей страны к формированию данного направления мы можем найти в цитате русского поэта В.В. Маяковского: «Впервые не из Франции, а из России прилетело новое слово искусства – конструктивизм» [9]. Это было уникальное для нашей страны время, когда советские конструктивисты (как правило, довольно молодые люди) могли творить свободно и беспрепятственно в соответствии со своими убеждениями. Началось строительство совершенно необычных зданий, которые поражали, собственно, своими формами, конструкциями и назначениями. Со временем они образовали "красное кольцо конструктивизма" в бывшем имперском Петербурге, которое можно условно разделить на шесть зон — Нарвская, Московская, Невская заставы, а также Выборгская сторона, север Петроградской стороны и северо-западная часть Васильевского острова. В них, кроме рядовой застройки, встречаются и настоящие шедевры [6] (Рис. 5,6).

7. *Непревзойденная эстетическая ценность.* Следует обратить внимание на то, что далеко не всем понятно, в чем красота и уникальность конструктивистских зданий. На фоне классицизма, модерна и сталинского ампира архитектура авангарда кажется неприязнительному глазу в лучшем случае «ничем не примечательной», а то и «откровенно страшной». Однако здесь необходимо пояснение. Конструктивисты рациональны, их художественный опыт идет через познание, образование, осмысление, различение оттенков. Чтобы оценить величие их замысла, необходимо развивать вкус, способность абстрактно мыслить, разбираться в архитектуре и в том, что именно составляет ее ценность и красоту. Надо понимать, что социальный эксперимент в архитектуре шел одновременно и неразрывно с экспериментом художественным, этика получала свое полное и адекватное эстетическое воплощение в форме. Не случайно первая книга о русском авангарде С.О. Хан-Магомедова [17] посвящена проблемам формообразования; в центре архитектурного обучения оказываются пропедевтические дисциплины, такие как «Объем», «Цвет», «Пространство», «Графика». Это те категории, которыми мыслили архитекторы-конструктивисты 20-х годов и в поле которых рождались новые взаимоотношения массы, динамики, цвета. Здания конструктивизма — физическое наследие этой огромной культурной работы. Выверенные соотношения элементов и целого, точные композиции присутствуют практически во всех сохранившихся постройках конструктивизма, в том числе и «рядовых» [8]. Экспериментальное мышление советских конструктивистов не теряет актуальности по сей день: в мире о нем пишут книги, переосмысливают в современном контексте.

Разумеется, идеи архитекторов-конструктивистов были утопичны и несли отпечаток пропагандистского воздействия. Однако не стоит забывать о том, что таким был социальный заказ. К примеру, идея домов-коммун начала внедряться сразу после 1917 года, когда «недобитых буржуев» уплотняли, и роскошная квартира на одну семью превращалась в «воронью слободку» с бесчисленными соседями и дразгами на общей кухне. Рабочие заселялись в бывшие дома буржуазии, менялся уклад жизни, но архитектурный облик зданий оставался прежним. Обновить старые стены пытались с помощью агитационных лозунгов, транспарантов и плакатов [12].

Однако становление нового государства требовало, чтобы язык искусства и архитектуры соответствовал революционным целям нового режима и порвал все связи с прошлым. А поскольку язык конструктивизма был в высшей степени радикальным и новаторским, то он в полной мере соответствовал этим государственным требованиям. Следует признать, что большинство архитекторов того времени разделяли идейные установки советской власти [15].

Конструктивисты, учитывая исторический опыт, были убеждены, что в архитектуре кроются огромные возможности организующего и эмоционального воздействия на людские массы; что немой язык архитектурных композиций, их масштабы и организация в пространстве могут быть — силой своего воздействия — подчас красноречивей и убедительней самого пламенного слова. Например, совершенно очевидно, что средневековые готические соборы, построенные с изумительным для того времени знанием и всесторонним учетом людской психологии, служили формами своими одним из актуальнейших средств религиозной пропаганды [18]. Экспериментально доказано, что каждая разновидность формы является определяющей для возникновения того или иного настроения и чувства. Каждая вещь может, в той или иной степени, благодаря воздействию своих формальных признаков почти непосредственно влиять на нашу «душевную» жизнь. Такими же носителями и рассадниками определенных эмоций и настроений являются архитектурные объемы, плоскости и линии в их разнообразной обработке. Принуждая наш взгляд следовать за закономерным сочетанием этих элементов, архитектура всегда вызывает у зрителя ту или иную эмоциональную гамму: скажем, ощущения могущества, уверенности, спокойной и сосредоточенной силы, или, наоборот, беспокойства, неуверенности, гнета и т.д. Если эти настроения созвучны господствующим общественным эмоциям, то здание можно назвать эмоционально-выразительным для своей эпохи.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в рамках социальных поисков архитектуры советского авангарда создали большой задел возможностей архитектурного формообразования, далеко не исчерпанный до сих пор, который является источником творчества ведущих архитекторов мира до настоящего времени. Об этом свидетельствуют прежде всего работы таких мастеров постмодерна как Рэм Колхаас и Заха Хадид [6, С. 177]. Помимо этого конструктивизм имел и важное социальное значение — флагмана общественного прогресса, во многом определивший становление и развитие целой эпохи.

Литература:

1. Бебель А. Женщина и социализм / Пер. С нем. СССР: Государственное издательство политической литературы, 1959.
2. Бергольц О. Дневные звезды; Говорит Ленинград // Военная литература [Электронный ресурс] Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/berggolts_of/index.html (дата обращения 25.05.2018)

3. Варламов И. 10 самых красивых зданий Москвы // Varlamov.ru [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://varlamov.ru/1737404.html> (дата обращения 23.05.2018)
4. Варламов И. Поколение евроремонта // Varlamov.ru [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://varlamov.ru/2026306.html> (дата обращения 23.05.2018)
5. Вильковский М.Б. Социология архитектуры. - М.: Фонд «Русский авангард», 2010. – 592 с.
6. Вольская Т. «Золотое кольцо конструктивизма». Памятники архитектуры под угрозой // Радио Свобода [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/395286.html> (дата обращения 23.05.2018)
7. Ган А.М. Конструктивизм. - Тверь, Тверское изд-во, 1922.
8. Гонсалес Е. Беззащитные метры: Чем архитектура конструктивизма, прославившая Россию, не угодила начальству // Новая газета [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/07/08/69198-bezzaschitnye-metry> (дата обращения 23.05.2018)
9. Лиховидова Ю. Конструктивизм: родом из СССР // Poruski [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://poruski.me/2016/10/30/064-vpervye-iz-sssr-konstruktivizm/> (дата обращения 23.05.2018)
10. Мартыанов Д. С. «Ковчеги» Ноя Троцкого // Автовские ведомости, 2017 «16(289). С. 1-2.
11. Мартыанов Д. С. Смывая слезы социализма // Автовские ведомости, 2017 «19(292). С. 3.
12. Орлова А. Шедевры советского конструктивизма // KNOWREALTY.RU [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://knowrealty.ru/shedevry-sovetskogo-konstruktivizma/> (дата обращения 23.05.2018)
13. Перевощикова М. Сносить или не сносить: конструктивистских зданий в Москве остается все меньше // Ведомости [Электронный ресурс] Режим доступа: www.vedomosti.ru/realty/articles/2018/03/26/754543-konstruktivistikh-zdaniy-moskve (дата обращения 23.05.2018)
14. Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Конструктивизм как умонастроение и как методология // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. - М.: Канон+, Реабилитация, 2009. С. 354-365.
15. Советский конструктивизм в Лондоне // Радио Свобода [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/24375222.html> (дата обращения 25.05.2018)
16. Шаталова О. Кухня и освобождение от нее: домашняя работница в советской прессе 70-х гг. // Фемштаб [Электронный

ресурс] Режим доступа: <http://www.art-initiatives.org/ru/content/kuhnya-i-osvobozhdenie-ot-nee-domashnyaya> (дата обращения 25.05.2018)

17. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн.: Кн.2: Социальные проблемы. - М.: Стройиздат, 2001. - 712 с.

18. Хигер Р. Конструктивизм в архитектуре // Артгид [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://artguide.com/posts/577-arkhiv-konstruktivizm-v-arkhitiekturie> (дата обращения 23.05.2018)

19. Я живу в доме политкаторжан (Петербург) // The Village [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.the-village.ru/village/city/where/249129-dom-politkatorzhan> (дата обращения 25.05.2018)

20. Я живу в «Слезе социализма» (Петербург) // The Village [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.the-village.ru/village/city/where/227547-cry-baby> (дата обращения 25.05.2018)

21. Я живу в доме Ленсовета на Карповке (Петербург) // The Village [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.the-village.ru/village/city/where/228595-lensoveta> (дата обращения 25.05.2018)

Окладникова Е.А.

РГПУ им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург

ОБРАЗ АГРОГОРОДА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ

Целью исследования было выявление смысловых символических констант, с помощью которых жители Лаголовского поселения описывали образы своего места жительства. Но в своей работе мы видели и некую сверхзадачу. Сверхзадачей исследования стало описание общества Лаголовского поселения как создателя и транслятора исторической памяти населения Невского края. Наши исследования проходили непосредственно в Лаголово. Полевые работы продолжались почти два месяца (6 мая - 23 июня 2017 года). Время нами было выбрано удачное: последние недели до начала летних отпусков и школьных каникул. Наши респонденты в средней Лаголовской школе, Доме культуры, местной Администрации были на своих местах. Лаголово встретило нас полями ещё нескошенных сочных трав и цветущих одуванчиков, благоуханием черемухи, а затем и ароматом зацветающей сирени, зеленью знаменитого Лаголовского яблоневого сада, радостным щебетом весенних птиц.

В настоящей статье речь пойдёт о Лаголовском муниципальном поселении, расположенном всего в полутора километрах от границы городской черты, т.е. настолько близко к Санкт-Петербургу, что почти сливается Красным селом. Лаголовское муниципальное поселение – типичный агрогород Ленинградской области советской эпохи. Так же как и в Оржицах, Горбунках, Русско-Высоцком, пос. Победа (Выборгский район) и др. населенных пунктах Ленинградской области градообразующим предприятием в советское время был сельскохозяйственный комплекс. Для Лаголовского поселения таким предприятием в 1960-е годы стала птицефабрика. Для рабочих с поселке были построены блочные или кирпичные пятиэтажки, Дом культуры, магазин, школа, детский сад, почта. Когда текст этой статьи был готов и отдан на строгий суд рецензента, одним из его вопросов к автору был следующий. Почему вы пишете Птицефабрика с большой буквы? Да, я и не заметила, как машинально начинаю писать это слово с заглавной буквы. Объяснением этому является то отношение моих респондентов-жителей Лаголово к градообразующему предприятию, которое легко читалось в их повествованиях о своей жизни и ответах на вопросы моего гайда. Для подавляющего большинства из них птицефабрика была самым знаковым объектом социокультурного ландшафта их места жительства.

Почему мы взялись за разработку этой темы: образ агрогорода? Дело в том, что мы вслед за Г. Зиммелем, Р. Парком, Д. Урри, С. Московичи, А.Ф. Филипповым, С.Н. Замятниным, Ю.А. Ведениным полагаем, что существует тесная связь между интерпретациями пространства и описаниями общества, обитающего в границах этого пространства. В силу того, что мы работаем методом нарративного интервью, особенности которого будут описаны далее, мы полагаем, что за дискурсами наших респондентов стоит прагматика их бытия. Их дискурсы описывают конкретную социальную действительность. Правила этих дискурсов (грамматика, словоупотребление, семантика) создают мир, который переживается нашими респондентами как реальный.

Цель исследования предполагала постановку нескольких задач. Одна из исследовательских задач заключалась в выявлении и описании того, как наши современники – жители сельской местности, представляют себе социокультурный, т.е. освоенный/обжитой человеком, ландшафт родного края. Нас интересовало какие подходы, какие способы создания ментальных карт местности они используют. Уточним, что социокультурный ландшафт являет себя нашему взору в многообразии своих форм. Поэтому для нас социокультурный ландшафт – это и социальный (т.е. ландшафт населенный и организованный под свои нужды разными социальными группами

территории), и экономический (зонированный по принципу организации хозяйственной деятельности), и исторический, и ископаемый и др.

Сразу оговоримся, что под Лаголовским обществом мы понимали некие легитимные порядки (нормы и ценности), через которые члены общества в процессе повседневных коммуникаций (взаимодействий, общения) устанавливают и развивают свою принадлежность к определенным социальным группам внутри этого общества, тем самым обеспечивая социальную солидарность. В процессе социальной коммуникации обязательно возникает то, что принято обозначать как смысловая избыточность. Члены любого общества постепенно начинают семантически её структурировать, и тем самым обеспечивать его связанность, а также организацию взаимодействия его членов и распределение социальных ролей.

Другая задача нашего исследования предполагала выявление и описание того, каким образом наши респонденты мыслят себя в историческом времени и в пространствах физического и виртуального миров своего бытия. Иными словами, какой они видят территорию своего места жительства в исторической динамике. Также нас интересовал вопрос о том, как они понимают динамику социальной структуры Лаголовского сообщества и системные связи, в прошлом определявшие и ныне определяющие взаимодействие элементов, поддерживающие социальную структуру Лаголовского сообщества.

Третьей задачей было выяснение того, каким образом наши респонденты конструируют символический образ территории, т.е. образ своего места жительства – Лаголовского поселения. Нам было важно понять, какими смыслами они оперируют, чтобы вербализировать свои представления и переживания о нём.

Программа исследования включала 6-ть блоков вопросов, касавшихся демографического портрета поселения, межпоколенных связей жителей, представлений респондентов о структуре и социокультурной динамике социального ландшафта поселения, этнокультурных особенностях жизни людей, мнения респондентов об его истории и современном состоянии. В настоящем проекте мы публикуем материалы, полученные в результате обработки ответов респондентов по 2-м темам исследовательского гайда. Согласно нашей гипотезе, ответы на эти вопросы должны открыть для нас возможность выяснить то, как на интуитивном уровне у респондентов формируется тот или иной образ места их жительства. Забегая вперед укажем, что символические конструкты, определявшие этот образ, оказались весьма разнообразны: от эстетических и поэтических, до геополитических и хозяйственных. Но все они, независимо от категорий научного анализа, в которые эти образы места могли быть

вписаны, носили латентный, т.е. спрятанный в сознании, неявный с точки зрения повседневной рефлексии для респондента характер.

В момент интервью образ места постепенно и естественно складывался в сознании респондента, погруженного в описание своей жизни, исторических воспоминаний, ассоциированных с историей села, мыслей о своей семье, родных, близких ему людях. Иными словами, этот образ рождался у нас на глазах. Собственно, в этом и заключалась оригинальность, неповторимость нашего исследования. В момент интервью мы становились со-творцами новых социально и эмоционально нагруженных смыслов, с помощью которых наши респонденты не просто описывали, но создавали, творили на наших глазах свои уникальные образы социокультурного ландшафта места своего жительства.

В первый же день приезда в Лаголово мы погрузились в разговоры с людьми разных профессий, политических взглядов, возрастов, нравственных принципов и гастрономических предпочтений. Иными словами, в полевой работе нарративное интервью стало нашим рабочим методическим инструментом. Ведь для социологов, которые занимаются качественными социологическими исследованиями важно не только то, что говорят люди, но и как они рассуждают о том, что говорят. Именно по стилистике суждений респондентов социологи могут судить о социальных и культурных характеристиках общества, которое изучается. По степени распространенности суждений, сформулированных респондентами, в конкретной социальной среде социологи могут составить представление об «интересах эпохи» и определить своеобразие этих интересов, их отличии от интересов прошлых эпох.

Методика нарративного интервью относится к группе так называемых качественных методик социологических исследований, которые социологи позаимствовали у этнографов и психологов. Ещё с момента зарождения этнографии как науки этот метод полевых исследований, успешно применявшийся отечественными и зарубежными исследователями для работы с информаторами-знатоками народной культуры, автохтонными жителями далёких этнографических провинций, разбросанных по всему миру. Позднее, этот метод был адаптирован социальной и культурной антропологией, а также этносоциологией (К. Гирц¹, Страусс-Корбин²).

Этот метод сбора полевой информации, конечно, весьма трудоёмок с точки зрения времени (каждое интервью длилось 1,5 часа и более). Во время таких интервью в Лаголово сильно уставали и

¹ Geertz C. Thick Description: Toward an Interpretative Theory of Culture // The Interpretation of Cultures. NY.: Basic Books. 1973. – P. 5.

² Стросс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: УРСС, 2001, - 210 с.

информаторы, и сами исследователи. Их усталость была вызвана неизбежными яркими эмоциональными переживаниями, которые испытывали респонденты, рассказывавшие нам историю своей жизни, вспоминая о своем детстве, дорогих, но давно ушедших людях, описывая атмосферу и социальную среду их жизни, а также свои, часто, сокровенные чувства и переживания, связанные с этой средой. Респонденты погружались в воспоминания о пережитом, о прошлой жизни. Как мы слышали, эта жизнь не всегда была радужной. Наши респонденты вспоминали о своих любимых, но давно умерших родственниках, о своих жизненных неудачах, испытанных по вине властей несправедливостях и потерях, «ворошили прошлое». Чем больше мы разговаривали с жителями Лаголово, тем более ясным становился факт того, что образ места жительства в представлениях людей обладает большой символической и "переживательной" нагрузкой.

Слушая наших респондентов, мы всё отчетливее понимали, что на практике, переживание родной земли, конечно же, не может быть ограничено возможностями литературы и изящных искусств (живописи, скульптуры, архитектуры, музыки и т.п.), т.е. передачей ландшафта в пределах видимости и слышимости. Литература позволяет отображать не только культурный ландшафт, его социальные обертоны, но и их связь с географическим ареалом конкретных социальных общностей. Об этом свидетельствуют памятники литературной мысли (например, произведения Марселя Пруста, Валентина Распутина, Константина Паустовского). Яркие свидетельства переживаний родной земли до нас донесли произведения живописи (картины И.И. Левитана, И.И. Шишкина, А.И. Куинджи). Как показал анализ произведений мировой литературы и живописи, одной из таких символических констант, в которой нашёл выражение образ места жительства, является образ Родины-матери. В 2015 г. РОМИР провёл масштабное исследование ассоциаций россиян с образом Родины³. Когнитивно-интегративные и мобилизационные функции образа Родины-Матери изучались социологом Т.Б. Рябовой⁴. Оказалось, что мировая литература, изящные искусства, исследования социологов в широком смысле, отражая образы места жительства людей (родной деревни, родного города), могут рассматриваться как коннотации образа Родины-матери.

Интерес к изучению социальных и культурных пространств в истории гуманитарной науки то возникал, то угасал, в зависимости от вызовов времени. Одним из первых, кто указал на коммуникативную

³ Опрос ФОМ: Мнение россиян о культурной политике (2016) // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL <http://fom.ru/Kultura-i-dosug/12148> (дата обращения - 09 05 2017).

⁴ Рябова Т.Б., У.К. Мутаев, Ю.М. Карушева. «Родина-мать» в символической политике современной России глазами россиян // Женщина в российском обществе, 2016 №4 (81), с. 31-42.

природу пространства, был математик Г. Лейбниц. Он понимал пространство релятивистки, т.е. как систему расположения объектов (в том числе людей и социумов), которые они образуют, увязанную с системой отношений между этими объектами. Он писал: «Я полагаю, что пространство – это порядок сосуществования. Пространство, вообще, ничто без тел, но оно есть возможность их размещения...»⁵.

Таким образом, метод нарративного интервью позволил нам не только получить информацию об образах Лаголово в представлениях наших респондентов, но описать лаголовское общество. В ходе интервью мы становились невольными соучастниками/со-творцами процесса формирования образа своего поселения нашими респондентами. Вопросы исследовательского гайда стимулировали их к более вдумчивому осмыслению не только окружающей их повседневности, но и фактов и событий своей личной истории, истории семьи, но и их коллективной истории, и как жителей Лаголово, и как населения РФ.

Мы также выяснили, что для отечественного опыта изучения представлений древнего, так и современного населения социокультурных ландшафтов обжитых территорий наиболее типичными являются исторический, историко-культурный, историко-религиозный и историко-политологический подходы. В зарубежном опыте изучения этой проблематики важными являются историко-философский, исторический, а также социологический подходы. Именно в рамках последнего (социологического) подхода, предложенного ещё в первой половине XX века теоретиками Чикагской социологической школы, получила развитие методология социокультурного исследования обжитых пространств, включая городские, сельские, а затем и историко-культурные среды. Для отечественной науки изучение сакрального ландшафта, как разновидности культурной (обжитой, духовно освоенной современным человеком) среды, со временем приобрело более символический и гуманитарный характер, чем за рубежом.

Каждый из наших респондентов был по-своему уникален. Но все вместе для нас они составляли некий гомогенный общественный организм, единое Лаголовское сообщество. Поэтому у нас возникали следующие вопросы. Есть у этого общества свои конкретные черты и особенности? Можем ли мы говорить о лаголовцах, например, также как о петербуржцах, москвичах, гатчинцах, лужанах (жителях города Луга)? Судя по нашим полевым данным, да. Дать утвердительный ответ на этот вопрос мы можем, исходя из следующих соображений.

⁵ Цит по: Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211856626/1_2_2.pdf (дата обращения 10 08 2017).

Во-первых, Лаголово – это самостоятельная территориально-административная единица, а именно: поселение в Ленинградской области. В наш век Интернета, ускоренной мобильности и интенсивных миграций ясно видно, что на Северо-западе РФ сохранилось различия между городским (например, жители Санкт-Петербурга) и сельскими жителями Ленинградской области. Несмотря на свою территориальную близость к Санкт-Петербургу (от знака, отделяющего Ленинградскую область и Санкт-Петербургу до Лаголово всего 1,5 км.), лаголовцы считают себя сельскими жителями, а само Лаголово, чаще всего, именуют деревней.

Во-вторых, наличие «чувственных мостков», которые объединяют группу – это, в большей степени, рукотворный социальный феномен⁶. Один из видов «чувственных мостков» налаживает местная Лаголовская администрация. Так, местная администрация прикладывает усилия для сплочения населения современного Лаголово. Если кто-то полагает, что общество складывается и существует само собой, что никто не организует его жизнь, то это явное заблуждение. Коллективное чувство «мы-лаголовцы» – рукотворный социальный феномен. Для того, чтобы сплотить местное Лаголовское сообщество муниципальная Администрация прилагает усилия. Одним из механизмов, которые Администрация использует для формирования Лаголовского сообщества, является система ритуальных практик. Такими ритуальными практиками являются общие для всех жителей села традиционные русские народные праздники. Одним из них стал традиционный для Лаголово праздник Масленицы. Масленицу в Лаголово отмечали ещё в советское время. Праздник был яркий, запоминающийся. В нём принимали участие и стар, и млад. Для детей работники местного конезавода устраивали для детворы катания на санях по деревне. В гривы лошадей вплетали яркие ленты, дуги упряжи украшали цветами и бубенцами. Сегодня Масленицу в Лаголово празднуют также громко. Торжества ежегодно проводятся на площади у Дома культуры (Рис. 1 а, б). Другим таким праздником в 1970-е годы стало 9-ое мая (Рис. 2 а,б). 9-ое мая отмечается в Лаголово с особым размахом, церемония праздника хорошо продумана организаторами, Администрация привлекает к участию в празднике жителей поселения всех возрастов.

⁶ Власюк Г.В. Чувства и эмоции как основа технологий управления взаимодействием // Национальная безопасность, 2(25) 2013.С.357-370 ; Simmel G. SoziologiedesRaumes // GeorgSimmelGesamtausgabe. Bd. 7 / Hrsgg. v. Rüdiger Kramme, Angela Rammstedt und Otthien Rammstedt. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995. S. 132-183.

Рис. 1 а,б. Праздник масленицы на площади у Дома культуры. (фото из архива школьного музея, Лаголово, 2018 год)

Рис. 2 а,б. Праздник масленицы на площади у Дома культуры. (фото из архива школьного музея, Лаголово, 2018 год)

Почему так важны коллективные ритуалы для формирования Лаголовского сообщества? На этот вопрос мы не получили ответа ни у наших респондентов, ни у представителей Лаголовской Администрации. Тем не менее, мы поняли, что на интуитивном уровне все эти люди ощущают то, что называется «Flow-effect»⁷ (в психологии – потоковое сознание) после проведения таких мероприятий. Суть этого эффекта в том, что у участников мероприятия возникают объединяющие их ясные цели, происходит концентрация коллективного сознания, возникает ощущение контроля над жизненной ситуацией и т.п. Социальные психологи, обосновывая «Flow-effect», указывали, что члены группы по окончании какой-то совместной деятельности (работы, учёбы, праздника) не зависимо от того, с каким чувством (позитив/негатив) они относились к этой деятельности, неизбежно устанавливают отношения доверия друг к другу. Особенно сильным чувство сплоченности оказывается у членов группы, которые, например, в момент праздника пережили положительные эмоции. Поэтому, все праздничные ритуалы, проводимые при поддержке Администрации около Дома культуры,

⁷ Чикесентмихайи М. Эволюция личности. Москва: Альпина-нон-фикшен.2013. – 420 с.

носят ярко выраженный социализирующий, сплывающий характер. Именно они позволяют жителям сориентироваться в социальном времени и пространстве с учётом исторических координат.

Другой тип «чувственных мостков», связывающих членов Лаголовского сообщества, формируется благодаря такому фактору глобализации как Интернет, а именно: группе лаголовцев «В контакте». Этот сетевой ресурс возник сравнительно недавно. Он сегодня объединяет социально активных членов Лаголовского сообщества и их друзей. В основном, это молодые жители Лаголово, которые живо откликаются за злободневные темы не только постами, но и реальными делами. Например, они готовы активно деньгами помочь другу, чтобы вылечить заблещую собаку. Интернет для лаголовцев сегодня – это пространство дискуссии, где встречаются разные мнения, открыто высказываются суждения, осуществляется конъюнктурная борьба представителей сторонников современной Лаголовской Администрации и её противников в политической, социальной и экономических областях жизни поселения.

В-третьих, существует культура Лаголовского поселения, которая является производным от статусных позиций её носителей. Большинство наших респондентов полагают, что современное Лаголово – это посёлок с молодым населением представителей среднего класса. При этом многие лаголовцы работают в Красном селе или Санкт-Петербурге, т.е. тесно соприкасаются с городской культурой. Жители посёлка не связаны с сельским хозяйством, а их приусадебные огородики сегодня – это некий рудимент бывшей сельскохозяйственной культуры, превращенный в зону развлечения, рекреации. Огородики уже не пространство, где выращивают пищевые ресурсы семьи. Можем ли мы на основании проведенных наблюдений выявить и описать особые признаки лаголовской субкультуры: язык общения, манеру поведения, одежду? Скорее да, чем нет. По своему облику манера поведения и язык общения лаголовцев более напоминает субкультуру деревень российской глубинки с их специфическим говором, манерой держаться, оценивать окружающую реальность, реагировать на жизненные ситуации. Эти деревни лежали в Ловозерском районе Ленинградской области, Тульской, Оренбургской областях России, а также в местах старофинских поселений Ленинградской области. Одеваются лаголовцы так же, как и все современные жители Ленинградской области и Санкт-Петербурга. Никаких специфических различий нет. У лаголовцев немного более прост язык повседневного общения, чем у жителей Санкт-Петербурга, спокойнее и ровнее интонирование речи. В ровных интонациях чувствует раздолье окружающих Лаголово бывших колхозных полей. Иными словами, культура Лаголовского поселения отличается смешанной этнокультурной традицией, облик

которой ещё не устоялся. Каждый из наших респондентов несет в речи, способе самопрезентации, манере держаться, гастрономических предпочтениях, стиле одежды отпечаток той части России, в которой жили его предки, где он сам прожил большую часть своей жизни, откуда приехал в Лаголово. Возникает вопрос, в какого рода культурный капитал может превратиться в ближайшем и отдаленном будущем эта смешанная, ещё не устоявшаяся традиция Лаголовского поселения в условиях рыночных отношений? Скорее всего, в будущем это будет стереотипизированная, унифицированная культурная традиция, максимально приближенная к городскому типу.

Сегодня актуальность осмысления условий самоподдержания вмещающим населением социокультурного ландшафта северо-запада РФ в условиях ускорения глобальных процессов встает очень остро. С проблемой самоподдержания существования социокультурного ландшафта связано несколько важных вопросов. Одним из них является вопрос наследования территории, т.е. наследования народом своего места под солнцем и места в социальном пространстве. Например, для французского социолога П. Бурдьё важнейшим механизмом наследования «места» стал габитус как способ сохранения социального, символического и культурного капиталов, накопленных предыдущими поколениями. Другим является вопрос о механизмах воспроизводства и трансформации социальных порядков в условиях глобального мира. Третий важный вопрос самоподдержания и развития социокультурных ландшафтов – это образ обжитой территории, места жительства людей. Этот образ базируется на моделях разного типа: от географической (территориальной, климатической, рельефной) до символической модели самоощущения человека.

Пространство обжитых территорий (городских, сельских, деревенских) обустроено таким образом, что опытный взгляд всегда может увидеть в дизайне ойкумены тенденции деятельности людей его населяющих. О функциональной иерархии этих тенденций говорят особенности зонирования территории (разделение на производственные, властно-административные, сакральные районы), планировка застройки, архитектурный дизайн зданий. Архитекторы давно заметили, что по своим функциональным особенностям пространства больших городов отличаются от пространств малых городских центров, или сёл и деревень. Но, главное, что отличает большие и малые города, села и деревни друг от друга – это значимые места, определяющие их символику. Именно эти места передают ощущения жителей, формируют в их сознании образ места

жительства. Одним из первых на эту особенность ойкумены обратил внимание немецкий социолог Георг Зиммель⁸.

Понятие пространства – одно из самых фундаментальных в сознании людей. За всю историю Человечества сформировалось его понимание через такие системы категорий, как время, рельеф, климат, социальность, культура, сакральность, символизм и т.п. Пространство дано людям в их ощущениях. Но именно через ощущения пространство, как географической, так и социальной реальности, человек начинает понимать своё бытие. Поэтому пространство всегда наполнено смыслами. Например, художественные образы места – это продукты особо натренированного художественного сознания. Образы регионов, городов и селений, созданные социологами – это когнитивные модели окружающей реальности. Образы места жительства, сформированные обычными людьми, т.е. населением этих мест жительства, чаще всего реализуются в форме смысловых символических конструктов.

Почему так важно изучать образы места жительства, отраженные сознанием горожан и сельчан? Во-первых, это важно, потому, что существует связь прошлого, настоящего и будущего. Моделируя образ места жительства, наши респонденты невольно задумывались о своем самоопределении и своей практической деятельности по «обустройству» своего национального и глобального завтра. В этом образе места жительства наши респонденты мобилизовывали опыт прошлого и ожидание будущего. Образ места жительства как сложный ментальный конструкт символического типа организовывал для них пространства двух субстанций бытия: времени (прошлого, настоящего и будущего) и пространства (географического, социального, духовного).

Во-вторых, это важно потому, что создание образов места – это трудная, но плодотворная работа для сознания любого человека, как поэта, писателя, художника, философа, политика, так и для обывателя. Это работа обыденного сознания по символическому осмыслению целой системы пространств (географического, духовного, социального, экономического, историко-культурного). Цель такой работы – борьба с состоянием неосознанности происходящего, т.е. с важнейшей характеристической чертой эпохи пост-постмодерна и, сопровождающей её, глобализации.

Наше исследование достигло цели по всем трём, поставленным нами в начале направлениям.

Мы выяснили, что для жителей Лаголово ***одним из наиболее приемлемых способов ментального картографирования места***

⁸ Зиммель Г. «Социология пространства», «Пространственные проекции социальных форм» и др.

жительства, а именно, формирования образа социокультурного ландшафта территории проживания, был функциональный, т.е. способ осмысления окружающего пространства как хозяйственного, экономического ландшафта. Иными словами, ландшафта «культурного». Территория Лаголово ментально картографировалась ими с точки зрения их хозяйственно-организаторской деятельности. Лаголовская земля была для респондентов плодом их деятельности, а также деятельности их предшественников. Не удивительно, что преобладающими характеристиками ландшафта поселения для наших респондентов являются хозяйственные, географические, сформированные ещё сельскими ландшафтами Невского края XIX века. Это и понятно, т.к. по своему типу ландшафт Лаголовского поселения относится к развивающемуся виду. На протяжении 1930-1990-х годов ландшафты Центральной и Северной России такого типа претерпели мощные изменения. Разные виды исследований, включая археологические, природно-охранные и историко-культурно охраняемые, которые проводились на Севере России, в Ломоносовском районе показали, что существующие ландшафты на значительных пространствах сохранили видовой состав лесов, контуры угодий, структуру дорожной сети и многие другие характеристики, сформировавшиеся на протяжении XVII–XIX веков⁹.

Анализируя представления лаголовцев о родном селе, мы поняли, что каждая часть социального пространства Лаголово по-особому переживается жителями, все части этого пространства прочувствованы и эмоционально оценены ими. Это могут быть моральные оценки по шкале «хорошее/плохое», «доброе/злое». Могут быть оценки, сконструированные на основе посветового восприятия, ранжируемые по шкале «светлое/тёмное». Кроме того, наши респонденты при описании территории Лаголовского поселения часто использовали функциональные понятия «зона отдыха/зона работы». Граница между зонами формируется в сознании респондентов социальным способом, на основании принципа значимости и влияния. Поэтому граница, это для лаголовцев – социологический факт, формируемый пространственно. Социальное пространство реализует своё бытие в нескольких пространственных формах. Эти формы организации социального пространства Лаголовского поселения отражаются в планировке сельского рельефа. Они воспринимаются жителями как естественные, трудно рефлекслируемые. Они самоочевидны для членов Лаголовского общества. Неудивительно, что большинство наших респондентов затруднялись описывать территорию Лаголовского поселения. Для наших респондентов характеристики социального пространства современного Лаголово

⁹ Чернов С.З. Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение и семантика // <https://yandex.ru/search/?text> (дата обращения 23.05.2017)

изменились, по сравнению с советским временем. Изменению подверглась такая его характеристика как близость/дистанционность. Респонденты, которые вспоминали советское время с тёплым чувством, описывали нам социальное пространство поселения как близкое, дружественное, тесно сплоченное. Все респонденты по лестничной клетке знали друг друга, с каждым из встреченных на улице односельчан можно было поговорить по душам. Сейчас дистанция социальной коммуникации увеличилась, приехало много новых людей, появились «гастарбайтеры», которые живут своей собственной замкнутой жизнью, выросла молодёжь, сконцентрированная на мире персональных девайсов. Социальное пространство Лаголово становится более дистанцированным, беспристрастным, отчуждённым, обезличенным, стереотипизированным, всё более и более похожим на городское. Респонденты, которые живут в частных домах, удовлетворенно рассказывали нам о своих возможностях установить физическую дистанцию от вещей и людей, стесняющих их быт или живущих скученно в многоквартирных домах, тех же Лаголовских пятиэтажках. Скученность для этих респондентов – это неприемлемая манера жить, путём захвата воспринимаемого пространства (визуального, аудио, ольфакторного или любого другого др.) через столкновение с соседями, которых они не воспринимают дружелюбно. Эти респонденты считают себя людьми финансово успешными, а тех, кто живет в многоквартирных домах – менее успешными или просто неудачниками. Как тут не вспомнить идею Г. Зиммеля, развитую П. Бурдьё о социальной дистанции: ничто не бывает так невыносимо, как социально далёкие друг другу люди, которые оказываются рядом в физическом пространстве. Защитным механизмом от ужасного «Чужого» может стать большой парк, обширная квартира, собственный дом. Некоторые социальные пространства требуют от людей специального культурного, финансового и социального капитала. В городах такими пространствами являются клубы. В Лаголово тоже есть такие социальные пространства, вход в которые обеспечен культурным капиталом – это секции, кружки в Доме культуры, спортивная и музыкальная школы для детей. Но есть и пространства, которые ориентированы на поддержание естественных хозяйственных укладов, пока ещё сохраняющиеся перед лицом надвигающихся перемен глобального развития. Это частные огородики, расположенные по дороге к Птицефабрике. Сейчас на этих огородиках уже не выращивают в «промышленных объемах» картофель – продукт питания, поддерживавший жизнь многих семей в лихие 1990-е. Но в небольших парниках спеют помидоры и огурцы, а на грядках разводят цветы. Сегодня никто из владельцев этих кусочков земли, как утверждали наши респонденты, не собирается их

покидать: столь сильна их кровная тяга не столько к земле, сколько к рекреации, работе в своё удовольствие на открытом воздухе. Так мы выяснили, что одной из первостепенных форм организации социального пространства, т.е. ментального картографирования для наших респондентов оказался способ экономической и хозяйственной организации жизни общества. Поэтому многие наши респонденты начинали описывать территорию Лаголово с Птицефабрики, как бы вспоминая её градообразующую роль в светское время. Этот способ описания социального пространства вырисовывал системы ценностей и нормы представителей Лаголовского общества советской и современной эпох. Судя по логике этих описаний, труд и его ценность были весьма значимы для жителей Лаголово в Советское время. Сейчас ценность труда ушла из сознания наших респондентов, уступив место ценностям сытой, спокойной, не ориентированной на достижения жизни. Только в сознании некоторых респондентов, из числа тех, кто называл себя «советскими людьми», сохранились представления о том, что наша молодёжь готова, перефразируя стихотворение М. Светлова: «...хату оставить, пойти воевать, чтобы землю в Гранаде крестьянам отдать»¹⁰. При этом, респонденты добавляли: «...Они обязательно пойдут, если надо будет», не уточняя, кому и когда надо будет. Для сравнения: ни один из представителей молодого поколения из числа наших респондентов готовности «хату оставить...» не выразил.

Особой формой социального пространства является так называемое пустое или нейтральное пространство. Для наших респондентов «пустой» оказалась ничейная земля яблоневого сада, земли распаханых полей между Лаголово и городом, частью которого постепенно становится Красное Село. Символическими формулами, выражающими функциональное восприятие ментальной карты места жительства, которые воспроизводили смыслы образа места – Лаголовского поселения – для наших респондентов стали элементы географического ландшафта: «поле», «лужа», «граница с Санкт-Петербургом», а также системы функциональных ориентиров: пределы производственных и обжитых зон поселения (промзона, зона отдыха, жилая зона). Символическими формулами, которые выражали эмоциональную привязанность жителей Лаголово к месту жительства, стали понятия «малая родина», «яблоневый сад», «спокойствие», «уют». Оказалось, что чувство Родины, уютного, спокойного Лаголово, как самого прекрасного места на земле складывается не из таких компонентов, как название поселения и его изменения во времени, богатых ресурсных баз: рельеф, климат, природные красоты. Он складывается даже не из славной военной истории места

¹⁰ Светлов М. Гранада (1926) // <http://rupoem.ru/svetlov/my-exali-shagom.aspx> (дата обращения 25.07.2017)

жительства или столь плохо известной респондентам древней истории водско-ижроской автохтонной культуры с её материальным и нематериальным наследием. Чувство Родины у лаголовцев формируется совсем из других компонентов. Такими компонентами респонденты называли «хороший детсад», «любимую школу», «уют», «спокойствие», «запахи скошенной травы», «советское детство» и свою память о «дружной семье», которая распространялась на соседей по лестничной клетке, по улице, т.е. то самое человеческое, душевное, приватное чувство, которого сегодня лишены жители большого города.

В высказываниях респондентов просматривался ещё один способ ментального картографирования территории, связанный с социологическим понятием «граница». Этот способ ментального картографирования в высказываниях респондентов высвечивал для нас иерархию лаголовских социальных структур. Социальная организация – это модель отношений подчинения/доминирования, которая воспроизводится в пространственной организации обжитой конкретной группой людей территорией. Социальные структуры поселения – это фиксированные локальности (социальные кластеры, которые локализуются в Лаголово на уровне семьи, Дома культуры, детского сада, школы, библиотеки, Администрации, Птицефабрики с расположенными на её территории фирмами). В высказываниях респондентов иерархия этих структур выстраивалась следующим образом. На первом месте располагался социальный кластер Дома культуры (директор, руководители кружков и секций, посетители), на втором – семейные кластеры, к которым принадлежали респонденты, на третьем – школа, Администрация, детский сад.

С точки зрения символического подхода к ментальному картографированию обжитого пространства, образы Лаголово, описанные нашими респондентами, вполне укладываются в схему модели мира, свойственную мифологическому сознанию. В моделях такого типа обязательно присутствуют такие элементы, как центр мира и расположенный рядом с ним жертвенник. Таким «центром мира» для лаголовцев оказался Дом культуры, а роль жертвенника выполняет памятная доска в честь защитников Ленинграда во время ВОВ. Типичная мифологическая модель мира, т.е. освоенного человеком, окультуренного пространства, всегда имеет такой важный символический центральный элемент как Мировая гора. В Лаголово аллоформой Мировой горы является Птицефабрика – символ созидательного труда советской эпохи. Птицефабрика воспринималась нашими респондентами как символ трудовой славы советской эпохи. В индоевропейской мифологии, рядом с центром мира, у подножия мировой горы, обязательно должен располагаться священный источник. Так, рядом с храмом, в старину, обычно,

находился колодец с чистой водой. Сегодня только легенды сохранили упоминание о таком колодце с родниковой водой, который когда-то находился рядом со старой часовней.

Вторым способом ментального картографирования обжитого пространства, который выбирали лаголовцы, был позитивно-романтический. Суть этого способа заключается в репрезентации ими своей эмоциональной привязанности к территории проживания.

На **третьем** месте оказался способ исторического ментального картографирования, т.е. определения территории проживания путём выявления значимых для жителей Лаголово маркёров, определявших важные исторические вехи развития поселения. Несмотря на то, что большинство респондентов, отвечая на вопрос о том: **«Какими ресурсами обладает ваше поселение?»** и на вопрос о том, **«Что бы в Лаголово вы бы могли показать туристам?»**, говорили, что ничего примечательного в Лаголово нет, часть респондентов указала в качестве исторических ресурсов здания советской эпохи: строения Птицефабрики, дом Раски, где была первая школа, место первого клуба, а также памятники, связанные с историей ВОВ. Критический и негативный способы ментального картографирования территории поселения нашими респондентами, а также непрезентабельные образы Лаголово (лужа, болото, грязь) указывали на их способность объективно оценивать плюсы и минусы места жительства.

Второй задачей нашего исследования было выяснение особенностей исторической памяти лаголовцев. Мы выяснили, что, увы, объем исторической памяти респондентов невелик. Так, в качестве наиболее архаического ресурса территории они называли каменоломни около дер. Телези (Приложение № 3. Рис. 3), остатки мощеной дороги петровской эпохи, расположенной поблизости (Нарвский тракт). Кроме того, наиболее территориально близкими к Лаголово историческими памятниками для респондентов стали: упоминавшийся ими ДОТ, камень в память войны 1812 года, старая церковь на перекрёстке, дом Раски (старая школа/клуб). Никаких сведений о святых или почитаемых местах допетровского времени, тем более почитаемых местах и местах, принадлежащих к культуре води и ижор, а также об обрядности, с ними связанной, у наших респондентов не сохранилось. Интенсивные миграции населения в середине XX-ого века, вызванные политическими, экономическими процессами, привели к коренным изменениям этнической карты региона и культурной мутации. Архаический пласт идей, связанный с культурой води и ижор сегодня — это, с одной стороны, область интересов археологов и историков, а, с другой стороны — реконструкторов разных направлений (от эзотериков до игровых реконструкторов и создателей разного типа маркёров ушедших

архаических культурных и исторических ландшафтов)¹¹. Поэтому, мы вынуждены констатировать, что объем исторической памяти и её глубина у наших респондентов оставляют желать лучшего. Недостаточная глубина и широта исторической памяти наших респондентов связана с общим уровнем их образования и ширитой кругозора. Например, наибольшее затруднение у них вызывали ответы на наши вопросы о том, что они понимают под понятием «культура» и «глобализация». Культура для абсолютного большинства наших респондентов – это местный Дом Культуры, а «глобализация» – это, в лучшем случае, что-то «глобальное, большое». Большинство респондентов вообще старались уклониться от ответа на этот вопрос. Глубина исторической памяти наших респондентов незначительна: минимальная граница исторической памяти – советский период, максимальная – эпоха Петра Первого. Для 26% наших респондентов характеристикой образа Лаголово стало понятие «Малая родина», для 19% – «спокойствие и уют». Для 48% респондентов образ Лаголово включил такие понятия как «деревня», «село», «рабочий посёлок», «поле», «болото», «лужа», «граница», т.е. совокупность хозяйственных, административно-экономических и географических характеристик. Никаких реминисценций исторического или историко-ономастического плана в описаниях образа поселения не наблюдалось. На этом основании мы можем заключить, что общество Лаголовского поселения относится к типу молодых, не развитых в плане исторического сознания социумов, ориентированных на перспективу урбанистической трансформации. Приступая к исследованию, мы полагали, что наши вопросы о том, как респонденты видят лаголовскую территорию, и о том, что они знают об истории поселения помогут им в конструировании образа Лаголово. Мы также полагали, что их знания о происхождении названия поселения дополнят этот образ. В результате мы выяснили, что часть наших респондентов была уверена в том, что название поселения не менялось с течением времени, в то время как на самом

¹¹ Эта тема была рассмотрена нами специально в ряде публикаций: Окладникова Е.А. Эволюционные особенности социокультурного Ландшафта ленинградской области: признаки архаизации // Биосфера, № 17,Т.9, 2018, с. 306-318; Окладникова Е.А. Символические смыслы этнокультурных ландшафтов Санкт-Петербурга и юга Ленинградской области// XII конгресс антропологов и этнологов России: миссия антропологии и этнологии, Ижевск, 3-6 июля, 2017.с. 497; Окладникова Е.А. Образ малой родины глазами жителей ленинградской области: случай Лаголово // Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты. V социологический форум, Тюмень, 2017, Тюмень, с. 216-217; Окладникова Е.А. Образ времени в общественном сознании сельских жителей ленинградской области// История повседневности. Научный журнал. №3 (5) СПб. 2017, с. 66-80.

деле название Лаголово претерпевало многочисленные изменения. Нам удалось выявить, что в толковании названия Лаголовского поселения наши респонденты использовали этнолингвистический подход. Один аспект толкования этого названия предполагает водские (финно-угорские) истоки названия поселения, второй – финское, восходящее к периоду шведского протектората. При этом большинство наших респондентов придерживаются версии русского происхождения названия Лаголово, определяя его как старорусское, и возводя его к слову «лог». Вероятно, выбор точки зрения на происхождение этимологии названия Лаголово нашими респондентами латентно высвечивает их этническую самоидентификацию. При этом у жителей Лаголово полностью отсутствуют такие символические аспекты описания ландшафта Лаголово и связанные с ними подходы к осмыслению образа места жительства, как *ментальный* (связанный с именем какой-то знаменитой личности или превопоселенца). Также, в их восприятии лаголовского ландшафта отсутствует *артефактный* подход. Например, во время наших исследований по аналогичному гайду в Санкт-Петербурге в 2014-2015 годах, горожане ассоциировали образ своего города с корабликом шпиля Адмиралтейства, драгоценным ларцом, белой птицей и т.п. И, как выяснилось в ходе интервью, лаголовцам оказался совершенно чужд *мистический* подход к описанию образа села. Никто из респондентов не связал образ Лаголово ни с одной местной легендой, преданием, сказкой, быличкой. В тоже время, наши исследования образа места в Санкт-Петербурге (2014-2015) показали, что артефактный и мистический подходы к описанию места жительства весьма характерны для горожан. Эти же исследования 2014-2015 гг. показали, что артефактный, мистический подходы к описанию места жительства чужды населению сельских районов Ленинградской области. Верность наших предшествующих наблюдений подтвердил наш Лаголовский проект.

Это наблюдение подводит нас к необходимости сделать следующий важный вывод. При всей важности экономической модели существования и развития социума, как базисного элемента его существования, гораздо большую роль в формировании образа будущего для людей имеет модель самоощущения человека. Именно эта модель оказалась преимущественно выраженной в образе Лаголово, который на наших глазах конструировали респонденты. При этом они не были склонны искать казуальные связи между положительным самоощущением и, либо успехами, либо неудачами в экономической, хозяйственной, социальной и культурной сферах жизни Лаголовского общества. Создавая образ своего поселения,

лаголовцы стремились описывать его с помощью таких понятий как «уют», «спокойствие», «тепло», «тишина», «душевный комфорт».

Крейцер А.В.

РГПУ им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург

ФЕНОМЕН ПЕТЕРБУРГА И ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВПАДИНА ПРИНЕВСКОЙ НИЗМЕННОСТИ

Аннотация. Статья акцентирует факт расположения Петербурга в геологической впадине Приневской низменности, самой западной ее точке. В качестве примеров связи пребывания Петербурга в природно-геологической впадине и культуры города рассматриваются его типологическое соотношение с Новгородом, эпизод из петербургской жизни Н.В. Гоголя, взаимообусловленность православной практики (и учения) исихазма (священно-безмолвия) и особого местоположения Петербурга.

Ключевые слова: геологическая впадина Приневской низменности, впадина Петербурга, запад, восток, Петербург, Новгород, Поклонная гора, Гоголь, культура, духовность, исихазм.

Общеизвестно, что Петербург находится на двух самых низких ступенях дна Приневской впадины, или низменности, в самой западной ее части.

В начале XX века Н.П. Анциферов разделял мнение Б.Е. Райкова [1] о том, что «горизонтальная линия, протянутая над городом от известняков Царского Села на Парголово, прошла бы высоко над крышами петербургских домов» [2] и, как и Райков, считал, что если усилием фантазии восстановить размытые породы и заполнить ими впадину невской долины, Петербург будет погребен под ними, не исключая и креста Исаакиевского собора, который в данную минуту возвышается над городом.

Но вопрос о нахождении Петербурга в самом низком месте Приневской геологической впадины почему-то не акцентируется в большинстве трудов по географии и культуре города как XX века, так и XXI-го, а поднимается лишь в отдельных краеведческих

изысканиях. Так в одной из своих статей Герман Гоппе пишет: «Вспомним, какая труднейшая задача стояла перед петербургскими зодчими. Ведь растущей столице предназначалась не просто унылая равнина. Она лежала в глубокой Приневской впадине. Настолько глубокой, что, если бы море возвратилось к своим древним берегам, один только ангел, венчающий Петропавловку, выглядывал бы из воды, да и то только в безветренную погоду. Что создатели города могли противопоставить этому? Конечно, улетающие в небо колокольни, стремящиеся ввысь шпили и купола. Изумительно точно расположенные, перекликающиеся друг с другом, вертикали поднимали город, решительно изменяя ландшафт» [3]. Надо подчеркнуть, что если Петербург располагается на двух самых низких ступенях дна впадины, на западе той части этого дна, которая занята Невской губой, также пребывающей на западе, то и течение большей части петербургских рек направлено на запад. Запад – закат, низ, земля, в сакральном понимании – ад. Тогда как восток – восход, верх, небо, рай. И связь Петербурга с западом и землей может преодолеваться только устремленностью города и горожан ввысь против течения рек и вместе с тем – хода времени. Балтийская вода во время наводнений потому и входит в городские реки, поворачивая их течение вспять, что циклону, идущему с Балтийского моря, помогает пребывание города в низине, т. е. впадине на Приневской низменности. Описанный нами рельеф города способствует решению загадки Петербурга, раскрытию тайны рождения его нового Слова, неотрывной от преодоления пространства и времени.

Парадокс заключается в том, что западу, а значит земному низу, свойственно возносится в гордыне ввысь. Так Рим, как и многие западные города, стоит на холме. Петербург же, восточный город, тяготеющий, таким образом, к небу и верху, построен на дне геологической впадины. Возведение города на вершине несомненно говорит о гордыне запада и земли, воображающих себя востоком и небом. Созидание города в земном низу может свидетельствовать о смирении востока и верха, готовых в этом смирении стать западом и низом, а потому способных вознестись снизу вверх – к небу, истинному, а не воображаемому в гордыне. Для петербургского востока открывается Путь к небу, так как восток движется с запада к самому себе. Для запада, возмнившего себя востоком, Путь к небу и востоку закрывается. Так геологическая впадина Петербурга обретает духовный смысл. И с ним обретает особое духовное значение сопоставление в координатах «запад–восток», «низ–верх», «земля–небо» культур Петербурга и Рима как Рима северного и южного, т. е. скорее восточного и западного. А в рамках такого сопоставления обнаруживает себя главное отличие классического Петербурга от

Рима: от западных античных форм классицизма и барокко в Петербурге исходит свет востока и неба.

Интересным может быть также сопоставление Санкт-Петербурга и Новгорода – двух городов на северо-западе России. Первый из них несомненно является преемником второго. Что же их связывает?

Нева, как и Волхов в Новгороде, – река Восточно-Европейской равнины. Великий Новгород возводился на Приильменской низменности и высоком холму на берегу Волхова, где стоит Детинец. Новгородский рельеф равнинный и всхолмленный. Но принадлежность города к вершине или низу, востоку или западу в рамках нашей концепции определяется в сравнении с Петербургом, стоящим на дне земной впадины. Относительно северного Рима город точно находится на вершине. И с этой горделивой вершины разгромленный Иваном Грозным Новгород падает в Петербург, чтобы воскреснуть в новой северной столице России и вознестись с петербургского дна к небесам – истинным, а не воображаемым, ибо низ открывает Путь к вершинам. А христианин – человек Пути, а не достигнутой цели. Ведь чтобы узреть Истину, надо пройти Путь, а не просто решить в гордыне, что ты стоишь у неба и прилагать усилия, чтобы закрепить и обосновать свое решение.

А вот еще один пример того, как можно учитывать пребывание города на дне геологической впадины при анализе явлений культуры. Петербургская Поклонная гора находится на Выборгской стороне, недалеко от Парголового и Шуваловского кладбищ. В геологической впадине между Поклонной горой (или Парголовской возвышенностью) и Пулковскими высотами строился наш город. С советских времен на вершине горы в реконструированной православной церкви Троицы находится молитвенный дом евангельских христиан-баптистов. Местность с живописными озерами и загородными деревянными домами уже почти утратила и продолжает терять свой облик в результате современного строительства, в том числе возведения станции метро «Озерки...»

По сообщению П.А. Кулиша, весной 1832 г. Н.В. Гоголь объявил, что едет в Малороссию и, действительно, совсем собрался в дорогу. Приходят к нему проститься и узнают, что он переехал на дачу. Н.Д. Белозерский посетил его там. Гоголь занимал отдельный домик с мезонином недалеко от Поклонной горы на даче Гинтера. – «Кто же у вас внизу живет?» – спросил гость. – «Низ я нанял другому жильцу», – отвечал Гоголь. – «Где же вы его поймали?» – «Он сам явился ко мне, по объявлению, в газетах. И еще какая странная случайность! Звонит ко мне какой-то господин. Отпирают. Вы публиковали в газетах об отдаче в наем половины дачи? – Публиковал. – Нельзя ли мне воспользоваться? – Очень рад.

Позвольте узнать вашу фамилию. – Половинкин. – Тотчас без торгу и порешили». Через несколько времени Белозерский опять посетил Гоголя на даче и нашел в ней одного Половинкина. Гоголь, вставши раз очень рано и увидев на термометре восемь градусов тепла, уехал в Малороссию, и с такою поспешностью, что не сделал даже никаких распоряжений касательно своего зимнего платья, оставленного в комод. Потом уже он писал из Малороссии к ... Белозерскому, чтоб он съездил к Половинкину и попросил его развесить платье на свежем воздухе. Белозерский отправился на дачу и нашел уже платье развешенным[4].

Кто был Половинкин, фамилия которого отразила смысл ситуации, возникшей в доме у Поклонной горы? Эта ситуация – не простая случайность, ибо подобного рода совпадения преследовали Гоголя всю жизнь. Кем был Половинкин не на окраине земного города – столицы Российской империи, а в мистическом инфра-Петербурге (невидимом телесными очами дьявольском Петербурге (термин Даниила Андреева; *infra* (лат.) – под, снизу)) или в Петербурге – небесном граде? Какая встреча произошла не здесь, а там, на дорогах странствий гоголевского духа? Ее отзвук лишь слабой тенью дошел до земли в виде курьезного случая, происшедшего очередной раз с Гоголем. То, что действие в весьма прозаическом контексте (наем дачи) развернулось скорее всего у подножия Поклонной горы, а не на ее вершине, – подсказывает: произошла встреча с вестником из инфра-Петербурга, представителем тех сил, которые принято именовать силами зла. Не они ли хотели приобрести у Гоголя половину души и половину его дачи – очередного петербургского дома писателя, и не от холодного ли дуновения ада бежал писатель из города в конце весны 1832 г.? Не символизировал ли оставляемый Николаем Васильевичем дом у Поклонной горы петербургский Дом как таковой, наполненный для Гоголя тьмой и светом поровну? Но пребывание русского писателя в доме у Поклонной горы, а не на ее верху, может подсказывать: для Гоголя был открыт путь к петербургскому свету, сияющему во всей полноте в выси города. Хотя писатель бежал от основания Поклонной горы, или Парголовой возвышенности, являющей собой северную вершину геологической впадины Петербурга, отнюдь не в ее высь, а на Украину.

Когда-то после неуспеха с поэмой молодости «Ганц Кюхельгартен» и ее сожжения Гоголь точно так же бежал из Петербурга, бывшего дном геологической впадины Приневской низменности, в Любек. А после холодного приема «Ревизора» петербургской публикой литератор устремился в Западную Европу и Рим, – чтобы оставить северный Рим навсегда. Побег от основания Поклонной горы следует рассматривать в контексте подобных

побегов, означавших капитуляцию Николая Васильевича перед петербургской тьмой. Это был отказ от ее преодоления, означающего устремление северной столицы к ее же небесному свету.

Получается, что низ Поклонной горы в Петербурге для описанного нами случая можно рассматривать как аналог и продолжение исторического центра города, пребывающего в низшей точке геологической впадины Приневской низины, где тьма и свет делят мир пополам и где холодно даже весной и летом. А общеизвестную связь Гоголя с пребывающим на холме Римом и любовь Николая Васильевича к нему легко отождествить с изменой писателя Петербургу. Ведь, как известно из петербургской жизни литератора, он так никогда не решился пойти на явный конфликт с петербургской тьмой, а бежал из нашего города без борьбы в пребывающий на холме Рим, т. е. своеобразный «уже достигнутый», «готовый» рай на вершине у неба.

Затем художник слова созерцал Россию из Рима. В нем он создавал поэму «Мертвые души», включая ее несостоявшееся продолжение, составлявшее второй и третий тома. И возможно эти тома не состоялись именно потому, что римская точка зрения на Россию и ее тогдашнюю столицу Петербург была продиктована гордыней мнимо достигнутого рая, а значит являлась ложной. Ведь правильность римского взгляда не была подтверждена прохождением писателем петербургского Крестного пути. Но не только Гоголь, но и сам северный Рим, в гоголевское время еще был не готов в полной мере к сопротивлению тьме. Главная часть исторического Крестного пути Петербурга, завершившаяся победным прорывом ленинградской блокады, была впереди. (См. о Крестном пути Петербурга, в частности, [5].) Была впереди высь нашего города.

Так можно трактовать связь гоголевского Петербурга и гоголевского Рима в координатах «верх–низ», перенося их на судьбу писателя. Но в этих координатах, диктуемых нахождением города в геологической впадине, существуют и многие другие явления духовной жизни северной столицы. Незадолго перед тем, как уйти с исторической сцены, Византия, Восточная Римская империя, подарила миру исихазм (священно-безмолвие) – восточнохристианские идею и практику предельного приближения к Богу посредством соединения с Его энергиями. Св. Григорий Палама, опиравшийся на опыт-монахов-исихастов, провозгласил, что божественная Сущность непостижима и непосредственно не соединяется с тварной природой души, однако Богу по природе присущи нетварные энергии, через которые и происходит единение человека и Бога и обожение человека. Восточное христианство немыслимо без учения св. Григория Паламы и исихазма. Исихазм – главное в православии как явления духовном, а не политическом.

Соединение с нетварными энергиями для священо-безмолвствующих имеет выражение в видении предвещающего свет Воскресения Фаворского света Преображения, излучаемого такими энергиями. Приближение к Богу в исихазме во многом равнозначно близости к Христову Воскресению, за светом которого таится непознаваемая Сущность Божества. Нетварные же энергии есть энергии Воскресения. Подобно Константинополю, Санкт-Петербург был столицей восточнохристианского государства и нес в себе как имперскую, так и исихастскую идею. Вместе с уходом столицы в Москву Петербург покинула имперская идея. А оттого стала более яркой, особенно в ленинградский период, исихастская – Фаворского света. Для выражения основы духа Петербурга, сути его Слова-Логоса подходит священо-безмолвие, так как оно есть духовное явление, постигающее христианский Логос, передающее его. Исихазм есть начало восточнохристианского индоевропейского духа. И в Петербурге – вселенском индоевропейском городе – древний исихазм, монашеская практика, известная с 4 в. н.э., выходит из келий отшельников в культуру, неотрывную от рода и рельефа, и охватывает весь христианский мир...

Одной из главных особенностей исихастского делания является спуск ума в сердце (см. например: [6],[7. С. 41–54],[8. С. 95–57] и др.), когда сердце преодолевает сопротивление сходящего в него ума и охватывает ум любовью. Затем единство ума и сердца поднимается вверх, приближаясь в «пресветлом мраке» к границе с божественной Сущностью. «Пресветлый», или «божественный мрак» – тот, в который погружался Моисей в ходе общения с Богом на Синае при получении скрижалей Завета. Взятое из Библии понятие «пресветлого мрака» у исихастов означает особое, возникающее в ходе созерцаний состояние предельно возможной близости с Богом. Хотя такая близость, конечно, не означает немислимое для человека в нынешнем творении полное слияние с Божеством. Результатом приближения к божественной Сущности может быть, например, видение белого, невещественного света нетварных энергий Христовых, который видели апостолы во время Преображения Христа на горе Фавор(см. о божественном свете: [7. С. 57–115, 189–266],[8. С. 131–140] и др.). Натолкнувшись на границу, отделяющую Сущность от творения, на непостижимость божественной Сущности, единство ума и сердца, озаренное светом нетварных энергий Христа–Троицы, божественного Слова, опускается вниз, в сердечную область, откуда начало свой подъем. И происходит рождение нового Слова. Оно осуществляется именно в области человеческого тела, сердца человека, а не над человеком, когда он видит и постигает свет нетварных энергий поднявшимся ввысь, к небу единством ума и сердца. Это рождение нового Логоса в человеке, в его духовном центре и центре его

кровообращения намекает на рождение нового духовного тела, сома пневматикон, о котором говорил апостол Павел как о человеческом теле будущего. Происходит обожение человека, приближающее его тело к новому духовному и нетленному.

Все эти процессы в человеческом духовном организме вполне можно рассматривать в координатах «запад–восток», когда отождествляется с западом низ человеческого существа, где находится старое, оторванное от ума сердце, в которое опускается ум и откуда он поднимается в единении с сердцем, чтобы потом сердце, соединенное с умом, спустилось вниз, а связывается с востоком верх, откуда сходит в сердце ум и куда восходит единство ума и сердца, затем опускающееся вновь в сердечную область. Но человек склонен проецировать свое духовное и физическое устройство на окружающий мир. В нашем случае речь идет о проекции взаимодействий верха и низа, востока и запада духовного существа человека на взаимодействия верха и низа, востока и запада геологической впадины Петербурга.

Хотя идущие от географии и геологии понятия петербургского востока и запада будут расширяться культурно-религиозным смыслом верха и низа, востока и запада в нашем городе, где восточные службы идут в западных по форме храмах. И зависимость северного Рима от запада и низа будет дополняться культурной связью с западом. А преодоление зависимости от запада окажется невозможным без помощи света Петербурга – восточно-христианского города. Если же исходить из того, что в общепринятом и справедливом, исторически и культурно оправданном понимании с западом отождествляется ум, рацио, а с востоком – душа, сердце, то зависимость Петербурга от запада как ума будет преодолеваться зависимостью от востока как сердца. Связь петербургского запада с умом, а востока – с сердцем помогает решить загадку рождения нового городского Слова исихастским способом, основанном на преодолении ума сердцем.

В стихотворении «Когда владыка ассирийский...», являющем собой начало переложения библейской «Книги Иудифи», А.С. Пушкин, «гений места» Петербурга, писал:

Притек сатрап к ущельям горным
И зрит: их узкие врата
Замком замкнуты непокорным;
Стеной, как поясом узорным,
Препоясалась высота.

И, над тесниной торжествуя,
Как муж на страже, в тишине
Стоит, белеясь, Ветилуя

В недостижимой вышине[9].

Очевидно, что у Пушкина ум был един с сердцем, хотя понятно, что он специально, с помощью каких-либо упражнений над этим единством не работал, но пришел к нему в ходе эволюции личности. И в своем стихотворении единством ума и сердца поэт говорит об узких и тесных вратах, путях, к которым неоднократно призывает Писание. Хотя в библейской «Юдифи» имеются в виду только образы конкретного горного рельефа. Они увидены поэтом как «узкие врата» «ущелий горных». Но у Пушкина возможность духовной трактовки «узких врат» больше, чем в библейском тексте. Александр Сергеевич в своем стихотворении передает образ Библии лучше, чем это делает Библия. На наш взгляд, он прямо вкладывает христианско-исихастский смысл в ветхозаветный образ. Если исходить из этого смысла, «теснину», о которой говорит Пушкин, можно трактовать как теснину человеческого духовного существа. «Тишину» – как исихию. Белый свет Ветилуи – как белый свет нетварных Христовых энергий. А «недостижимую вышину» – как божественную Сущность. Все это у Пушкина постигается только «осердеченным умом», или сердцем, в которое спустился ум.

Поэт связал библейский и евангельский образ открытых праведным узких и тесных врат с рельефом, когда-то и породившем его. Александр Сергеевич вернул образ к географическому месту его истока – еврейскому, от которого неотрывно все Писание. Но возможно такому возвращению помог рельеф Петербурга – города, пребывающего на дне геологической впадины Приневской низменности, в определенном смысле теснине, которая, однако, ведет через ее преодоление ввысь – к своей Ветилуе. Похожие явления обнаруживают другие тексты русской литературы XIX века об инородном рельефе, когда в них вкладывается смысл, усвоенный, обретенный Петербургом благодаря его рельефу, направляющему город снизу вверх – из узких врат к небесам. Найденный в Петербурге общечеловеческий смысл устремленности к небесам возвращается к конкретно-историческому истоку, но наполняется при этом вселенским духом в большей степени, чем это было в начале. Исходный образ, одеваясь в свои исторические одежды, обретает большую общечеловеческую значимость, чем при своем рождении. Он начинает дышать вселенским духом, духом вселенской красоты еще сильнее. И оттого национальные черты становятся еще более выразительными.

В переложении «Юдифи» ум поэта, соединившись с сердцем, поднялся ввысь через «узкие врата» (в библейской «Юдифи» прямо сказано: «тесен был проход даже для двух человек» (Иудифь, 4, 7)) и... увидел Свет. Стихотворение «Когда владыка ассирийский...» есть

проявление «всемирной отзывчивости» (Ф.М. Достоевский) русской души петербуржца, когда он понимает и любит других больше, чем они сами себя. Такая отзывчивость возможна только в результате жертвы собой. «Мировая тоска» «русских скитальцев» Достоевского – от тяги Петербурга к вселенским небесам из петербургской же убивающей тьмы. Не исключено также, что свет нетварных энергий – тот же, который открывался апостолам на горе Фавор и исихастам, – может выражать сияние зеркал петербургских рек и каналов. Этот белый свет городских вод может быть проявлением невещественного Фаворского, видимого в результате синергии Бога и человека. Кроме того, возможно, что божественные энергии открывают себя нам белыми ночами. Ведь белая ночь – словесная, лингвистическая калька «пресветлого», «божественного мрака», означающего предельную близость к Непознаваемому.

Через пресветлый мрак исихасты видят свет энергий Христа, приближающий к Сущности Бога. В Петербурге устремляется исихазм через пресветлый мрак–белую ночь к небесам божественной Сущности... Петербургские белые ночи, как и пресветлый мрак, есть пограничное состояние между истончающимися западом, умом и тьмой, сквозь которые смотрит свет, и небесным востоком, сердцем, светом. Западные формы города, наполненные восточным светом и движущиеся с этим светом к такому же, может быть еще более яркому, свету, это ум, преисполненный сердцем и поднимающийся ввысь, еще ближе к сердцу Христа. Ход движения «осердеченного ума» к небу открывается нам во время белых ночей.

Духовные процессы внутри сознания петербуржца переходят вовне, становятся созерцаемыми, выходя на просторы петербургских улиц, проспектов, площадей, рек. Жизнь духа горожанина, до того загнанная в теснину его духовного существа, делается неотрывной от жизни духа города. Такая теснина – в какой-то мере теснина западных городов, в которых родились западноевропейские формы Петербурга. Свет русского простора, льющийся с вершины геологической впадины Приневской низменности, проникает в западную оболочку северной столицы и таким образом поддерживает ее. И двойная сила восточного света – изнутри западных форм северного Рима и сверху, с неба, – поднимает единство этих форм и пребывающего в земном низу, на западе, dna города – на восток. Теснина расширяется и наверху блистает Петербург – новый Иерусалим. Этот новый Град готов спуститься к нам – в свете божественных энергий. Но... пока не спускается или спускается лишь в какой-то степени. В пресветлом мраке белых ночей мы ощущаем его максимальное приближение. Мучения петербуржца – мучения сердца, оторванного от ума, содержания от формы, востока от запада. Но город несет в себе преодоление такой оторванности; трещины, разделяющей

мироздание. Поэтому получается, что мучаются в Петербурге те из горожан, кто не преодолел трещину в мироздании, т. е. неполноценные петербуржцы. А.С. Пушкин в «Медном всаднике», соединяя ум с сердцем, писал о своей любви к «прозрачному сумраку, блеску безлунному» «задумчивых» белых ночей, когда «Одна заря сменить другую / Спешит, дав ночи полчаса».

Петербург в ходе «операций» по соединению ума с сердцем примеривает на свое восточное сердце западные умственные одежды. Они поначалу сжимают сердце. И мы продолжаем ощущать: город не помогает в беде. Но затем сердце принимает одежды запада и ума как собственные, одевает их на себя. И устремляется в них на западных по форме шпилях колоколен своих восточно-христианских храмов к небесам в направлении выхода из геологической впадины Приневской низменности. Такое сердце Петербурга, или его «осердеченный ум», возносится к небу города на шпилях «восточно-западных», «сердечно-умственных церквей». Оно восходит к небу западом, соединенным с востоком, формой – с содержанием, умом – с сердцем; поднимается к небу божественной Сущности, соприкасается с ней и видит свет нетварных энергий в пресветлом мраке белых ночей. Становится «светла адмиралтейская игла». И Петербург делается нашим другом, начинает помогать нам.

Востока нет без запада, сердца без ума. Только они вместе, в цельности, соединившись с небом и Богом, могут увидеть Свет. Его может созерцать только духовная цельность. Важно и то, что город, поднимаясь со дна и запада геологической впадины на восток к небесам, делает это не только с помощью шпилей своих колоколен, но всем восточным наполнением западных культурных форм. Восток внутри них возносит западную оболочку северного Рима на восток вместе с петербургским «дном» – самым ярким свидетельством «западности» города. Ведь западные формы Петербурга есть проявление его пребывания на западе – в низу геологической впадины; дно града Петра на западе неотрывно от западной его одежды. Неотрывно оно и от течения на запад петербургских рек. Возносящийся город словно перенаправляет западное течение своих рек на восток, к небесам, преодолевает темную силу места. И петербургские наводнения, в ходе которых Нева поворачивает вспять, являются одной из моделей перенаправления духа Петербурга, преодоления его связи с западом и землей.

А поднявшийся к небу и просветленный светом нетварных энергий «осердеченный ум» опускается туда, откуда начал движение, а именно вниз, на земное «дно», в сердечную область города, где когда-то пребывало не соединенное с умом сердце, и... озаряет низ города своим сиянием, рождая новое Слово северной столицы. В чем новый Логос являет себя в Петербурге? В небесном свете, исходящем

от западных, земных, форм города, струящемся сквозь них и преобразующем эти формы сиянием божественной вселенской Любви. Это петербургское Слово аналогично тому, которое несет «Троица» Андрея Рублева. Исихия – безмолвие, тишина. Не о ней ли в Петербурге сказала Анна Ахматова в стихотворении «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»:

Но иным открывается тайна
И почиет на них тишина...[10]

Сердце и ум, разделенные трещиной в Петербурге, объединяет исихазм. Но это исихазм особый, вселенский, который единство ума и сердца на духовно-антропологическом уровне дополняет единством разных культур и цивилизаций, западных и восточных частей христианского мира. Вселенские сердце и ум соединил в Петербурге Пушкин – выразитель русской идеи и гражданин всемирного города. Цель Петербурга и исихазма одна – пушкинская гармония ума и сердца, формы и содержания, запада и востока и обожение через предельное приближение к божественной Сущности. Поэт видел Фаворский свет, потому что его ум был един с сердцем.

И город становился не «живым нечеловеческим организмом», (как обозначали Петербург еще в начале XX века классики краеведения), а живым человеческим организмом. Ведь любой город люди создают как свой дом. А человек в возводимом им жилище воспроизводит себя. П.А. Флоренский в незаконченном труде «У водоразделов мысли» (глава «Органопроекция») утверждал, что человек в его доме неосознанно повторяет собственный организм. Так печь соответствует легким, дымовая труба – горлу. Даже водопровод и электрические провода звонков, телефонов и т.д. лишь воспроизводят первый кровеносную систему, а вторые – нервную. Так Бог являет себя в человеке, а через человека в его жилище. По рассматриваемому закону «органопроекции» (термин Флоренского) окна дома это и глаза его строителя и обитателя. Добавим и другое: человек неизбежно должен воспроизводить в доме, в том числе таком доме, как город, и собственный духовный организм. Мы возводим город-дом по своему образу и подобию, сами являясь образом и подобием Бога. Так Бог через человека создает город. И в ходе созидания проявляется синергия – единство действий человека и Бога. Человек возводит город, участвуя в деле Божиим по его сотворению, проявляя себя в нем в качестве божественного домостроителя, соединяя в городе, как и в себе, земное, материальное, и небесное, духовное, начала. Геологическая впадина Приневской низменности тоже дом, который петербуржцы обустривают по своему образу и подобию. Потому Петербург и есть живой человеческий организм. То,

что происходит в душе горожанина, происходит в душе города. Когда душа петербуржца оказывается тождественна городской, тогда начинает работать нераздельное единство города и горожанина и открывается возможность рассматривать город как живое существо, физически и духовно организованное подобно человеку или несущее печать его Пути.

Город создается посредством божественного Слова. Но Слово направлено сначала на человека. Оно входит в нас. А затем – через нас – в мир, охватывая все Божие творение, и, в частности, город. В западных по форме петербургских храмах идут восточнохристианские службы. Петербург своим западным обликом способствует «продвижению» восточного христианства на запад, привлекает его на свою сторону и распространяет православие на весь мир. «Тихий свет» вселенской любви – то, что начинает изливаться на мироздание после победы Петербургской идеи, максимально приближающей Воскресение.

Литература.

1. Райков Б. Е. На чем стоит Петербург // Педагогический ежегодник. – 1910. Т. 2: Школьные экскурсии. Их значение и организация: сб. статей / Под ред. Б. Е. Райкова. С. 171.
2. Анциферов Н.П. Быль и миф Петербурга. Петроград, 1924. С. 11–12.
3. Гоппе Г. Знаменья, Успения, Покрова // Нева.1995. № 1.С. 220.
4. Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых: В 2 т. / ИМЛИ РАН. М., 2003. С. 171–172.
5. Крейцер А.В. Христианское понимание ленинградской блокады. Сайт «Мозгократия». Общество. 23 ноября 1917 г. <http://mozgokratia.ru/2017/11/hristianskoe-ponimanie-leningradskoj-blokady/>
6. Святитель Григорий Палама. Гомилии. Саратов, 2017. С.677–696.
7. Святитель Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. М., 1995.
8. Хоружий С.С. Аналитический словарь исихастской антропологии / Синергия. Проблемы мистики и аскетики православия. М, 1995.
9. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977–79. Т. 3. С. 326.
10. Ахматова А. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М., 2009. С. 155.

Вешнинский Ю. Г.

независимый исследователь,
г. Москва

СРАВНЕНИЕ ОБРАЗОВ ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ МОСКВИЧЕЙ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Аннотация: Сравниваются образы Петербурга и Москвы в общественном сознании москвичей по результатам анкетных опросов автора в 1978-2001 годах. Делается попытка осмыслить эти результаты с точки зрения сегодняшнего опыта и ввести их в более широкий урбано-логический, социокультурный, семиотический и общенаучный контекст.

Ключевые слова: анкетные опросы, образ города, сравнительные оценки, архитектурно-художественная среда города, персоналистские ценности, коммунитарные ценности, художественно-эстетические ценности, социально-стратификационная пирамида, высший класс.

В 1978-2001 годах, в рамках исследования сравнительных оценок респондентами (почти исключительно москвичами) архитектурно-эстетических качеств городской среды Москвы и Петербурга (Ленинграда), я проводил анкетные опросы жителей Москвы (и, в очень незначительном числе, - жителями других городов). Результаты этого исследования уже освещались, в частности, на электронном сайте «ИНТЕЛПРОС»[1], в моей статье «Сравнение имиджей Санкт-Петербурга и Москвы в их историческом развитии» в сборнике «ИМИДЖЕЛОГИЯ-2010...» [2, с. 24-31] и в моей первой статье в журнале «Знание-Сила» [3, с. 106-109]. Сейчас я пытаюсь более глубоко осмыслить эти результаты в свете сегодняшнего опыта и ввести их, по возможности, в более широкий научный контекст.

Оценки респондентами архитектурно-эстетических качеств советской и постсоветской Москвы оказались суровыми и нелюбимыми. Особенно это было заметно в ответах на вопрос: «Назовите несколько зданий или архитектурных ансамблей, которые,

по вашему мнению, в наибольшей степени портят облик Москвы», который я задавал москвичам в 1989-1996 годах. Не случайно некоторые из «хитов» таблицы, впервые опубликованной ещё в 1996 году в газете «Сегодня» [4, с. 8 и 2, с. 30-31] и включавшей «чёрную» тридцатку московских зданий и архитектурных ансамблей (слово «ансамбли» тут стоило бы поставить в кавычки) сегодня или уже пришлось снести, или вопрос об их сносе обсуждается до сих пор. Впрочем, уже в последние десятилетия в Москве «наворотили» столько самой чудовищной «новой» безвкусицы, что проблема сноса «старой» безвкусицы стала не очень актуальной.

Любопытно, что некоторые «эпохальные» постройки советских времён, авторы которых были в своё время осыпаны золотым дождём наград, званий и выдвинуты на ведущие посты, оценивались общественным мнением примерно так же, как – практически анонимные – градостроительные «кляксы» типа Текстильщиков, промзоны бывшего Перовского административного района или как столь же анонимные и повсеместные «хрущобы». О собенный интерес, я думаю, вызывает существовавший уже тогда страх москвичей перед комплексом «Москва-Сити», который тогда только проектировался. Но теперь, когда этот «градостроительный монстр» уже воздвигнут и «навис» надо всем центром Москвы, понятно, что страхи москвичей были не напрасны.

Почти все анкетные опросы проводились в Москве, поэтому понятно, что восприятие культурного пространства Санкт-Петербурга (Ленинграда) оказалось более идеализированно-туристическим. Всё-таки, собственный город мои респонденты-москвичи воспринимали повседневно-буднично, буквально – кожей. Ближняя оценка всегда жёстче дальней. И Санкт-Петербург (Ленинград) – при определённой ценностной дифференцированности его культурного пространства – воспринимается москвичами, в первую очередь, как город-музей и как некий идеальный, универсальный и недостижимый урбанистически-средовой эталон («парадиз!») – своего рода «незаходящее солнце российского градостроительства». Кстати, ведь и регулярная планировка Санкт-Петербурга была как бы «зримым образом», метафорой задуманного Петром I (но так и не ставшего реальностью) «регулярного государства» [5, с. 152 и др.]. Любопытно, что только некоторые из респондентов-питерцев вспомнили, что в их городе есть не только Эрмитаж и Исаакиевский собор, но и печально известные «Кресты», и «Большой дом». Видимо, они были частью «жизненного мира» их семей. Респонденты-москвичи эти объекты вообще никогда не вспоминали.

В «питерской» части исследования особенно заметно, что респонденты-москвичи воспринимают Санкт-Петербург (Ленинград) не столько как реальный, буднично переживаемый город, сколько как

культурный образ-символ. Не исключено, что одна из причин такого восприятия – стремительное разрушение в последние десятилетия исторической среды Москвы, лишаящее её такого, пока ещё сохранённого Санкт-Петербургом, атрибута столичности, как уникальность архитектурного облика. И не случайно по рейтингу эстетической привлекательности Санкт-Петербург опережал (и, наверняка, сегодня тоже опережает) Москвы с более, чем двукратным отрывом.

Но Санкт-Петербург респонденты воспринимают, по-видимому, не только как средоточие художественно-эстетических ценностей. Предложенная мной типологии ценностей была представлена, в частности в автореферате моей кандидатской диссертации [6, с. 21]. В не меньшей степени Санкт-Петербург воспринимается и как место, которое во всём своём облике сохранило то, что так стремительно утрачивает Москва: непосредственно, визуально осязаемую связь с историческими ценностями и городскую идентичность. С этим связано и ощущение соприкосновения с уникальной ценностью «питерского» локально-территориального урбанистического сообщества, того, что (по примеру Н. П. Анциферова) можно назвать «душой Петербурга» [7, 8 и др.].

Но и это ещё не всё. Этот «непостижимый город» исторически приобрёл репутацию, пожалуй, главного во всей истории России средоточия персоналистских ценностей. Как писал В. Н. Топоров, «...П. и то место, где национальное самосознание и самопознание достигло того предела, за которым открываются новые горизонты жизни, где русская культура справляла лучшие из своих триумфов, так же необратимо изменившие русского человека» [9, с. 6]. Ю. М. Лотман также отмечал, что «...Петербург сделался городом культурно-семиотических контрастов, и это послужило почвой для исключительно интенсивной интеллектуальной жизни. По количеству текстов, кодов, связей, ассоциаций, по объёму культурной памяти, накопленной за исторически ничтожный срок своего существования, Петербург по праву может считаться уникальным явлением в мировой цивилизации. Одновременно, подобно уникальной петербургской архитектуре, петербургская культура – одно из национальных завоеваний духовной культуры России» [10, с. 45].

Особенно следует отметить высокую сопротивляемость лучших «питерских» носителей персоналистских ценностей по отношению к духовному растлению и силовому давлению тоталитарного режима, десятилетиями упорно «выбивавшего» из «великого города с областной судьбой» (Д. А. Гранин) «столичный дух». Достаточно кратко перечислить: послеоктябрьскую эмиграцию, принудительное «перетягивание» из Ленинграда в Москву Академии Наук СССР и её институтов в межвоенное двадцатилетие, принудительное (и грубо

противоречившее даже тогдашним советским законам) выселение из города дворян на рубеже 1920-1930-х годов, репрессии «кировского потока» середины 1930-х годов, репрессии «Большого террора» конца 1930-х годов, гибель на фронтах ВОВ и массовую смертность коренных горожан в годы блокады Ленинграда, послевоенное «ленинградское дело» и его последствия, романовское правление и так далее.

Тоталитарный режим, главы которого почти не скрывали своей неприязни к «чресчур европейскому» городу (не случайно советские генсеки избегали посещать Ленинград!), упорно насаждал в городском социуме характерные для провинции коммуитарные ценности, что вызвало в «романовскую» эпоху (уже на моей памяти) фактическое бегство значительной части культурной элиты в Москву. Интересно, что, как я слышал или читал, при Романове было запрещено принимать во многие ленинградские вузы иногородних. Лучше местный «слабак», чем одарённый человек из глубинки! Ещё «умничать» будет и других научит! Между тем, «стягивание» одарённых молодых провинциалов в крупные города всегда было одним из важных атрибутов их столичности!

Необходимо, на мой взгляд, вспомнить такие имена-символы духовного сопротивления культурной элиты города его принудительной провинциализации, как А. А. Ахматова, И. А. Бродский, Д. С. Лихачёв и так далее. Это «самостоянье» культурной элиты имело в уже сильно обескровленном городе достаточно широкую площадь опоры. Можно вспомнить опубликованные в 1984 году слова С. Д. Довлатова: «Ленинград называют столицей русской провинции. Я думаю, что это наименее советский город России»[11, с. 116 и др.]. Да и мои личные воспоминания юности о тогдашних контактах с коренными ленинградцами это подтверждают.

В результате сложилась парадоксальная ситуация. «Социальная начинка» города сильно изменилась и во многом деградировала – что делает малообоснованным сравнительно недавнее провозглашение нынешнего Санкт-Петербурга «культурной столицей России». Такое же мнения высказывал в нашумевшей в своё время «Петроградации» и один из самых ярких петербургских историков, краеведов и знатоков петербургской культуры Л. Я. Лурье[12 и др.]. Миф об особенной ленинградской интеллигентности (тем более живучий, чем дальше его носители жили от Ленинграда) уже в доперестроечные годы вызывал у коренных питерцев лишь горькую усмешку, как память о давно прошедших временах. Наиболее ярко эта перемена выражена в словах одой из песен А. М. Городницкого: «...дворцы и каналы на месте, а прежнего города нет». Когда я в начале 2000-х годов был в Петербурге, я обратил внимание на то, что в вечерний час пик в вагонах питерского метро висел густой запах

винного перегара. Правда, сейчас, похоже, он как-то «выветрился». Можно с горечью констатировать, что на смену «Петербургу акмеистов» давно уже пришёл «Петербург митьков». Не зря к уже давно известным названиям города (Петербург, Петроград, Ленинград) сравнительно недавно прибавилось ещё одно горько-ироническое: «Ленинбург»!

Но именно потому, что город в послеоктябрьские времена перестал быть столицей и на масштабную его реконструкцию «по-советски» (которая со всей силой обрушилась на Москву) просто не выделялось денег, он, в общем и целом (и, уж точно, – в неизмеримо большей степени, чем Москва), сохранил уникальную столично-имперскую архитектурно-художественную оболочку, или, если угодно, «скорлупу».

Необходимо отметить ещё и то, что на протяжении почти двух дореволюционных столетий, особенно в конце XIX-начале XXвеков, через Петербург (наряду с Москвой и Одессой, конечно) в русскую культуру проникали с Запада – порой преодолевая серьёзное сопротивление нашей «самобытной почвы» - гражданско-правовые ценности. Правда, в Санкт-Петербурге (в отличие от Москвы и, особенно, – от Одессы) было чрезвычайно сильно влияние придворно-аристократических и военно-чиновничьих кругов, стоявших на страже неприкосновенности основ самодержавия и не желавших либерально-конституционных перемен.

Ну и, наконец, в культурной памяти россиян прочно сохраняется образ Петербурга как более чем двухсотлетней вершины социально-стратификационной пирамиды России. При этом все, кто читал русскую художественную литературу или хотя бы смотрел её экранизации, хорошо помнят ту ауру рафинированной светской воспитанности и европейской образованности, которая была так характерна для жизни социальных верхов России петербургской эпохи её истории, в отличие от советской и постсоветской эпох. Именно в Петербурге (наряду с несколько позже вступившей на этот путь Москвой) сформировался важнейший для судеб культуры в России социокультурный тип «русского европейца». Невольно вспоминаются слова М. М. Жванецкого о больших трудностях, возникавших перед советскими кинематографистами при съёмках фильмов из дореволюционной жизни: «Дикость и хамство в Сибири – идёт, а образованность в Петербурге – не идёт». Любопытно, что и в советские времена для коренных питерцев (особенно при прогулках по Невскому или по набережным) была характерна особая, неспешная и полная достоинства «фланирующая» походка. Наверное, лучше всего она была показана в фильме А. В. Эфроса по сценарию А. Г. Битова «В четверг и больше никогда», где герои, роли которых исполняли Л.И. Добржанская и И.М. Смоктуновский буквально

«проплывали» перед нами этой «царственной походкой» в конце фильма.

Стоит, я думаю, вспомнить ещё об одном поучительном факте. В своё время один из лучших исследователей городской культуры Г. З. Каганов написал, что одним из важных достоинств пространственной среды города (речь шла, в частности, о районе Никитских ворот в Москве, но для Санкт-Петербурга (Ленинграда), откуда он сам родом, это ещё более характерно) является наличие пространств для «ничегонеделания» [13, с. 58-63]. И это, на мой взгляд, совершенно верно. И его потом в Институте истории и теории архитектуры, где он тогда служил, долго за это, что называется, «били мордой об стол»! Какие-такие могут быть пространства для «ничегонеделания»? Ведь, все же знают, у нашего советского человека «счастье - в труде»!

В литературе отмечалось: «На протяжении длительного периода городское развитие страны находилось в непосредственной связи прежде всего с расширением индустриальной базы общества. Это обусловило формирование городских структур, прямо связанных с доминированием материально-производственной сферы над городской жизнью. Сферы досуга, быта, потребления не могли получить достаточного внимания и ресурсов общества, не приобретали институционального оформления. Неизбежным следствием такого развития урбанизации стало накопление проблем в области потребления, жилья, обслуживания, сосредоточение ресурсов на элементарных формах решения этих проблем (что отразилось, в частности, на характере массовой жилой застройки и т. д.)»[14, с. 30 и 15, с. 222].

Думаю, что уникальность и совершенство архитектурного облика Санкт-Петербурга в немалой степени связаны с наличием в петербургский период российской истории культурно европеизированного высшего класса, определявшим высокий уровень художественно-эстетического вкуса заказчика, а, значит, и подбиравшегося заказчиком исполнителя.

В то же время в советский период, когда имперская столица была перенесена в Москву, в стране высшего класса уже не было. Его у нас и сейчас нет. Да и возможен ли он у нас после всего, что происходило в стране за последнее столетие, когда в стране, по словам Э. А. Орловой сформировалось «общество низшего класса» [16, с. 7-41]? И это предопределило грубую помпезность и безвкусицу московской «имперской» архитектуры сталинской эпохи – да и последующих эпох тоже, включая и постсоветские десятилетия.

О резком падении художественно-эстетического вкуса заказчика в советский период свидетельствует восхваление демонстративного разрыва демонстративного разрыва с предшествующей культурной

урбанистически-средовой традицией, нашедшее своё, может быть, самое наглядное выражение в дежурном газетном комплименте любому советскому городу, заключавшемся в том, что он «неузнаваемо изменился». Однако, потеря городом узнаваемости – своего рода визуальное бедствие. И не зря широко известный американский урбанолог Кевин Линч считал, что узнаваемость (читаемость) города имеет ключевое значение в складывании его облика[17, с. 14].

Итоги исследования дают основание сделать вывод, что современные москвичи хотя бы частично осознают драматический подтекст этой, в последние годы вновь ставшей пугающе актуальной фразы применительно к сегодняшней Москве – вновь «неузнаваемо изменяющейся». Она стремительно утрачивает и свои некогда уникальные «визуальные ресурсы», связанные с концепцией «город для мира», и свой «визуальный комфорт», связанный с концепцией «город для горожан». И уж буквально «в десятку» попало слово «урбоцид», произнесённое в адрес Москвы директором Эрмитажа М. Б. Пиотровским в телевизионном интервью, сделанном 23 марта 2004 года (после сноса в Москве Военторга и пожара в Манеже). Впрочем, похоже, М. Б. Пиотровский сам испугался того, что сказал, и больше этого удивительно меткого неологизма не произносил. И в наших СМИ оно, к сожалению, тоже не прижилось.

Новым страшным несчастьем, обрушившимся на Москву в последние десятилетия, стала лихорадочная спекулятивная застройка, ради которой уничтожаются остатки исторической городской среды, включая архитектурные памятники федерального значения. По словам покойного А. И. Комеча, по масштабам разрушения исторической среды Москвы один лужковский год стоил двух брежневских. А при С. С. Собянине стало, пожалуй, ещё хуже.

Следует отметить, что в сегодняшней Москве разрушающая остатки исторической городской среды спекулятивная застройка, воплощающая «оголтелый узколобо-коммерческий утилитаризм», демонстрирует наихудшие черты утилитаристского идеала. Огромная масса «бешеных денег», отмывающихся в Москве, превратилась в страшную разрушительную силу для её исторической среды.

Впрочем, сегодня и на Санкт-Петербург обрушились новые несчастья. В городе уже введены в строй два автосборочных завода. «Северную Пальмиру» упорно превращают в «Русский Детройт» с неизбежным перенесением в него хорошо известных специалистам социальных язв американского Детройта. Ведь сегодня Детройт – самый социально неблагополучный город в США! Ведь ЗИЛ и АЗЛК ещё в «прошлом тысячелетии» были вынесены из Москвы (как давно уже вынесены автозаводы из всех западных столиц)! И, хотя угроза строительства гигантской газпромовской башни «Охта-центра» на

месте обнаруженных недавно остатков древнейших поселений на территории города (Ландскроны, Невского устья и Ниеншанца) [18] городской общественности в начале 2010-х годов удалось «отбить», но строительство её аналога всё ещё стоит в повестке дня! «Северная Пальмира» (как и современная Москва) всё больше превращается не только в город автосборщиков, но и в город нефтяников! И главная, глубинная причина всего этого – отсутствие у нас в стране культурно европеизированного высшего класса, игравшего в прошлом и до сих пор играющего важную роль в формировании облика западных (и не только западных) городов.

Список литературы

1. Вешнинский Ю. Сравнение архитектурно-эстетических качеств застройки Санкт-Петербурга и Москвы и связь этих качеств с социально-стратификационной структурой российского общества в петербургский и советский (и постсоветский) периоды отечественной истории. – Электронный сайт «ИНТЕЛПРОС», декабрь 2009.
2. Вешнинский Ю. Г. Сравнение имиджей Санкт-Петербурга и Москвы в их историческом развитии. – ИМИДЖЕЛОГИЯ -2010: На пути к национальной идее. Материалы восьмого Международного симпозиума по имиджелогии. (под ред. Е. А. Петровой), М., РИЦ АИМ, 2010.
3. Вешнинский Ю. Город извне и изнутри.–«Знание-сила»,№ 12, 2010.
4. Вешнинский Ю. Архитектурные чудовища. – «Сегодня», 6 июля, 1996.
5. Вешнинский Ю. Г. Социокультурные проблемы городов. – Преподавание краеведения и москвоведения в высших учебных заведениях. Сб. М., АНО Издательский центр «Москвоведение» 2001.
6. Вешнинский Ю. Г. Аксиология постсоветского пространства на рубеже тысячелетий. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата культурологии. М., Гос. акад. славянской культуры (ГАСК), 2010.
7. Анциферов Н. П. Душа Петербурга. –Пг., Брокгауз и Ефрон, 1922.
8. Анциферов Н. П. Душа Петербурга. – Л., Агентство «Ли́ра», 1990.
9. Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской культуры. (Введение в тему). Семиотика города и городской культуры. Петербург. – Труды по знаковым системам XVIII, Тарту. ТГУ, 1984.

10. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города. – Труды по знаковым системам XVIII, Тарту, ТГУ, 1984.
11. Довлатов С. Д. Ремесло. – Спб., Издательская Группа «Азбука-классика», 2010.
12. Лурье Л. Я. Петродеградация. – Огонёк. 17 декабря 2012.
13. Каганов Г. Говорит москвич. – «Знание-Сила», № 4, 1987.
14. В. М. Долгий, Ю. А. Левада, А. Г. Левинсон. Урбанизация как социокультурный процесс. – Урбанизация мира. – М., Мысль, 1974. – (Вопросы географии, сб. 96.).
15. В. М. Долгий Ю. А. Левада, А. Г. Левинсон. Урбанизация как социокультурный процесс. – Ю. А. Левада. Время перемен. Предмет и позиция исследователя. М., Новое литературное обозрение, 2016. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
16. Орлова Э. А. Социокультурные предпосылки модернизации в России. – Библиотека в эпоху перемен. Философско-культурологические и информационные аспекты. Дайджест. Вып. 2 (10). М., Изд-во РГБИнформкультура. 2001.
17. Линч К. Образ города. – М., Стройиздат, 1982.
18. П. Е. Сорокин. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. 700 лет поселению на Неве. – СПб, «ЛИТЕРА», 2001.

Шарендо Е. А.

ЦПР «Равновесие»,
г. Рязань

АДАПТИВНАЯ НЕАДЕКВАТНОСТЬ ИНДИВИДА В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Аннотация: В статье отмечается, что развитие сознания и формирование мышления индивидов происходит неравномерно. А отсутствием четкой организации системы психологической адаптации к изменениям окружающей среды приводят к нарушению баланса психических функций и может выражаться в социальной дезориентации.

Ключевые слова: социализация, социальная эксклюзия, ментальность, ассимиляция, жизнестойкость.

Рассматривается социальное явление, присущее большим городам, ставшее мировой проблемой последнего десятилетия – социальная эксклюзия среди молодежи в возрасте от 15 до 29 лет. Среди причин срыва механизмов адаптации указывается: 1) психологические причины, основанные на социальном факторе (слабая социальная поддержка); 2) причины, связанные с различием ментальных особенностей различных групп населения, при их взаимодействии друг с другом (неспособность к психологической адаптации) и др.

В новых социальных, экономических, информационных и экологических условиях формирование мышления и развития сознания индивидов естественным образом происходит неравномерно. Соответственно и адаптация к новым социальным условиям не будет адекватной общей направленности социальной среды. Речь идет о возможных предпосылках адаптивной неадекватности индивидов в городском пространстве, среди которых не только развитие инновационных технологий и увеличение объема информационно-коммуникативных связей, но и глобальная интеграция жителей малых городов и поселений в мегаполисы, а также рост темпа урбанизации в целом. Самым распространенным негативным последствием адаптивной неадекватности психологических систем индивида к изменениям окружающей среды являются расстройства психики, которые в психиатрии выделены в отдельную группу – нарушение адаптации – психических расстройств, возникающих в ответ на стресс. Расстройства эти могут проявляться различными симптомами.[1]

Впервые термин "стресс" употребил Ганс Селье. В своих исследованиях стресса Г. Селье основное внимание уделял гормональным системам адаптации организма критическим взаимодействием со средой; он отмечал важность значения в работе механизмов адаптации центральной нервной системы, но не занимался этим вопросом. Однако, из его концепции стресса очевидно, что нарушение работы адаптационных механизмов приводит к нарушению психических функций: восприятие, анализ, осмысливание и т.п.; а так же влияет на суждения и поведение человека. Так, к примеру, при социально-стрессовом расстройстве (ССР) отмечаются такие изменения в поведении людей как:

- заострение личностно-психологических черт характера
- развитие панических реакций, депрессивных, истерических и других нарушений
- утрата "пластичности" общения, и способности приспосабливаться к происходящему, с сохранением перспектив в целенаправленных действиях

- проявление цинизма, склонность к антисоциальным действиям
- усиление тревоги, страха
- ухудшение соматического здоровья, вегетативные дисфункции
- нарушение ночного сна
- астенические расстройства
- истерические расстройства
- панические расстройства
- могут появляться острый бред и другие расстройства.

Из-за отсутствия четкой организации системы психологической адаптации к изменениям окружающей среды также происходит нарушение баланса психических функций и может выражаться и в социальной дезориентации, и в нарушении процесса самоидентификации, в следствие чего структура личности становится нестабильна и неспособна к развитию, так как из-за недостаточности психических функций искажается объективное восприятие действительности и субъективное восприятие, отсутствует адекватная оценка собственных действий и структурный анализ прогнозируемых результатов деятельности.

Таким образом, отмечается общая тенденция к недостаточной адаптивности, а именно: психологической неподготовленности подростков и молодежи к адекватному восприятию изменения окружающего мира, и, в связи с этим, срывы работы адаптационных механизмов организма, приводящих к психическим расстройствам, основным синдромом которых является слабая способность к социализации, социофобия и, как следствие, стремление к изоляции. Вместе с тем, такое поведение, без диагностированных психических расстройств, можно отнести к психологическим механизмам защиты от, собственно, психологической неподготовленности к принятию решений, неспособности построить жизненную программу, в будущем - ее перепрограммирование и структурирование, в зависимости от субъективных решений жизненно важных задач и влияния объективной действительности. Ярким примером подобного может служить такое социальное явление как: хикикомори в Японии, Китае и Южной Корее и NEET - молодежь в США, Европе и России. Основная характеристика этого явления - социальная изоляция. Это явление широко распространено среди молодежи 15-24 лет, в некоторых случаях старше: 29-40лет. Неспособность или слабая способность к социализации позволяет отнести стремление к социальной изоляции к расстройствам аутического типа, аутизму, депрессии, шизоидным расстройствам личности, тревожным расстройствам и т. п.[2]. Недиагностируемые в раннем детстве шизоидные расстройства ослабляют адаптивные способности

психики, депрессивные и тревожные расстройства являются следствием неспособности психики к адаптации или психологической неподготовленности индивида к изменениям окружающей обстановки, мира, в современных исторических условиях динамичности событий и интенсивности информационно-коммуникативного потока.

Слабая способность к социализации или сознательное дистанцирование от влияния или взаимодействия с социумом действительно ведет к клиническим расстройствам личности и деградации. Поскольку только при взаимодействии людей друг с другом, прилагая совместные усилия для решения жизненно важных задач, человек обнаруживает в себе какие-то новые возможности, либо перенимает опыт других людей, интегрируя в свои способности и навыки, получает те или иные новообразования в межличностных отношениях, либо в профессиональной деятельности. Что позволяет человеку развиваться, в том числе и эмоционально: его эмоции становятся более сложными, соответственно, анализ - более комплексным, что обеспечивает развитие адаптивных способностей индивида, улучшая качество и скорость адаптации. Таким образом, человек вносит свой вклад в развитие общества в целом.

Говоря о NEET-молодежи и хикикамори мы имеем обратную ситуацию. Следует отметить, что подобные явления характерны именно для больших городов и мегаполисов. Чем масштабнее город, тем выше процент социальной эксклюзии среди молодежи. Как правило, у приобретенных психических расстройств и срывов механизмов адаптации имеются, предшествующие им, психологические причины. Среди прочих причин, в данном случае, речь идет о возможных психологических причинах, основанных на социальном факторе, причинах, связанных с различием ментальных особенностей жителей города и общая неподготовленность при отсутствии или несостоятельности практических методик использования механизмов психологической защиты индивидов при критическом взаимодействии с окружающим миром. Кроме того, отсутствие в государственной системе образования четких социальных ориентиров и направленностей на воспитание деятельностной личности, включенной в общий государственный механизм. В сложившейся ситуации, говоря о глобальном образовании, возникает необходимость формирования в системе образования и воспитания такого инструмента или модели осуществления учебно-воспитательного процесса, при которой может реализовываться психологическое направление на формирование способностей подростков и молодежи выбирать, моделировать, структурировать, изменять в зависимости от объективных и субъективных изменений окружающего мира свою жизненную

программу, а так же на формирование способностей принимать решения в экстремальных(социальных) условиях, в том числе и выбор пассивной модели поведения без нарушения социальных связей. [3] Кроме того, в систему образования должны быть включены ступени, которые способствовали бы социальной защищенности и обеспечению последующей продуктивной профессиональной деятельности, способствующие профориентации и возможности универсальности (многопрофильности) специалистов, с целью возможностей решения глобальных задач в процессе реализации жизненной программы, и возможности принятия глобальных(универсальных) решений.

Необходимо понимать, что возможности сознания к изменению направления мышления, усовершенствованию его проявления и переходу от одной формы к другой в человеческом сообществе не могут быть одинаковы у всех индивидов, но способность к данному виду развития заложены генетически, и это позволяет говорить о системном подходе к коррекции нарушений адаптации как психических расстройств, а так же о разработке планового развития устойчивой способности организма к адаптации в условиях изменения окружающей среды и формированию личностных особенностей индивидов, способствующих развитию мышления, основной характеристикой которого становится стремление к совместным усилиям, с различной социальной нагрузкой, направленным на улучшение качества жизни, с целью сохранения и развития цивилизации.

Список литературы.

- 1.Плисов В.А., Храмова Е.Ю. "Новейший справочник психиатра", "Дом славянской книги", Москва, 2012г.
2. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Хикикомори>, интернет.
3. Шарендо Е.А., "Проблемы гуманистической личности и здоровый прагматизм", "Lambert", Германия,2016г.
4. Шарендо Е.А., "Проблемы гуманистической личности и здоровый прагматизм", "Lambert", Германия,2016г.

ВЛИЯНИЕ СРЫВА ГОРМОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ АДАПТАЦИИ НА СТРУКТУРУ ДНК И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГЕННЫХ МУТАЦИЙ

Аннотация: В докладе рассматривается проблема притока населения в большие города. При этом слабые адаптивные способности приводят к срыву гормональных систем, что вызывает соматические заболевания, вносящие изменения в структуру ДНК, передаваемую последующим поколениям. А также отмечается рост соматических заболеваний (онкология, диабет, инсульты, инфаркты и т.п.) и психических расстройств (депрессивные расстройства, алкоголизм и суицид), как следствие срыва гормональных систем адаптации (концепция стресса Г. Селье). И так как срыв гормональных систем и возникновение соматических заболеваний имеют своё отражение в структуре ДНК, и изменённая ДНК передаётся следующим поколениям, мы имеем рост хронических и наследственных заболеваний, что естественно имеет своё отражение на социальной структуре города и на взаимодействиях людей внутри неё.

Ключевые слова: социализация, урбанизация, адаптация, генетика, ДНК, синтез белка, мутации.

На фоне стремительного развития мегаполиса, а так же большого притока населения в крупные города из малых городов и поселений происходит значительное изменение социальных условий проживания в больших городах и социальных взаимоотношений индивидов.

Рост притока населения в мегаполисы из малых городов и поселений, а так же из других регионов, в большей степени обусловлен более высоким уровнем развития экономической ситуации и развитой инфраструктуры мегаполиса. Таким образом основной мотивацией индивидов становится улучшение качества жизни и возможность реализации личностных потенциалов. Однако, изменения условий окружающей обстановки и включение в ментальность большого города является для индивидов стрессовой ситуацией. А сам мегаполис и жизнь в нем становятся стрессором, который воздействует на организм довольно продолжительное время, так как включает в себя адаптацию сразу к нескольким областям

взаимодействия с окружающей средой: климатические условия, бытовые условия, новый трудовой коллектив, темп жизни и территориальный масштаб большого города и т.п. К тому же, миграции в мегаполисы становятся стрессом и для коренных жителей большого города, что, безусловно, не может не отразиться на психологическом и социальном восприятии действительности. А это, в свою очередь, и является социальным стрессом.

В своей книге "психология стресса и методы коррекции" Ю.В.Щербатых пишет, что "...стресс есть неспецифическая реакция организма на любые достаточно сильные или длительные воздействия внешней или внутренней среды, запускающая нейрогормональные механизмы адаптации к этим воздействиям." Следует заметить, что стресс о теории Ганса Селье имеет три стадии: первая, на которой человек сталкивается с изменениями окружающей среды; вторая- непосредственно, адаптация к новым условиям и третья стадия, наступающая в том случае, если стресс продолжает воздействовать длительное время-это стадия истощения гормональных ресурсов, которая влечет за собой срыв всех систем адаптации, после чего процесс приобретает патологический характер и приводит к болезням и смерти индивида[1].

На всех стадиях стресса основную роль играет кора надпочечников, усиленно стимулирующая стероидные гормоны, которые, собственно, и выполняют адаптивную функцию. При столкновении со стрессовой ситуацией первым реагирует гипоталамус, небольшой участок головного мозга, он активирует работу коры надпочечников, которые начинают усиленно синтезировать антистрессовые гормоны, которые и помогают людям и животным преодолевать различные критические ситуации. Но это в большей степени относится к преодолению физических факторов среды и малоэффективно при психологическом и социальном стрессе. Более того, антистрессовые гормоны при длительном воздействии стрессора, при истощении ресурсов имеют негативную сторону. Так, например, антистрессовый гормон кортизол оказывает существенное влияние на метаболизм белка во всех клетках организма, кроме печени. Так же кортизол снижает продукцию РНК и последующий синтез белков, особенно в мышечных и лимфоидных тканях, результатом чего мы можем наблюдать мышечную дистрофию, в некоторых случаях доходящую до полной обездвиженности, и ишемическую болезнь сердца. Избыток кортизола так же вызывает ожирение.

Еще один антистрессовый гормон-адренокортикотропный, вырабатывается базоильными клетками передней доли гипофиза и контролирует синтез гормонов коры надпочечников, что при длительном воздействии стресса может привести к нарушению

гормонального баланса и вызвать заболевания сахарного или несахарного диабета. А также этот же гормон, непосредственно связанный с клетками иммунной системы, при срывах адаптационных механизмов, снижает общий иммунитет организма[2]. Гипоталамус так же формирует первичные эмоциональные реакции при столкновении со стрессором. Более того, затяжной стресс и истощение гормональных ресурсов может вызвать такое эмоциональное расстройство, как депрессию, которое в свою очередь, имея первичный психогенный фактор возникновения при длительной продолжительности приобретает эндогенный характер, что означает изменения биохимических процессов в организме. Наиболее важные из них так же меняют структуру ДНК, следствием чего у последующих поколений могут наблюдаться низкие интеллектуальные способности и слабая адаптивная способность.

При срыве работы гормональных систем адаптации, например, нарушение функций надпочечников или почек, может наблюдаться снижение уровня гормона дофамина, который повышает социальную тревожность и социальные фобии у людей[3]. Некоторые негативные симптомы шизофрении (социальная самоизоляция, апатия, ангедония) связаны с низким дофаминергическим состоянием в определенных областях головного мозга. Таким образом предшествующими шизофрении могут стать заболевания, такие как тревожные расстройства, возникшие в результате срыва психологических систем адаптации. Более того, становясь хроническими, эти заболевания меняют структуру ДНК и переходят в наследственные заболевания а последующие поколения становятся носителями генных мутаций.

Таким образом мы имеем вместо улучшения качества жизни в мегаполисе, людей включенных в социальные процессы и взаимоотношения, подверженных серьезному социальному стрессу, что отражается на поведении, эмоциональных реакциях, и, в случае незавершенности адаптации, на соматическом здоровье. Более того, вышеописанные процессы дают новое поколение, имеющее в геноме предрасположенность к тем или иным заболеваниям, а зачастую уже рождающиеся с ними, и врожденную слабую адаптивную способность организма.

Список литература.

1. Щербатых Ю.В. «Психология стресса и методы коррекции» СПб, «Питер», 2012 г. с 13-21
2. https://ru.wikipedia.org/wiki/Адренотропный_гормон
3. <http://кнопказдоровье.пф/что-такое-dofamin/>

Гемеджи Е. М.

РГПУ им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕГАПОЛИСЕ

Аннотация: в статье анализируется ход эволюции процесса празднования дня рождения и влияния урбанизации на него. Приводится анализ нескольких источников и полевые материалы пилотажного исследования автора.

Ключевые слова: день рождения, урбанизация, мегаполис, овеществление, праздник, эволюция.

Цель настоящей статьи – представить результаты работы автора по изучению влияния урбанизации, и связанной с ней новейшей ценностно-нормативной системы на ритуальные и артефактные особенности праздника «День рождения» с точки зрения социально-антропологической точки зрения.

В последние два столетия в мире стремительно растет количество мегаполисов: Пекин, Нью-Йорк, Лондон, Шанхай, Москва, Санкт-Петербург и т.д. Жизнь в них буквально кипит – огромная промышленность, экономика, бурно развивающееся строительство, миллионы жителей, политика, социальная сфера. Конечно, все это не идет в сравнение с жизнью обычных городов, а тем более, малых населенных пунктов. Так же и день рождения – один из главных праздников в жизни большинства людей здесь проходит совсем по иному «сценарию».

Наши личные наблюдения и изучения этого праздника методом кейс-стади показали, что урбанизация овеществляет процесс празднования дня рождения. Не трудно заметить, что мегаполис – это крайне урбанизированная, стихийно складывающаяся форма городского расселения в ряде высокоразвитых стран, имеющая многомиллионное население. Урбанизация сегодня предполагает увеличение численности городского населения, рост количества

городов, в том числе крупных и крупнейших городов, и широкое распространение городского образа жизни. Праздник «*День рождения*» – это день года, в который родился человек – именинник. День Рождения – это праздник, отмечаемый по всему миру, независимо от расы или пола человека. Всякий праздник – это очень важная первичная форма человеческой культуры. Ее нельзя вывести и объяснить из практических условий и целей общественного труда или еще более вульгарная форма объяснения – из биологической (физиологической) потребности в периодическом отдыхе.

Празднество всегда имело существенное и глубокое смысловое миросозерцательное содержание. Никакое "упражнение" в организации и усовершенствовании общественного процесса, никакая "игра в труд" и никакой отдых или передышка в труде сами по себе никогда не могут стать праздничными, к ним должно присоединиться что-то из иной сферы бытия, из сферы духовно идеологической. Они должны получить санкцию не из мира средств и необходимых условий, а из мира высших целей человеческого существования, т. е. из мира идеалов [1].

Начиная исследование процесса празднования дня рождения и влияния урбанизации на него, в первую очередь следует проанализировать ход исторического развития и становления данного праздника.

История возникновения празднования дня рождения. Существует несколько разных версий истории возникновения данного праздника. Первая версия отсылает нас к язычеству: «праздник День Рождения имеет языческие корни, тесно переплетаясь с черной магией. Существует поверье, согласно которому, именно в день своего рождения, человек наиболее подвержен влиянию темных сил. Именно по этой причине, в день стоит окружать себя только друзьями и близкими, избегая встречи с врагами и недоброжелателями».

Здесь же речь заходит о христианстве – «В глубокой древности, христианство и язычество являлись конкурирующими религиями. Именно по этой причине, христиане не праздновали дни рождения. Церковь же, вовсе считала празднование Дня Рождения проявлением крайне негативного поведения. В умах христиан, желания праздновать День Рождения не возникало и вовсе, по причине своеобразного восприятия мира. Считалось что мир — место бед и скорби, и именно с уходом человека из жизни, начинается счастливое время без бед и страдания. День смерти воспринимался как счастливый день, день избавления от греховного мира» [2].

Вторая версия указывает на Римскую империю: «считается, что римские воины принесли традиции празднования дня рождения вместе с некоторыми восточными традициями, в частности празднования дня рождения бога Солнца Митры. Изначально, культ

поклонения Митре получил свое распространение в Персии, но со временем он распространился и по всей Европе. Вместе с культом поклонения Митре, популярность получила и традиция празднования Дня Рождения бога. Спустя долгие годы праздник получил повсеместное распространение и вытеснил традицию празднования Дня Рождения бога. Таким образом, с 400 г. н. э. римские императоры праздновали свои дни рождения» [3].

Третья версия снова направляет нас к христианству, но уже в другом ключе: «начало этому празднику было заложено во времена Иисуса Христа. Традиция празднования Дня Рождения связана с Рождеством Христовым. В Библии рассказывается о волхвах, которые пришли поклониться рожденному младенца Христу, принеся с собой дары: золото, ладан и смирну. Кроме того, в Библии описывается еще один случай празднования дня рождения, записанный в книге Бытие 40:20–22 и датируемый около 1513 до н. э.»[4].

Тем не менее, все эти версии рассказывают лишь о зарождении самого праздника как такового. А о том дне рождения, который привыкли представлять сегодня, речь пойдет гораздо позже. «В Россию, традиция празднования Дня Рождения пришла намного позже. В XVII веке только цари, члены царской семьи и церковные иерархи пользовались привилегией праздновать свой день рождения. Только в XIX веке День Рождения начали отмечать богатейший люди: успешные купцы и зажиточные дворяне»[5]. Но с этим вопросом нужно разбираться в хронологическом порядке.

Празднование дня рождения в России: от дореволюционной культуры до сегодняшних дней. Традиция празднования дня рождения берет свое начало еще от весьма религиозного праздника – дня Ангела. В конце XVIII начале XIX века праздновался только день Ангела, о дне рождения речи не шло. Праздник определялся по святцам. Выбор же именно дня Ангела обосновывался тем, что не известно, для какой жизни человек родился, а вот ангела-хранителя нужно благодарить за праведную жизнь и благополучие. «Поздравление с Днем ангела происходило следующим образом. Утром к имениннику или имениннице приходили гости «с визитом», чтобы засвидетельствовать свое почтение и оставить визитную карточку или небольшой подарок. Для таких визитов была специальная одежда: строгие платья или костюмы и шляпы. Время визита было непродолжительным — от 5 до 15 минут... На вечерний чай или прием собирались гости только по специальному приглашению. На официальном же приеме состав гостей мог быть более разнообразным. В одном из дореволюционных изданий 1907 года можно найти такое описание именин: «...Семь часов вечера. В дом главы города К. собралось масса гостей. <...> Скупой в обычной своей жизни и крайне требовательный к себе, он любил показать свое

гостеприимство и на него не жалел больших денег. Особенно торжественно он праздновал свои и женины именины. В эти дни к нему собирались все сливки общества К., не исключая и губернатора. Здесь было и духовенство во главе с кафедральным протоиреем, и судейские, и преподаватели разных учебных заведений... и много чиновников разных ведомств, было несколько военных, были даже и студенты. После чая молодежь устроила в зале от нечего делать танцы, старики сели за карты, но нашлась группа людей, которая... занялась серьезными разговорами». Как можно понять из интервью и подобного рода описаний, празднование именин было скорее светским праздником, не исключавшим даже в присутствии духовенства карточные игры и танцы» [6].

После революции ситуация начала в корне меняться. Если быть точнее, то «как любое революционное правительство, большевистские лидеры столкнулись с проблемой несоответствия норм и ценностей общества, которое должно было быть построено, нормам и ценностям режима, который был свергнут. Поэтому, по мнению большевиков, нормы и ценности нового государства не могли быть выражены традиционными ритуалами или православными праздниками дореволюционной России и должны были быть заменены новыми, советскими» [6]. Так, в революционные и постреволюционные времена в советском союзе уделялось внимание лишь празднованию дня рождения политического лидера – из этого делали достаточно мощный пропагандистский ход. День рождения в том, привычном на сегодняшний день виде еще не появилось. «На этом идеологическом фоне юбилею государственного лидера придавался статус государственного события. Как отмечает историк Нина Тумаркин, празднование пятидесятилетия Ленина в 1920 году стало событием государственного масштаба, когда центральная печать «изобиловала приветствиями, хвалебными посланиями и стихами в честь юбилея Ленина». Целью таких поздравительных кампаний было «укрепление законности партийной власти посредством концентрации ее в идеализированном образе вождя, обладающего титаническими способностями и личным героизмом»

Празднование юбилея одного человека служило демонстрацией единства и солидарности всех граждан. В дальнейшем эта тактика была успешно опробована Сталиным в 1929 году — в год его пятидесятилетнего юбилея. Празднование Дня рождения рядовых граждан в первое десятилетие советского государства было скорее исключительным явлением. В семьях, где оно могло бы праздноваться, более значимым праздником был День ангела. Для тех же, кто разделял ценности советской коллективистской культуры, празднование собственного Дня рождения еще не могло быть событием, достойным внимания»[6]. Однако в 1932 году стали

появляться предпосылки к ныне традиционному образу празднования дня рождения, к которым было отнесено также введение единой паспортной системы, согласно постановлению ЦИК СССР от 27 декабря 1932 года[7].

Отсюда, как следствие, фиксация возраста, которая еще больше приблизила становление дня рождения как повседневной практики. «Важным следствием этой кампании являлось документальное фиксирование даты рождения. Таким образом, фиксация возраста в результате государственного регулирования получает обязательный характер»[6]. Так же, сам факт празднования дня рождения политического лидера стал предпосылкой для последующего становления и закрепления празднования дня рождения «Поздравительные кампании по случаю юбилеев государственных лидеров, имевшие широкое отражение и в центральных газетах, заложили основы для формирования идеологического дискурса, связанного с Днем рождения, и, как следствие, наряду с другими названными факторами, основы для появления практик празднования». [6]

Таким образом, в 40-50 годы XX века складывается традиция празднования дня рождения. Появляется праздничный стол, сбор гостей. Так же, в литературе того времени появляется описание процессов празднования дня рождения, которые, впрочем, имеют много общего с дореволюционным днем ангела. «Автору удалось найти три литературных произведения, опубликованных в период с 1939 по 1951 год и описывающих разные социальные среды - семью учителя, рабочую семью, команду военного корабля. Пьеса И. Задонского «День рождения» — самое раннее из трех произведений, где упоминается празднование Дня рождения – была опубликована в 1939 году". Основная идея этого произведения – показать перерождение пессимистически настроенного, несознательного главного героя в человека, осознающего прекрасный советский «новый мир», — является классическим примером дискурса власти в действии. Но сам факт того, что празднование Дня рождения используется автором как основной контекст для разворачивания действия, может быть рассмотрен в качестве свидетельства того, что День рождения в конце 1930-х годов становится разделяемым празднуемым событием.

Главный герой является ярким представителем того слоя, который выдающийся советолог и литературовед Вера Данэм по образу жизни и ценностям определила бы как средний класс или мещанство". Столетов — хорошо образованный, но не слишком успешный и незаслуженно уволенный учитель, который находится «в плену своих убеждений», недостойных советского человека. Рассмотрим два отрывка из этой пьесы. Первым диалогом —

Столетова с сестрой Варварой Сергеевной - начинается первое действие:

«Варвара Сергеевна: Ты бы Сережа, чем зря себя расстраивать, побрился да приоделся бы. Сегодня день твоего рождения, гости будут, а ты... вон какой.

Столетов: Каков есть, Варвара Сергеевна, каков есть... Твои затеи, я никого не звал... Да-с, я не звал и привычек своих менять не намерен».

Как видим, День рождения здесь является поводом для приглашения гостей и предполагает, по мнению Варвары Сергеевны, соответствующий внешний вид. Она же и выступает инициатором празднования («твои затеи», «я никого не звал»), печет пирог для гостей.

Второй отрывок - диалог между именинником и гостями:

«Ольга: Поздравляем вас со днем рождения, Сергей Сергеевич. Желаем счастья и дарим цветы.

Столетов: Благодарю... <...> Вот цветы... Их подарили мне в день рождения, но зачем? Костя (один из бывших учеников): В знак уважения к вам, Сергей Сергеевич. Как символ радости».

Описание празднования имеет много общего с дореволюционными свидетельствами о праздновании именин, например, этикет приглашения гостей, желающих засвидетельствовать свое почтение виновнику торжества. Среди гостей Столетова — бывшие ученики, племянник, его друзья, сестра — достаточно необычный состав пришедших, учитывая, что именинник не проявлял никакой инициативы. В то же время поведение близких к Столетову людей носит выраженный оценочный характер по отношению к его поступкам и мировоззрению. В конце пьесы, по прошествии нескольких дней после ключевых событий и празднования, «старый интеллигент» осознает, что «мыслил до сих пор не совсем верно. Новый мир рождает новых людей. Растет прекрасная, талантливая молодежь», и восклицает: «Жить хочу, Варюша, жить хочу... Вот сегодня у меня, действительно... день рождения». Таким образом, в 1939 году мы находим в описании празднования Дня рождения ключевые составляющие практики, которая была названа О. Хархординым практикой обличения.

Рассказ «День рождения» Бориса Лавренева, впервые опубликованный в 1949 году, описывает военное время, и мы оказываемся на боевом катере. Повествование строится вокруг фигуры старшего лейтенанта Морошко, командующего кораблем и звеном. Так случилось, что его День рождения совпал с неудачно выполненным боевым заданием. «Это, очевидно, и есть подарок, который вы сделали мне, товарищи, в день рождения? — спросил Морошко». Этот вопрос, сопровождавшийся «колючим» взглядом

боцмана и незаметно показанным им же кулаком, был обращен к мотористам, которые не смогли справиться с заглохшим мотором. Командир оставляет пристыженную команду и проводит долгое время в размышлениях о том, как исправить сложившееся положение. Иными словами, команда знает о Дне рождения своего командира, и по смущению бойцов из-за доставленных огорчений имениннику можно сделать вывод о сложившемся отношении к этому празднику и существовании определенных правил поведения по отношению к имениннику. День рождения для человека должен быть радостным днем. Поэтому команда чувствует свою вину. И поэтому, несмотря на намерение «новорожденного» отложить празднование, когда командиры катеров и боцман собрались в кают-компании для обсуждения деталей предстоящей операции, там на столе «клубилась паром отварная треска, тонущая в собственном жиру», стояли «испеченный коком ради дня рождения командира шоколадный торт» и кружки, которые разрешалось ставить только в торжественные дни»[6], то есть, день рождения начинает приобретать черты, близкие к нынешнему празднику: торжество, гости, торт. День рождения получает тот самый сакральный смысл, становится днем чествования именинника непосредственно.

Институционализация дня рождения происходила в 50-80е годы XX века. Одним из показателей этого становится возвращение открыток, запрещенных в революционной и постреволюционной России. «В 1950-60-е годы, когда страна оправилась от военных разрушений и сталинских репрессий, повседневная жизнь стабилизировалась и началось возрождение праздничной культуры. Индикатором этого явилось издание поздравительных открыток. В середине 1950-х годов открытки стали издаваться массовыми тиражами, и, значит, нашли своих потребителей» [8]. Однако в отличие от других праздников, день рождения еще не получает должного внимания: не включен в методические рекомендации, не попадает под государственный контроль. А вот далее, ближе к середине 60х – началу 70х гг. праздник резко «расцветает» и появляется уже в литературе. И так же, респонденты, родившиеся в 70х и позже, утверждают, что их день рождения «праздновался всегда».

«Литература 1960-х годов демонстрирует нам вписанность празднования Дня рождения в семейную и трудовую жизнь людей. Дни рождения празднуют строители Братской ГЭС, несмотря на занятость; знаменитый писатель выступает на юбилейном авторском вечере; любящая семья ожидает возвращения студентки медицинского института, которой в этот день исполнился двадцать один год; учитель-пенсионер впервые приглашает на День рождения гостей — бывших коллег. Описание празднования неизменно

сопровождается приходом гостей, даже случайных; праздничным столом, даже если это только пирог; поздравлениями, хотя зачастую ритуальными. В этих произведениях, в отличие от рассмотренных ранее, празднование Дня рождения используется не просто как контекст или метафора перерождения личности. День рождения сообщает нам о возрасте главного героя, становится подведением итогов и началом нового, является поводом для интроспекции и саморефлексии. Таким образом, оценка личности новорожденного неизменно присутствует, но в скрытой форме, и зачастую в формировании этой оценки предлагается поучаствовать и самому читателю.

Для информантов, принадлежащих к поколению 1970-х и 1980-х годов, празднование Дня рождения – вещь сама собой разумеющаяся. Эти поколения жалели Чебурашку, который «был когда-то странной игрушкой безмянной» и к которому «на день рождения никто не приходил», и росли с мечтой о волшебнике, который вдруг «прилетит в голубом вертолете... и подарит пятьсот эскимо», и о торте с взбитыми сливками, таком же, как ел Карлсон на Дне рождения у Малыша. Этому поколению посчастливилось прочитать повесть А. Линдгрена «О Малыше и Карлсоне, который живет на крыше» в переводе Л. Лунгиной — переводе, который использовался при подготовке одноименного мультфильма и стал, несмотря на шведские истоки, «авторитетным текстом» (М. Бахтин) позднесоветской культуры и источником множества афоризмов. Юные читатели этой повести были уверены, что если уж Малышу разрешили пригласить Карлсона, то и им в День рождения будут позволены такие же невинные шалости, и что День рождения никак не относится к случаю, про который можно было бы сказать «пустяки, дело житейское». Художественная литература укрепила дискурс неофициального праздника. В 1979 году была опубликована работа В.А. Руднева «Советские праздники, обряды, ритуалы», в которой дается первое краткое описание семейного Дня рождения: «День рождения отмечают по-семейному так. За утренним чаем все члены семьи поздравляют новорожденного, дарят ему что-либо приятное — книгу, билет в театр, грампластинку, а вечером устраивается семейный ужин, на стол подается праздничный пирог или торт со свечами по числу лет виновника торжества. Старший в семье говорит в адрес именинника теплые слова. За столом идет веселый разговор, читаются стихи любимых поэтов».[9]

Таким образом, мы видим, что день рождения полностью институализировался в начале 80-х годов XX века. И вот уже здесь данный праздник обратил на себя внимание государства: к 1983 году день рождения появляется в методических рекомендациях, причем, не просто абзацем, но и постоянным определением дня рождения как

праздника. Этому торжеству даже пытаются придать несколько нормативный характер. Таким изменениям, отчасти, поспособствовала институционализация представлений о возрасте: «Если в довоенный период дата рождения стала фиксироваться в документах, что, по-видимому, способствовало рефлексии о наступлении нового года жизни, осознанию возрастных различий и формированию системы представлений о возрасте, то в 1950-60-е годы происходит институционализация этой системы.

Так, в схеме возрастной периодизации, принятой на симпозиуме Академии Педагогических наук по возрастной физиологии в 1965 году, дается группировка возрастов, охватывающая весь цикл человеческой жизни от новорожденного (1-10 дней) до долгожителя (90 лет и старше). Устанавливается возраст начала школьного обучения, возраст октябрят, вступления в пионерскую и комсомольскую организации, возраст и сроки военной службы, возраст получения паспорта и вступления в гражданские права, пенсионный возраст. Государство начинает устанавливать монополию на внешнее управление биографией человека и задавать ее внешние стандарты. Дню рождения в этот период придается значение «ритуала перехода»[6]. День рождения становится не просто праздником, традицией, ритуалом, но и социальным маркером – «Общество начинает мыслиться как совокупность «социально-возрастных групп, состоящих не из реальных индивидов, а из пустых статусных позиций: совокупности прав, обязанностей, ценностей, социальных ожиданий. Допуск в группу реальных индивидов ограничен возрастными параметрами.

Принадлежность к определенной возрастной группе означала обладание соответствующими характеристиками для поступления в образовательные учреждения и для членства в других социальных институтах. В культуре, где возраст рассматривается таким образом. День рождения становится не просто поводом для персонального праздника. День рождения становится важным социальным аспектом определения личности, а наступление выделенных государством возрастов означает изменение статусной позиции и становится ресурсом в системе социально-возрастной стратификации. Таким образом, помимо сложившихся и артикулированных ранее правил празднования, определенное зафиксированное государством количество прожитых лет становится важным ресурсом»[6].

В 90-00х гг. день рождения становится именно таким, каким мы сегодня привыкли его представлять: торт, свечи, веселье, застолье, песни, танцы, поздравления. Праздник того времени описывают так: «В России в День Рождения принято напевать песню «Каравай», которая дошла до наших дней с древних времен. Под влиянием западной культуры, эта традиционная песня довольно часто уступает

англоязычной «Happy Birthday to you». В России День Рождения является торжественным днем и излюбленным праздником для огромного числа людей. В такой день, в чьих семьях намечался праздник, всегда полон дом гостей, которых приглашают родители именинника или же сам именинник. В связи с этим, накрывают праздничный стол, и всех гостей угощают различными вкусностями: пирогами, калачами и караваем. В честь именинника поют песни, танцуют, играют в различные забавные игры. Кроме того, существует множество традиций, связанных с этим праздником. Так, например, именинника принято тянуть за уши по количеству лет исполнившихся виновнику торжества. Стоит заметить, что понятие «именинник» является не совсем точным, хотя оно и употребляется в отношении человека, празднующего день своего рождения, так как Именины и День Рождения являются совершенно разными событиями. Тем не менее, учитывая повсеместное употребление, можно позволить себе совмещение понятий. Одним из наиболее распространенных ритуалов в день рождения является приготовление праздничного торта с воткнутыми в него свечами по количеству лет, исполняющихся имениннику. Перед разрезанием торта именинник загадывает желание, а затем задувает все зажженные на торте свечи. Если ему удастся задуть все свечи на одном дыхании, его желание сбудется» [10]. И, тем не менее, сейчас с этим праздником снова происходят крупные изменения. Сегодня день рождения все чаще празднуют в общепитах, в специальных заведениях, открытых для празднования, либо доставка «праздничной» еды. И стоит обратить внимание, что праздничная еда становится все более обыденной, повседневной. Все чаще день рождения празднуют с использованием аутсорсинга, т.е. привлечения услуг сторонних организаций.

Так же, все больше становится людей, не празднующих собственный день рождения в силу отсутствия интереса к нему, как таковому. Поздравлять зачастую стало просто «положено», дабы не обидеть именинника, проявить формальное уважение к нему.

Подтверждением тому становится пилотажное исследование автора работы под названием «Празднование дня рождения как артефактный процесс», проведенное в городе Санкт-Петербурге в 2017 году среди студентов-социологов 4 курса РГПУ им. А. И. Герцена.

Рис. 1. Артефактный тезаурус празднования Дня рождения студентами РГПУ.

В ходе опроса студентам задавался вопрос о том, «какие артефакты празднования дня рождения вы можете назвать?» респонденты называли торт, свечи, подарки, шары, открытки, песни. Однако последние два артефакта встречались гораздо реже, чем остальные [11] (рис.1.)

Рис. 2. Сценарии празднования Дня рождения студентами РГПУ.

Так же, для сравнения был задан вопрос о том, «по какому сценарию проходит их собственный день рождения?» Чаще всего студенты-социологи встречаются с друзьями/родственниками за праздничной трапезой. Так же они посещают развлекательные заведения, а некоторые отправляются в ресторан или на какое-либо развлекательное мероприятие [11] (рис.2).

Что же касается людей старшего возраста, то здесь стоит обратиться к исследованию аспиранта МАЭ РАН Верховцева Д. В. В своей работе он описывает включенное наблюдение за офисом крупной строительной компании в городе Санкт-Петербурге и системой празднования дня рождения в нем[12]. Там каждый именинник в свой день рождения приносит угощения для коллег, а те в свою очередь собирают определенную сумму и старший по

должности из коллег поздравляет его во время угощения. В качестве угощений могут выступать пироги, торты, пицца. Зачастую сотрудники стремятся выделиться и принести угощение лучше, чем приносили коллеги раньше. Такое рвение наблюдается в основном у сотрудников с лучшим материальным положением или более высокой должностью. Формируется данная система строго по локальному признаку, однако те сотрудники, чье местоположение изменяется со временем, почти всегда все равно продолжают участвовать в поздравлениях того коллектива, в котором находились ранее. Происходит это все по принципу возвратности и добровольности.

Но автору данной работы есть, что противопоставить наблюдениям Д.В. Верховцева. Автор так же имеет опыт наблюдения за определенным офисом компании по ремонту часов и ювелирных изделий в городе Санкт-Петербурге. Обозначим, для конфиденциальности, данный офис, как офис компании «Х». В офисе компании «Х» так же существует система празднования дней рождения сотрудников. Однако здесь сохраняется лишь принцип возвратности и то, только в одностороннем порядке, т.е., каждый угощающий обязательно получит финансовый подарок. А вот то, что каждый «скинувшийся» получит угощение – совсем не обязательно. Здесь же принцип обязательности – каждый месяц из заработной платы каждого сотрудника вычитается сумма на поздравления коллег, и абсолютно каждый именинник должен приносить угощения, но только в ту локацию компании, где трудится. Отказаться участвовать в данной системе невозможно – порядок принудительный. Здесь никто из сотрудников не стремится угостить лучше, чем это делают коллеги. Каждый опирается на собственное материальное положение и личное отношение к коллегам.

Так же, автор обращает внимание на существование целой индустрии праздников, как детских, так и взрослых. Существуют специальные заведения, мероприятия, специалисты которые проводят абсолютно любые праздники, в том числе и дни рождения. Говоря об этом нельзя не упомянуть сеть-интернет, в которой существуют социальные сети, а в них при приближении дня рождения появляется контекстная реклама различных заведений и специалистов для проведения праздников.

В заключении, добавим, что в сети-интернет существует масса ресурсов, предлагающих целые бизнес-модели по созданию и развитию заведений для проведения различных праздников[13].

Выводы.

Наша гипотеза подтвердилась – урбанизация действительно овеществляет процесс празднования дня рождения: угощения, подарки, деньги, декорации. Сам первоначальный сакральный смысл данного праздника теряется на фоне данных артефактов. А в

некоторых социальных общностях праздник, как выяснилось в ходе исследования, и вовсе приобретает принудительный порядок.

В большинстве случаев в современном мегаполисе можно поставить знак равенства между празднованием дня рождения и аутсорсингом. Все чаще используется готовая пища, или специальные заведения/организации и т.д. На днях рождения, да и праздниках в целом, строят бизнес и достаточно прибыльный. День Рождения как явление, феномен из социальной сферы постепенно «перетекает» в экономическую и становится в некоторой степени товаром, а процесс празднования приобретает рыночный характер. Угощения от именинника и подарки от родственников/друзей/коллег превращаются во взаимовыгодный обмен. А порой обмен становится и не совсем взаимовыгодным, бывает и так, что выгоду получает лишь один из его участников. Объяснить это можно «кипящим» ритмом жизни в больших городах – мегаполисах. У людей просто напросто не хватает времени, а порой и желания организовывать празднование дня рождения самостоятельно.

Источники:

1. Гемеджи, Е.М. Влияние глобализации на процесс празднования дня рождения//Конкурс студенческих НИР. СПб., РГПУ им. А. И. Герцена, 2017г.(в печати).
2. Топоров, В. Н. Праздник // Мифы народов мира. В 2-х тт. - Т. 2,- С. 329–331.
3. Гамильтон Э. Мифы и легенды Греции и Рима / Эдит Гамильтон. — М., 2009. — 462 с.
4. Литвинова, М. В. Классификация и типология массовых праздников и зрелищ // Науч. ведомости Белгор. гос. ун-та. — 2012. — Вып. 21, № 14. — С. 191–201.
5. Чудакова, Н. В. Энциклопедия праздников/ Н. В. Чудакова. М.: АСТ-АТД, 1997,- 225 с.
6. Калачева, О.В. Формирование индивидуальной и коллективной идентичности в контексте неофициального праздника (на примере празднования Дня рождения в России советского и постсоветского периодов). Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2000.
7. Попов В.П. Паспортная система в СССР (1932-1976 г.г.) // Социс. 1995. № 8. С. 3-4.
8. Сафронов Ю. Новые праздники и обряды. Минск: Беларусь, 1965. – 52с.
9. Методические рекомендации к организации семейного праздника / Сост. Туркина Э.К. Л.: Акал, педагог. наук, 1983. С. 24-27.
10. Шангина, И. И. Русские традиционные праздники / И. И. Шангина. СПб.: Искусство-СПб, 1997. — 192с.

11. ПМА: г. Санкт-Петербург, 2017г.
12. Верховцев, Д.В. Неотрадиционализм в Российском офисе: Дни Рождения сотрудников. СПб.: МАЭ РАН, 2016г.
13. Речь идет о таких ресурсах, как 101biznesplan.ru, russtartup.ru, социальная сеть «ВКонтакте» и т.п.

СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА

Сборник научных статей

Подписано к печати с оригинал-макета 20.06.2018

Отпечатано в ООО «Лесник-Принт», 192007 г. Санкт-Петербург,
пр. Лиговский, 201 лит. А помЗН, Формат 60x84 1/16

Гарнитура Times New Roman Суг.

Усл. печ. л. 8,7

Тираж 100 экз